

10355/
1959/2

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

7

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ШАЛВА ДАДИАНИ. Последняя любовь. Миниатюра	3
МИКОЛА БАЖАН. Родник. Стихи	4
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман. (Продолжение)	6
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Песня жизни. Стихи	35
ШАМИЛЬ АКУСБА. Когда цветет чай. Рассказ.	36
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Ташискари. Стихи.	44
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Волны стремятся к берегу. Рассказ	46
БОРИС ТЕХОВ. Два колоса. Рассказ	64

Г. АБЗИАНИДЗЕ. Выдающийся грузинский ученый. (К 80-летию академика К. Кекелидзе)	66
--	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. КАЛАНДАДЗЕ. О новых произведениях грузинской прозы. Статья первая.	68
М. ФЕТИСОВ. Первая книга молодого литературоведа	77

ОДЕНЕМ НАШУ РЕСПУБЛИКУ В ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД

И. ЧОДРИШВИЛИ. Охранять природу — значит охранять Родину	80
М. НЕФЕДОВ. Пусть шумит над городом листва!	82

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

К. ЗДАНЕВИЧ. Яркий, впечатляющий талант	88
---	----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

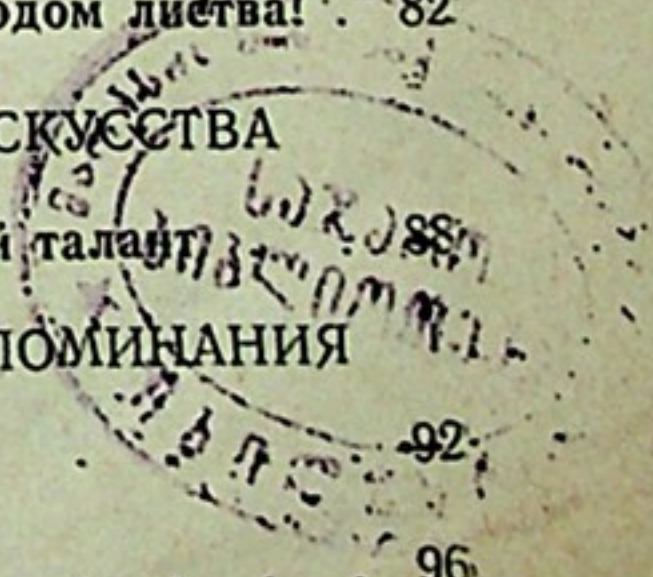
Ал. ЛЕСС. «Пропавшие без вести»	92
---	----

Коротко об авторах	96
------------------------------	----

И Ю Л Ь
1959

61.806

7

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Шалва Дадiani

П о с л е д н я я л ю б о в ь

МИНИАТЮРА

Перевод с грузинского В. Чантурия

Выдающийся грузинский писатель Шалва Дадiani, несмотря на преклонный возраст, продолжал работать до последних дней жизни. Эта миниатюра написана им незадолго до смерти.

Я недавно из больницы, и все еще чувствую себя неважно. Большею частью лежу.

Моя кровать находится у окна.

Подле дома стоит большое, ветвистое дерево. Одна из веток настойчиво старается прильнуть к моему окну...

Ветка красивая, одетая в пышную зеленую листву.

Эти свежие, ярко-зеленые листья шевелятся от ветерка и ласкают оконные стекла. Кажется, что они по-человечьи машут мне рукой и зовут: «Иди к нам!» Некоторые листочки похожи на глаза человека. Когда они подмигивают мне, вся ветка озаряется лукавой улыбкой, словно развлекаясь беседой со мной. И подмигивание листьев не коварно, не обманчиво.

Напротив! Листочки шевелятся любовно, ласково.

Некоторое время ветка, трепеща, манит меня к себе, затем вдруг отходит назад, и, склонившись, будто делает мне поклон. Потом снова приближается к окну.

Нельзя не обратить на нее внимания. Но так как я не отзываюсь, она начинает злиться и, рассердившись, отдалается—то с одной стороны, то с другой бьется о подол своей матери, а потом распускается снова и словно говорит: посмотри, какая я, какое на мне платье из легкой зеленой ткани! Разве не видишь, что любовь к тебе свела меня с ума?..

Люблю тебя, Шалва, люблю!..

Признаюсь, и меня пленила эта ветвь своим удивительным вниманием и лаской...

Я тоже полюбил ее.

Не ты ли моя последняя любовь?..

Микола Бажан

РОДНИК

Перевод с украинского Г. Литвака

Он добежал, пораненный стрелою,
Сюда, где меж мохнатых диких круч
Из глубочайших недр пробился ключ,
Клокочущий целительной водою.

Припал он к влаге, что лилась, светла,
И вновь былая ожила в нем сила,
По немощному телу потекла
И дивной мощью сердце напоила.

Встал на ноги олень, и трубный звук
Вмиг огласил высокогорья дали...
Увидев это чудо, Горгасали¹
Вдруг опустил нацеленный свой лук.

И повелел, рукою обозначив,
Здесь город заложить, где, горячи,
Из-под земли могуче бьют ключи,
Равно сердца его людей горячих.

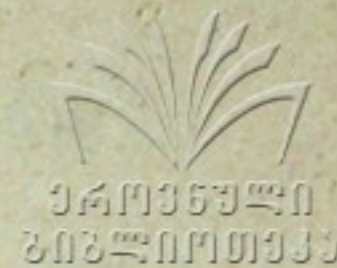
Прошли столетья. Воды родника,
Теплом земным насытись без предела,
Ключи межгорий солнечных картвела,
Не остудились даже за века.

---

¹ Вахтанг Горгасали — основатель города Тбилиси.

Еще ни разу, древний наш Тбилиси,
Струи ручьев целебных и живых
С такою щедрой силой не лилися,
Не омывали так камней твоих.

Себе твою эмблему представляя,
Я вижу: мчит олень свободных гор
В грядущих дней безбрежность и простор,
Навстречу солнцу и цветению мая.

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

Юноша и девушка торопливо шли между цветущими вишневыми деревьями, посаженными вдоль дороги, ведущей к совхозу. За оградой из колючей проволоки цвели персики. Лепестки, усеявшие землю, походили на свежавыпавшие снежинки.

— Наконец-то мы одни, — сказала Нуно.

Годердзи благодарно стиснул в ответ ее руку.

— Далеко еще до разрушенной церкви?.. — спросила Нуно.

В этот миг раздались раскаты грома. Годердзи посмотрел в сторону горы Лекимта: лохматые серые тучи грудой навалились на Кавкасиони.

Опять загремело небо. Годердзи почувствовал на своем лбу дождевую каплю.

— Накаркал этот чертов паромщик, — сказал он. — Нам не добраться до церкви. Свернем в совхоз и там переждем грозу.

Нуно не соглашалась: ее могли там узнать. В прошлом году она, оказывается, была в совхозе — ее посылал Тедо.

Они шли до тех пор, пока небо не стало свинцовым и не разразился дождь. Если бы они сейчас и побежали к совхозу, то все равно промокли бы до нитки. Годердзи внезапно нашел другой выход.

Недалеко от того места, где они находились, около забора высилась плетенная из прутьев сторожка. Там сейчас никого не было, сторожа появлялись тут только во время сбора урожая.

Годердзи схватил Нуно за руку:

— Бежим к сторожевой будке!

Дождь припустил. На песчаной дороге взбухали водяные пузыри. Казалось, что бесчисленное множество воробьев копошится в песке.

Платье Нуно намокло. Годердзи снял с себя куртку и накинул ее на плечи девушке. Запыхавшись, достигли они, наконец, укрытия и осторожно, по узенькой деревянной лестнице поднялись в трехстенную будку, которая так скрипела и шаталась, что, казалось, вот-вот свалится.

Тут стоял стол, на нем кувшин с отбитым горлышком и закопченный фонарь. В углу — охапка сена и рваная мутака.¹

Годердзи снял куртку с плеч Нуно, и, расстелив ее изнанкой вверх на сене, усадил Нуно.

За Кавкасиони сверкнула молния. Девушка вскочила и выглянула из будки.

¹ М у т а к а — круглая длинная подушка, валик.

На несколько километров протянулись виноградники. Каждый участок окружали персиковые и вишневые деревья. Косые бичи дождя хлестали по лозам. Они дрожали и гнулись.

— Посмотри, Годердзи, у них стволы толщиной в твою руку. Через несколько лет и наши виноградники будут такими. Не правда ли? До чего здесь красиво. Если бы я была художником, то обязательно нарисовала бы все это: и виноградники и деревья в цвету.

— Через два-три года Бермухская гора и Гвелетское плоскогорье соединятся террасами виноградников. Ты представляешь, Нуно, как тогда будет красиво!

Налетел ветер. Нуно скрылась в будке.

— Эх, если бы у нас с тобой была хоть вот такая трехстенная комната, — вырвалось у нее. — Правду говорил Ниортава: мы с тобой похожи на ласточек без гнезда.

— Не беспокойся, дорогая. Скоро у нас будет не трехстенная, а настоящая четырехстенная комната. Мне нужно только достать тысячу штук черепицы.

— Для чего тебе столько черепицы?

— Потом скажу.

Нуно снова подошла к тоненьким железным перилам, протянутым с открытой стороны сторожки. В ее глазах мелькали отсветы молний. И ее звонкий смех сливался с весенним звоном дождя. Годердзи никогда не видел ее такой озаренной.

Он приблизился к ней и нежно обнял.

— Давай присядем, — сказал Годердзи.

Нуно воспротивилась:

— Здесь лучше. Постоим, полюбуемся этим чудесным зрелищем.

Она ухватила рукой за перила. Годердзи порывисто поцеловал ее в затылок, оторвал от перил, поднял на руки и, точно ребенка, уложил на разостланную свою куртку.

Он притянул Нуно к себе и стал целовать ее в глаза, в лоб, в губы. Она пыталась сопротивляться. Но девичье упрямство было, в конце концов, сломлено.

Рано утром они услышали скрип лестничных ступенек и потом увидели старика. Это был совхозный сторож, которому понадобилось почему-то именно сейчас придти сюда за кувшином. Он не удивился молодым, а сердечно пожелал им доброго утра.

Нуно испугалась. Старик успокоил ее:

— Не бойтесь меня, дети мои. Я ведь тоже был когда-то молодым и вместе со своей любимой ночевал и в стогах сена и в сторожевых будках. Радуйтесь своему счастью и не упускайте его... А я только возьму кувшин и уйду.

Годердзи пытался оправдаться: они, мол, шли домой, но их застала гроза, и они вынуждены были сюда забраться. Он внимательно смотрел на старика, который казался ему знакомым.

— Неужто не узнал меня? — сказал тот. — Я дедушка Шио, Шио. Эх, будь проклята бедность! Я ведь в долгу перед тобой.

Годердзи не понимал, откуда знает его старик.

— Не помнишь, сынок? В прошлом году я вез на арбе в Телави своего больного внука. Плохо ему было. Ты остановил свою машину у моста, посадил его туда и быстро отвез в больницу. Мальчика спасли.

Старик взял кувшин и, посмотрев на Нуно, сказал:

— Я и тебя, доченька, знаю. Но ты не тревожься. Дедушка Шио умеет хранить тайны. Тайна этой ночи умрет вместе со мной.

Несколько раз Коринтели заходил к Сускии, но ни разу не заставлял ее дома. Сторож Матэ говорил, что доктор, быстро оправившись после гриппа, занялась своей повседневной работой.

Коринтели решил больше не заходить на медпункт. Здравый смысл внушал ему: «Не торопи ни себя, ни ее. Чтобы плод созрел — нужно время. Может быть, вам лучше пока и не встречаться. Знаешь поговорку: «С глаз долой, из сердца вон». Проверьте друг друга...»

Дни проходили в напряженном труде. С утра Коринтели отправлялся обычно на виноградники или работал в своем саду, а с вечера и до глубокой ночи занимался наукой — писал свою книгу. Он старался не встречаться с Варей и Медико, и Майя подавала ему ужин в его комнату.

Бушевала Европа, безумствовал Гитлер, за тысячи километров слышалось роковое бряцание оружия.

А в тиши гвелетских лесов, в своем маленьком кабинете, с вечера до утра трудился ученый; он боялся, как бы не вспыхнула война и не остался бы незавершенным его капитальный труд.

Поздно ночью, когда радиостанции Москвы, Лондона, Парижа и Берлина заканчивали передачу правительственных нот и деклараций, Коринтели слушал музыку Баха, Бетховена и Бизе.

На рассвете из Каира доносился пронзительный крик муллы, а из Иерусалима — пение раввина.

Нигде не было покоя. Не было покоя и в его собственном доме.

Жизнь походила здесь на какую-то странную пантомиму. Единственным живым существом, с которым чаще всего разговаривал Коринтели, был верный Ахилл.

Воскресным утром Вахтанга разбудил громовой голос дяди Нико. Вместе с ним из Телави приехал Зураб Арадели; он находился в отпуску и решил погостить недельку у своего старого друга. Дядя Нико захватил с собой много разной живности и вина. В подарок Коринтели он привез и маленькую лань, которую поймали охотники в Тушетии.

Коринтели очень обрадовался гостям. Но, не в обиду им будь сказано, особую радость он испытал от лани, которую приласкал и назвал именем любимой лани царя Ираклия — Бижиной.

Для Бижины устроили загончик в саду и собирались запереть ее там. Но она решительно воспротивилась этому. Животное сразу же привязалось к своему хозяину, бегало за ним. Когда Коринтели работал, Бижина усаживалась на полу в его комнате и, наострив ушки, наблюдала за ним. Бижина и засыпала здесь.

Ахилл встретил Бижину враждебно. Но она, как это ни странно, не испугалась; она, должно быть, не поняла собаку и потому не обращала внимания на ее злое рычание. Кончилось тем, что Ахилл и Бижина сдружились.

Появление гостей внесло некоторое оживление в дом Коринтели.

Медея в последнее время болела и редко когда выходила из спальни. А тетя Варя с приездом гостей совершенно перестала заниматься хозяйством. Она без всякого стеснения надевала шелковые платья своей племянницы, ее лаковые туфли на высоких каблуках и, не выпуская изо рта папиросы, целыми днями празднично шаталась по дому и саду, давала распоряжения прислуге, иногда присаживалась к роялю. Все заботы по хозяйству легли на плечи Майи, Андро и, конечно, на плечи самого Коринтели.

— Давно я не слышал фуги Баха, — сказал как-то Арадели, прослушав игру тети Вари.

— Скажите на милость! И как это вы узнали, что я играла? Видно, тараканьи профессора тоже что-то смыслят в музыке, — иронически заметила тетя Варя.

— Я, к сожалению, не так музыкален, как вы, — ответил Арадели, — но я люблю музыку и могу по достоинству оценить игру. Не будь таких слушателей, вам, с вашим талантом, пришлось бы худо.

— Что мне до вас, новоиспеченных красных профессоров?! — высокомерно пробормотала тетя Варя, продолжая играть. — Ваше одобрение, как и ваше порицание, ничего для меня не стоят.

Вспылил дядя Нико. Он протестующе поднялся и ушел в кабинет Коринтели.

— Как вам понравилась усадьба гвелетского новосела? — спросил его, улыбаясь, хозяин.

— Она замечательна, Вахтанг. Можно подумать, что твоему саду уже полвека. Кому придет в голову, что ты сажал старые деревья! Вот что значит современная техника. Но я смотрю на твой дом, сад, бахчу и думаю: для чего тебе все это? — дядя Нико тяжело вздохнул. — Зураб считает тебя счастливейшим человеком. У тебя, мол, все есть, недостает только детей. А я никак не могу забыть того, что слышал той проклятой ночью в Телави. Боже, лучше бы я тогда оглох и ничего не слышал. Зачем мне было привозить тебе и пакет от проклятой Ефимии?!

— Эх, дядя Нико, я уже давно примирился с этим.

— И ты ни разу не пытался поговорить с Медико?

— Даже и не заикался. Словами тут не поможешь.

Звуки рояля затихли. Дядя Нико встал и посмотрел в приоткрытую дверь.

— Пришел инженер Цероденашвили, — сказал он. — Что ему, этому молодчику, здесь понадобилось?

— Он главный инженер Гвелетской ГЭС, родственник Вари. Она клянется, что он родной ее племянник.

— Это и я слышал, Вахтанг. Мать Церодены — урожденная Джорджадзе.

— А мне-то какое до них дело, — злился Коринтели. — Пошли все они к черту! Такой наглой особы, как эта тетя Варя, я еще никогда не встречал. Пристала, чтобы я помог ей прогуляться с Медико по Европе. Правительство, мол, к тебе хорошо относится, выдаст визы. А в последнее время зачастил этот Церодена. Знаешь, что недавно сказала мне эта дура? «Допустим, если он нам и не родственник, что из этого? Муж красивой жены должен проявлять терпимость к ее поклонникам. Ты не один год прожил во Франции, читал же пикантные французские романы и знаешь, что красивых женщин, как и религиозных идолов, воодушевляют поклонники, красивым женщинам все прощается! Бальзак, Флобер и Лев Толстой создали образы женщин, не устоявших перед искушением. Форнарина, возлюбленная Рафаэля Санти, была дочерью простого булочника. Муза Праксителя—Фрина,—была женщиной недостойного поведения; она, как известно, во время всенародного торжества разделась донага». И еще добавила: «Ваше искусство потому и скучно, что оно занято прославлением лишь высоко нравственных людей». Как тебе это нравится? — спросил, смеясь, Коринтели.

Дядя Нико равнодушно вертел в руках пресс-папье. Он хорошо представлял себе, что могла еще сказать тетя Варя, и не хотел вникать сейчас в смысл ее слов. Он думал о своем.

— Эх, мой Вахтанг. Пусть хоть о стенку голову расшибет тот, кто тебя не любит, — не жалко!

— Ты прав, дядя Нико. Не зря существует пословица: «Налитое вино должно быть выпито». В счастливый, должно быть, день приехал я в Бермуху. Если бы я и Медико жили в Тбилиси или в каком-нибудь другом большом городе, то, вероятно, я бы не так быстро заметил то, что увидел здесь. Городская жизнь дает человеку возможность маскироваться — там далеко не все тайное становится явным. Там можно долго прожить в маске, как на маскараде. А тут — все на виду, ничего не скроешь.

Появление Майи прервало их беседу. Нужно было идти обедать.

— Сегодня Воздвижение креста господня, — напомнила за столом тетя Варя. — В этот день сам бодбийский епископ служил, бывало, в Троицкой церкви. Сюда верхом и на тройках с бубенцами съезжалось все кахетинское дворянство. Ах, боже мой, как все это было красиво. А теперь — опустел пречистый храм, никто не хочет поклоняться святому...

Арадели выпил вино и шутливо сказал сидящему возле него дяде Нико:

— Мы как-нибудь перенесем это горе. Не правда ли? Передай-ка мне, пожалуйста, ткемали.¹ Оно, может быть, утешит нас в разлуке с бодбийским епископом.

Церодена хотел было что-то сказать, но его рот был набит пороссячьим окороком.

Все проголодались и ели с большим аппетитом.

— Я редко где видел такой изумительный пейзаж, — восхищался Арадели. — Прекрасное место выбрал ты, Вахтанг, для своего жилья. Какой открывается здесь вид на Кавкасиони! Хватит тебе бродить по свету. Пора посидеть в тиши, за письменным столом и обобщать накопленное, выдавать том за томом. Здесь у тебя под руками богатейшая флора. А что еще нужно ученому-агроному! Для полного человеческого счастья недостает разве только детишек, — усмехнулся он.

Тетя Варя решительно возразила:

— За всю свою жизнь я еще ни разу не видела человека, осчастливленного детьми. Дети — всегда обуза. А деревня, господа, — сказала она по-русски, — скучнейшая пустыня. Профессор Арадели от нее в восторге. Но вряд ли мадам Арадели согласилась бы поселиться в таком «раю». Ее больше устраивает жить в Тбилиси, на проспекте Руставели.

Арадели возмутился:

— Откуда вы это взяли? Я вот уже три месяца, как живу с семьей в Телави. И я не прожил бы и одного дня с такой женой, которая отказалась бы отправиться со мной туда, куда зовет меня долг.

Церодена положил на тарелку обглоданную кость и заметил:

— Метафизический разговор! Современная деревня не может, конечно, удовлетворить духовных запросов интеллигентного человека.

— Мой племянник прав, — поддержала его тетя Варя. — Культурный человек может жить только в городе. Европейская аристократия поняла это еще в восемнадцатом веке, когда переселилась из своих поместий в Париж, Рим, Берлин, Лондон. Именно город породил европейскую культуру. Если бы не существовало Фобура, Сен-Жермена, то Стендаль и Бальзак не создали бы своих блестящих романов.

Коринтели невольно улыбнулся. Он отвел глаза от тети Вари.

Церодена раскалывал щипцами орехи и жадно жевал их. Но он не мог остаться равнодушным к возникшему спору и не поддержать тетю Варю.

— Деревня хороша, когда у тебя есть большое имение и есть

¹ Ткемали — острая подливка.

кому за ним ухаживать, — рассуждал Церодена. — Мой прадедушка, князь Джорджадзе, имел три тысячи гектаров и больше тысячи крепостных. Он не тратил время, вроде меня, чтобы колоть орехи. Это делали люди, которые ему прислуживали. Итальянское акционерное общество уплатило ему двести тысяч золотом только за порубку дубовых и каштановых лесов.

Церодена передохнул, выпил вина и продолжал:

— Если бы Арашенда — Гвелети досталось мне по наследству, то я никогда бы не разбивал здесь виноградников! Я вначале вырубил бы леса, заработал бы на этом, а потом отдал крестьянам землю в аренду — и на этом еще заработал бы.

К чему техника? Она, по-существу, приносит лишь вред.

Техника, как и вообще цивилизация, уничтожает наше национальное своеобразие. Не секрет ведь, что английский язык господствует на железнодорожном транспорте и в мореходном деле, а французский — в дипломатии и международных отношениях.

Только примитивное народное хозяйство способно его удержать и сохранить. Если бы мне сам бог предложил снова явиться сюда лет через сто, то я бы отказался, так как мне больно было бы взглянуть на нашу Алазанскую долину, изрытую экскаваторами и грейдерами, наполненную дымом труб и ревом сирен. Железные мосты и канатные дороги только изуродуют наши изумрудные Кавказские горы.

— Ну, знаете...

Коринтели еле сдержался. Он толкнул локтем рядом с ним сидящих дядю Нико и Арадели, и они втроем поднялись из-за стола и вышли в сад.

— Так ты говоришь, Вахтанг, что этот человек — главный инженер вашей ГЭС? — недоумевал Арадели. — Клянусь, он позорит звание честного грузинского инженера. И как он смеет так вести себя в твоём доме?!

— Что поделаешь, Зураб, — развел руками Коринтели. — Мы, грузины, часто проявляем к гостям больше терпения, нежели они заслуживают, и часто прощаем им то, чего никому нельзя простить. Но будь уверен, что ноги этого человека не будет больше в моём доме.

Коринтели услышал, как тетя Варя крикнула Медее, что она скоро вернется, увидел потом две удаляющиеся от дома фигуры — тети Вари и Церодены.

Дядя Нико и Арадели хотели, чтобы Коринтели поехал с ними к доктору Канделаки, куда они были приглашены. Но он отказался, и те отправились без него.

«Пойду, повидаюсь с Сускией», — решил Коринтели.

Еще на лестнице к нему донесся голос жены, зовущей Майю:

— Майя, принеси воды!

Майи поблизости не было.

«Как сложна и противоречива жизнь! — думал он. — Отрекаешься от человека, который когда-то был твоим вторым «я». В соседней комнате лежит больная женщина, ради которой еще совсем недавно я не пожалел бы ничего на свете, а теперь не подаю и воды. Она была моей женой. Я не спешу на ее зов и меня все больше и больше тяготит то, что мы под одной крышей...»

Коринтели вышел во двор. Взошла луна и посеребрила горы. Издалека донесся печальный крик журавля. Он приближался, становился все громче и громче. Коринтели вглядывался в небо, стараясь обнаружить

птицу. И вот он заметил над верхушками деревьев тень, летящую к югу, и услышал, уже совсем близко, тоскующий крик. Это был крик осиротевшей души, затерявшейся в небесной выси, крик влюбленного, искавшего друга на земле и в поднебесье...

Журавль скрылся.

Медея снова звала: «Майя! Майя!» Коринтели поднялся в свою комнату, взял шапку, палку. Бижина пошла было за ним. Коринтели взял лань на руки, приласкал, уложил в углу и захлопнул за собой дверь.

В поселке мало-помалу стихали голоса людей. Тусклый свет струился из домов на улицу. Вдоль только что проложенной дороги, до самого Оленьего озера были разбросаны пирамиды гравия.

Вдали гудели тракторы. Разноголосо ревел скот.

Тягуче скрипели арбы. Крестьянин в папахе нес на плече барашка. За ним следовала женщина в платке, с ребенком.

Мальчуган в войлочной шапке гнал буйволов, измазанных в грязи от темени до копыт.

Куда-то торопился отряд пионеров.

— Раз, два! Раз, два! — командовал чубатый пионервожатый.

Ритмичный топот ног вторил команде.

Хевсур, одетый в пестрый старинный костюм и вооруженный саблей, тащил на веревке черную свинью. Она упрямылась. Он ругал ее на чем свет стоит, потом отстегнул саблю и ножнами принялся подгонять свинью. Коринтели улыбнулся, наблюдая этот поединок рыцаря с упрямой черной свиньей.

Пронзительно плакала девочка. Через открытые двери слышно было, как мать успокаивала ее, сулила подарки, но девочка не унималась.

На балконе одного из домов показалась женщина. Она сняла с перил простыню и вошла в дом.

Коринтели шел и шел.

В окне Сускии горел свет. Коринтели обрадовался. Его угнетало одиночество и только встреча с Сускией могла исцелить его.

В темном коридоре чья-то тень пересекла ему путь.

— Кого вам, батано? — Коринтели узнал старика сторожа.

— Доктора Миндели.

— Она просила передать, если кто к ней придет, чтобы подождали. Ее вызвали к больному. Войдите в комнату. Она вот-вот вернется.

Сторож загремел ключами и открыл дверь.

Как непохожа была сейчас эта маленькая комнатка с низеньким потолком, от дверей и окон которой еще пахло краской, на ту, которая запомнилась Коринтели в день приезда Сускии. Она стала уютной, обжитой. В ней царила необычайная чистота. На одной из стен висела репродукция «Мадонны с младенцем». На столе стояла фарфоровая ваза с чуть увядающими цветами.

— Я первый раз на своем веку вижу такую женщину, как она, — говорил Матэ, стоя у порога. — Всюду она поспевает! Весь день кружится, как белка в колесе! У нас в Гвелети два доктора, но они все время в городе, и все больные идут к Миндели. Три дня назад хевсур отравился рыбой. Так она его прямо из когтей смерти вырвала. Позавчера пастух ранил кинжалом полевода...

— За что?!

— Да лошадь потравила кукурузу. Полевод разозлился и матерно обругал ее хозяина — тушина. А вы знаете, какие они горячие — вы-

хватил кинжал и пырнул полевода в живот. Еле живого привезли его к нам. Миндели зашила ему живот и спасла. Вот это женщина! Доброе у нее сердце. Приходите, говорит, Матэ, к обеду, одной есть тошно...

Коринтели внимательно слушал. Он радовался тому, что слышал, гордился Сускией и, вместе с тем, в нем, с какой-то особенной силой, вспыхнуло чувство сострадания к ней, чувство вины за ее одиночество.

Он взглянул на часы. Стрелка перешла уже за десять. «Ну что ж, подожду», — решил он и стал расспрашивать старика о его жизни.

Как свойственно простодушным людям, сторож стал рассказывать все обстоятельно, вспоминая малейшие подробности своей биографии. Когда-то он сапожничал в Западной Грузии, шил чувяки, а после женился на кахетинке, купил домик с участком за Алазанью. Два сына погибли в германскую войну, а третий ушел в зятя в Тбилиси, в семью портного. Жену старик похоронил.

— Мое ремесло уже не кормит меня, батано, — плохо видеть стал. Не могу вдеть нитки в иглу, шило в руках трясется...

Старик умолк и пристально посмотрел на Коринтели.

— Говорят, новая война будет. Если и третьего сына у меня заберут, тогда хоть утопись в Алазани.

Коринтели старался успокоить старика.

Много времени прошло, а Суския не приходила.

Сторож почесал голову и сказал:

— Должно быть, у полевода поднялся жар, тогда доктор его не оставит и до утра не придет...

Ждать было бессмысленно. Коринтели попрощался со сторожем и побрел в темноте.

Уже крепко спали гвелетские новоселы. Никто не встретился на дороге.

Из приалазанских роц доносился тягучий крик фазанов.

Коринтели прошел мимо крепости Мамуки, мимо руин храма. Ночь и запустение глядели из ворот разрушенных бастионов. Где-то ухала сова. Печально смотрел Коринтели на эти руины. От них веяло неотразимой грустью давно минувших веков.

Тихо, на цыпочках поднялся он в свою комнату. Бижина проснулась и бросилась ему навстречу. Он поднял ее и поцеловал в мордочку, как-будто выточенную из черного янтаря.

Лань была для него в эту минуту самым близким живым существом на свете.

XXIV

После стычки с Цероденой произошло еще одно событие, которое способствовало тому, что «гордиев узел» семейных отношений был уже окончательно разрублен.

Коринтели только два раза побывал у Сускии, но и этого было достаточно, чтобы в селе, неведомо каким образом, распространился слух об их встречах. Слушок этот донесся, конечно, и до ушей тети Вари.

Однажды вечером Цихистави зашел к Коринтели, и они вместе уехали в Кварели на совещание. Предполагалось, что совещание продлится два дня. Коринтели уже из машины крикнул Майе:

— Завтра не ждите меня.

Но случилось так, что Цихистави был срочно вызван в Тбилиси, совещание отложили, и Коринтели той же ночью вернулся в Гвелети.

В саду его радостно облобызал Ахилл. Здесь же, на раскладушке, крепко спала Майя. Он дернул дверь. Она оказалась запертой.

Коринтели осторожно постучал. Никто не отозвался. Он не захотел будить Майю и обошел дом в надежде, что в него можно будет пробраться через заднюю дверь или в открытое окно. Но открытой осталась только одна форточка. Он залез на подоконник, просунул в нее руку и открыл задвижку окна. Через окно он тихонько проник в дом.

Ни Медея, ни тетя Варя не знали, разумеется, о его возвращении.

Он улегся в постель, но сон не приходил. Сквозь открытую дверь спальни к нему донесся скрипучий голос тети Вари. Она и Медея тоже не спали.

— Твой-то профессор поддался искушению! Я ведь давно предупредила тебя, моя дорогая, что он равнодушен к этой самой врачихе, дочери пекаря Луки.

Он не спускал с нее глаз еще тогда в Телави, у Нико. Они стоят друг друга. А ты — доверчивая овца и не понимаешь, что если мужчину не держать, как рыбу, за жабры, он обязательно выскользнет из рук. Так оно и случилось!

Знаешь ли ты, что после ужина, который был у нас, он отправился ее провожать? Я целый час ждала его и уснула, так и не дождавшись. Почему Вахтанг упорно отказывается от заграничной командировки? Из-за нее. Почему он держится за Бермуху? Тоже из-за нее — она же тут сейчас работает...

— Нет, тетя Варя, ты не во всем права, — робко возражала Медея. — Вахтангу надоела граница, поэтому он отказался от командировки и живет в этом медвежьем углу.

— Ха-ха-ха! — засмеялась тетя Варя. — Внуку дьякона надоела «гнилая Европа», он соскучился по запаху бермухского навоза! Господи, что это за уродливый снобизм. И до чего смешны эти новоявленные чайльд-гарольды! На каждом перекрестке они ругают европейскую цивилизацию, а ведь сами гонятся за всем заграничным, не вылезают из английских костюмов, пишат американскими авторучками.

Медея перебила ее:

— По правде говоря, я не верю, тетя Варя, всему тому, о чем вы говорили.

— В этом-то и твоя беда, моя милая, — ответила тетя Варя. — У красивых женщин, как и у кичливых художников, одна и та же болезнь: каждый из вас думает, что никто из поклонников ему не изменит. Вы не верите в силу соперников. Поэтому-то вас легко и подводят.

— Я никогда, тетушка, не обольщалась своей красотой, тем более теперь, когда уже пробивается седина, — сказала Медея. — Но если между Вахтангом и этой женщиной и есть что-то, — мне, признаться, уже все равно. Я знаю, что он меня уже не любит. Да и мне он... противен.

Во дворе послышался лай Ахилла. Тетя Варя насторожилась:

— Молчи. Не он ли вернулся?

Разговор, случайно подслушанный Коринтели, заставил его вести себя осторожнее, не встречаться больше с Сускней в Гвелети. Один раз в неделю, в субботу, после рабочего дня они приходили к Оленьему озеру. Здесь их ждала машина. Они отдалялись на не-

сколько километров от Гвелетских развалин и скрывались в безлюдном ущелье. Домой возвращались поздно ночью.

Как-то раз Коринтели решил повезти Сускию в Нагваревское ущелье, чтобы послушать, как он выразился, «соловьиный оркестр». Но они не проехали и пяти километров, как забарахлил мотор.

И должно же было именно в этот день и час произойти следующее: у Медеи начался сердечный приступ. Немедленно понадобилась камфора. Ее нигде не нашли. Тогда тетя Варя села в кабину грузовой машины и поехала за лекарством в Кварели. Тут-то на дороге, она и увидела Вахтанга и Сускию вместе. Андро стоял у поднятого капота машины, а они сидели, прижавшись друг к другу. Промчавшуюся мимо тетю Варю они не заметили.

Машину починили, и они тронулись дальше. Коринтели любовался мелькавшими квадратами густых виноградников, раскинувшихся по склонам холмов, мощными буйволами, которые не жились в лужах, отарами овец, пасущихся на пригорках.

Мальчик играл на свирели, примостившись на скале.

О чем-то громко спорили двое крестьян, остановившихся у обочины.

Потом машина въехала в сказочную тишину.

Мглистое ущелье, серые скалы, изуродованные оползнями и обвалами, лужайки, осыпанные яркими цветами, развалины древних крепостей на краю утесов, головокружительные бездны, реящие над ними орлы, живописные буки и сосны — все это безграничное величие природы восхищало и требовало великого пейзажиста.

Дорога суживалась. Приходилось объезжать огромные валуны. Судя по всему, здесь совсем недавно взрывали динамитом скалы. На скрытом повороте вдруг возник грейдер.

Он не двигался. Усталый шофер спал за рулем. Андро ловко сманеврировал, и они благополучно миновали опасное место. Но не прошло и минуты, как машину занесло, она стремительно ринулась к пропасти. Андро резко повернул руль, и она очутилась в придорожных кустах можжевельника. Пришлось прибегнуть к помощи пастухов, которые перебрались на их зов с другой стороны ущелья.

— Не возвратиться ли нам, Вахтанг? — испуганно спросила Суския.

— Нет! — ответил Коринтели. — Нехорошо возвращаться с полдороги. Ты, может быть, боишься?

— Я и смерти не боюсь, Вахтанг! — ответила она, и про себя добавила: «Тем более с тобой».

— Стоп! — крикнул в это время Андро. — Дальше нет пути!

Перед ними возник разрушенный деревянный мостик, переброшенный через бойкий ручей.

— Воды по щиколотку, — весело сказал Коринтели.

Андро с машиной остался у мостика, а они, перебравшись через ручей, продолжали свой путь.

— Как хорошо, когда возвращаешь потерянное! В юности я чуть не умерла из-за тебя, — произнесла Суския, глядя в лучистые глаза Коринтели.

— Неужели ты могла умереть? — встревожился Коринтели.

Но она не ответила, а он не повторил вопроса.

Их внимание привлек коршун, вспорхнувший с дороги. Он тут же метнулся в кустарник и схватил куропатку.

— До чего бессердечна природа, — сказал Коринтели. Патка еще жива, но она так обезумела от страха, что не смеет даже пикнуть.

Они свернули на тропинку. Перед ними открылось Нагваревское ущелье. Оно не обмануло их ожидания и встретило соловьиными трелями. Едва один певец замолкал, отзывался второй. В певческий турнир вступали все новые и новые птицы. Переливаясь, звучал соловьиный оркестр. Как зачарованные, внимали ему Суския и Вахтанг.

Из-за гор выплыла луна, осветив ущелье призрачным тусклым светом.

Небосвод украсился звездами. Он как бы опирался на вознесенные ввысь горные вершины, обступившие ущелье. Беззаботно журчала речка. Вдали был виден величественный, черный силуэт крепости.

Гранитные кубы громоздились друг на друга. Их падение задерживала огромная, похожая на трапещию, замшелая глыба, которая, подобно ложу дэвов, вздымалась над долиной.

Они поднялись туда.

У разрушенной крепостной стены лежала заросшая мхом скала.

Поросшее густыми лесами ущелье напоминало море. Вдали, на самом горизонте, толпились горные вершины, одетые в белые саваны, а все пространство у их подножий казалось морской гладью.

— Давай-ка здесь отдохнем, — предложил Коринтели.

...Суския лежала на скале с лицом, обращенным к небу. Ее выющиеся волосы разметались, темно-синие грустные глаза устремились в одну точку.

— О какой это возможности смерти ты вспоминала недавно? — спросил ее Коринтели. — Скажи, дорогая.

— О той, которая давно миновала, — ответила Суския, глядя его голову. — Это было в тот год, когда ты из Телави уехал в Париж. Я ведь еще тогда любила тебя... А ты будто и не помнишь?.. И я отравилась. Если бы не дядя Нико, меня не было бы в живых. Он спас меня...

Коринтели теснее прижался к ней, целовал ее волосы, плечи, руки.

— Мужчины бывают бессердечны, — говорила Суския, смотря в небо. — И иногда даже бахвалятся своим бессердечием, как истинно мужской доблестью, оскорбительно отзываются о тех, которым сами клялись в любви и которые, поверив, откликнулись на их зов.

Потому-то многие из женщин и предпочитают оставаться одиночками. Ведь лучше быть одинокой, чем обманутой! И скажу тебе искренне — я не хотела ехать в Гвелети... Не то, чтобы не хотела, — это неверно. Я, конечно, хотела. Но я боялась себя самой, боялась тебя, решила не встречаться с тобой. Сколько было уже пережито! Для новых мучений у меня уж не хватает сил.

— Ты не знаешь, как я одинок и несчастен! — прервал ее Коринтели. — Да, мужчины действительно бывают бессердечны. Ты права. Но они же за это и расплачиваются. Вот и я получил заслуженное возмездие...

Самолюбие не позволило ему жаловаться на свою семейную жизнь — и он сдержался. Но Суския поняла, о чем он хотел сказать, и ни о чем не допытывалась.

— Зато ты находишь утешение в науке, — сказала она сочувственно.

— Эх, моя дорогая, — ответил Коринтели. — Ты слыхала, вероят-

но, о мифическом фригийском царе Тантале, которого покарали боги. Он стоял по горло в воде и был мучим неутолимой жаждой. Такие же танталовы муки испытывает и ученый.

Чтобы хоть немного достигнуть в науке, ей нужно посвятить всю свою жизнь, да и жизни одной не хватает. Не успеешь оглянуться, — а у дверей старость.

А человеку хочется так много сделать, и он чувствует, что не успевает... Мне пришлось долго скитаться по чужим странам... И я, в конце концов, не знал настоящего семейного счастья... Я, как и ты, всегда любил детей, но остался, как видишь, бездетным...

— Если бы ты в тот год не уехал в Париж, мы были бы счастливы... Не правда ли, Вахтанг? — спросила Суския.

Коринтели не хотел бередить рану. Он улыбнулся и сказал:

— Я боюсь, Суския, что любовь между двумя существами возникает лишь тогда, когда они теряют друг друга.

Суския не возразила. Она знала, что Коринтели сказал не то, что думал. Она любит и любима. Она обрела свое долгожданное счастье — и теперь его нужно сберечь.

Об этом подумал и он, прислушиваясь к тому, как виртуозно заливались соловьи.

Коринтели гладил пышные волосы Сускии, которые даже при бледном лунном сиянии хранили отблеск того пламени, которым обыкновенно горят ветки лозы. Неземной красотой сияла она. Опершись на локоть, смотрел на нее Коринтели.

Огромная гранитная глыба врезывалась в пространство, как нос корабля, и Коринтели казалось, будто в эту лунную ночь он и Суския плыли в бескрайние просторы океана.

XXV

Гвелетское плато преобразалось. Три тысячи гектаров ранее бесплодной земли осваивалось под виноградники. Вместе с агрономами, почвоведом, механизаторами прибыли машины. Годердзи подымался на рассвете и возвращался к полночи.

Мог ли председатель колхоза в такую горячую пору заняться своими личными делами?!

Но именно в это, неподходящее, казалось бы, время Тедо принялся пристраивать комнату к дому деда Микелы. Даже не комнату! Нужно было строить новый дом. Плотники обнаружили, что в доме деда Микелы прогнили стропила и балки, и он вот-вот мог рухнуть.

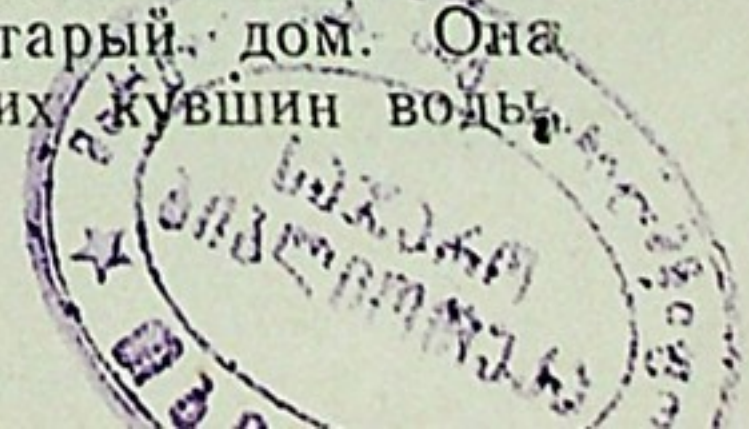
Годердзи упрашивал Тедо повременить. Однако тот настоял на своем.

— Я не люблю откладывать задуманное, справимся и без тебя. Тедо встретился с Цихистави, и тот поддержал его.

— Давно пора помочь этому парню, — сказал он. — Мы постараемся выделить ему лес по фондовым ценам.

Деда Микелу и душевнобольную тетку временно приютили соседи. Годердзи же с сестренкой устроились в доме правления колхоза.

Нелегко было уговорить Тебронию оставить старый дом. Она заупрямилась, разбушевалась, выплеснула на рабочих кувшин воды.

— Дедов дом разорили, а теперь и меня выгоняют! — истошно
вопила она.

Соседка Даро пыталась ее унять: ничего страшного, вместо старого дома построят новый — нужно женить Годердзи. Тогда Теброния стала кричать, что жена Годердзи выгонит ее из дому.

Даро прибегла к хитрости.

— Сегодня церковный праздник, — сказала она. — Надо бы принести жертву святому Георгию.

Теброния вскочила и стала одеваться. Потом она снова заупрямилась. Привели козленка. Теброния схватила козленка, и тогда Даро повела ее вместе с козленком не к Георгию Квакаца, а к себе.

В воскресенье Тедо организовал субботник. Нуну вместе с соседками готовила людям пищу. Неожиданно приехал Коринтели. Годердзи был дома. Он вогнал топор в бревно и вышел во двор встречать гостя.

— Мир дому сему! — приветствовал его Коринтели. — Я всегда любил наблюдать работу плотников и каменщиков, их труд радует всякого. А тут, я вижу, строится новый дом.

Он тепло поздоровался с собравшимися.

— Я хотел пристроить только одну комнату, батано профессор, — почтительно сказал Годердзи.

— Одну комнату? Надо не меньше трех.

— По одежке протягивай ножки, — улыбнулся Годердзи.

— Одежку можно с помощью товарищей увеличить, — ответил Коринтели. — Никто из них тебе в этом не откажет, — он указал на обступивших его людей.

— Я тоже так думаю, — вмешался Тедо. — Дом-то старый, скоро развалится. Не одному Годердзи с женой в нем жить. Каждому нужен угол. Вот только много материала потребуется.

— Доски и бревна могу дать, — сказал Коринтели. — Мне поставили сборный домик, а до этого я получил столько леса, что его как раз и хватит тебе. Он мне не нужен. Не буду же я продавать его.

Годердзи было неловко.

— Лес может вам еще пригодиться. Может быть, сделаете пристройку.

— Нет, Годердзи. Я, вероятно, скоро переселюсь в Телави или Тбилиси и оставлю свой дом. Его можно будет использовать для колхозной библиотеки...

— Только не это! — всполошился Тедо. — Мы вас не отпустим. А лес достанем через Цихистави, он обещал помочь.

— Я поселился здесь временно, мой Тедо, — взял его под руку Коринтели. — Засадим гвелетскую землю лозой и тогда мне можно будет уехать.

Коринтели внимательно осмотрел опорный столб, высящийся среди дома.

— Весьма любопытно! — произнес он, трогая его. — Дуб?

— Да, дуб, — подтвердил Тедо.

— Дедушка запретил мне его трогать, — заметил Годердзи. — Пока я жив, говорит, пусть стоит.

— И правильно сделал, — отозвался Коринтели. — Это крепкая опора.

— Старики считают, что нашему дому лет двести, а дедушка Микела доказывает, что больше. Вот и разберись, — махнул рукой Годердзи. — Одно ясно: когда Ираклий¹ воевал с лезгинами у Кварельской крепости, он, оказывается, ночевал в этом доме.

За большим деревянным блюдом сидело пятнадцать плотников. Они только что закончили еду. Тедо показал Коринтели на блюдо:

— Это ореховое блюдо перешло уже к третьему поколению.

Коринтели попросил рулетку:

— Один метр и два сантиметра.

— Когда-то из него ела вся семья, — улыбнулся Тедо.

Коринтели, действительно, прислал несколько грузовых машин отличного леса. Больше того: он набросал план нового дома. К большой центральной комнате, в которой оставался нетронутым дубовый столб, пристраивалось еще три комнаты. Тедо развил необычную энергию.

И вот наступил день, когда можно было сказать: «Конец—делу конец». Оставалось только достать черепицу, чтобы полностью покрыть крышу. Пока что ее хватило только на одну, самую большую, комнату, где и собирались все жильцы.

Дед Микела торопил Годердзи поехать в Кварели, а тот никак не мог выбраться и откладывал поездку со дня на день.

Вмешался Тедо.

— Если тебе неудобно, — сказал он Годердзи, — то я сам поговорю с Цихистави и попрошу, чтобы он отпустил тебя дня на два. Надо же кончать с домом. И я с тобой поеду за черепицей.

— Сейчас не время, — возражал Годердзи. — Весь народ в поле. Ты сам рассуди, дядя Тедо, на что будет похоже, если я сейчас брошу работу и поеду в Кварели, займусь своими личными делами.

Подождем немного. Вот закончим основные работы в Гвелети, и тогда я отправлюсь в Кварели. На мое счастье погода стоит отличная. А если и начнутся дожди, то большой беды не будет; они промоют запыленные доски — и только.

Их разговор прервал Ниортава. Он принес целый ящик гвоздей.

— Эти гвозди лежат у меня давно, — сказал мельник, — я нашел их на дороге. Я никогда не собирался строить дом. На что мне дом? Моя мельница — мой дом и моя крепость. На них зарился Канкре, хотел выманить. Но я не отдал ему. А ты бери.

— Ох, мой Соломон, — вздохнул Микела. — В старину без гвоздей лучше строили. В моем старом доме не было ни одного гвоздя.

Ниортава продолжал:

— У тебя, как я слышал, Годердзи, нет денег на черепицу. А у меня припрятано пятьсот рублей на черный день. Возьми их. Когда будут деньги, вернешь.

— Спасибо, дядя Соломон! — поблагодарил Годердзи. — Но я не могу сейчас заняться черепицей. Ты сам видишь, как много дела в колхозе.

Ниортава почесал голову.

— Хоть у меня и короткий ум, Годердзи, и хоть я себе не то что дома, а и хлева никогда не выстроил, но я давно заметил одну вещь:

¹ Подразумевается царь Грузии, Ираклий II.

легко остановиться, бросить строить дом, и трудно его потом достроить.

Ты часто ездил и видел, наверное: стоит между Кварели и Телави дом у дороги, без крыши. Давно начал строить его хозяин. Да не будь это при тебе сказано, хотел человек жену привести в новый дом, а девушка умерла.

«На кой черт теперь мне этот дом!» — решил он и забросил его. Потом он снова задумал жениться — и снова взялся достраивать дом.

Но его призвали в армию. А когда он вернулся из армии, то оказалось, что его невеста вышла за другого. Опять не до дома было ему. И вот стоит этот дом без крыши на дороге, как нищий, снявший шапку, и зимой и летом... Ветер и дождь разрушают его...

Появились Абриа и соседка Даро. Абриа подсел к деду Микеле и молча дымил чубуком. Микела уставился слепыми глазами на то место, откуда слышался голос Ниортава, и сказал:

— Мед пить твоими устами, мой Соломон. Нет хуже зрелища, чем недостроенный дом. Слышал я как-то еврейское проклятие: «Пусть дом твой останется без крыши».

Позор тому хозяину, который не умеет довести до конца начатого дела. Об этом и говорит недостроенный дом. Я сказал уже моему внуку. Зачем нам радовать наших недругов? Нет денег? Взял бы да продал нашу корову или взял бы у кого займы. И мне люди одолжили бы...

Годердзи тронули слова Микелы.

— Не о деньгах речь, дедушка. Я коммунист и председатель колхоза. Не могу я личное ставить выше общественного.

Ниортава пожал плечами.

— Не пойму я этого! Разве партия требует, чтобы дождь лил тебе на голову? Скольких я знаю коммунистов и председателей, а у них — свой дом и двор.

— Некоторые председатели и карманы набивают народным добром, — съехидничал Абриа и пыхнул своим чубуком.

— Есть и такие, — в тон ему сказал Годердзи, — да только рано или поздно их посетит прокурор.

Как только Абриа услышал слово «прокурор», он поперхнулся дымом, закашлялся и сплюнул на земляной пол.

— Подождем еще немного, дедушка, — мягко произнес Годердзи. — Все будет сделано в свое время. Нужно только потерпеть.

— Потерпеть, — засмеялся Абриа. — Да у меня и Микелы столько терпения, сколько рыбы в Алазани. Мы выносливее и терпеливее любого буйвола. Но в твои годы, Годердзи, я уже обзавелся семьей и построил себе дом из трех комнат. Бедный мой отец ничего не оставил мне в наследство, кроме ветхой лачужки. А я содержал и мать и братьев.

У меня в ту пору была тысяча овец, семь буйволов и столько же коней. Ты грамоту разумеешь, а собственного дома не можешь выстроить. Не стыдно? Сопливая девчонка, моя племянница Нуно, куда проворнее тебя, она быстро дом отремонтировала.

Соседка Даро лукаво улыбнулась: ей приятно было, что Абриа, который всегда поносил женщин, вдруг так похвалил Нуно. Годердзи эта похвала привела в ярость, но Абриа был сейчас его гостем, пусть и непрошенным; он все же решил воздержаться.

Ниортава, обеспокоенный тем, что разговор начинает принимать такой неожиданно острый характер, попрощался с хозяевами и ушел.

Абриа же, окрыленный сдержанностью Годердзи, продолжал наступление.

— Таким, как вы, голодранцам, ничего не нужно: ни дом, ни жена, ни дети. Вы всегда хотели быть как можно ближе к пролетариям, вот и сами стали пролетариями, — подчеркнуто-брезгливо произнес Абриа. — До того треплете языками на разных собраниях, что и от самих только голые языки остаются. Намечаете тысячи планов, а когда их выполните? Так и останутся невыполненными, как недостроен твой дом.

Еще не получили урожая с бермухских виноградников, а уже взялись за Гвелетское нагорье. Не пошли господь быть мне старостой в селе, которое вы собираетесь выстроить! Дождетесь вы гнева и проклятья Квакаца. Как бы не постигла вас судьба Мамуки Эристави.

Абриа-злозязычного словно прорвало.

— Этот ваш профессор-пустышка, — брюзжал он, — нашел себе занятие — кутить с Ниортава на мельнице. А вчера, я видел, идет по дороге и с собакой разговаривает, как шальной.

Потом Абриа вспомнил и о своей недавней поездке в Тбилиси.

— Вызвали меня, благодаря вашим молитвам, к прокурору.

Годердзи не сдержал улыбки.

— Целый день бродил я по Тбилиси. Мост начали строить — и не окончили, возвели стены домов, а крыш не видать, вывернули булыжник на мостовых — и не починили, снесли дом, чтобы разбить сквер, а его и не видно. Таковы вы во всем, мастера незаконченных дел.

Годердзи не выдержал:

— А не знаешь ли ты, дядя Абриа, кого зовут пустомелей?

— Что ты сказал, парень?

— То, что слышали. Пустомелей называют человека, который мелеет пустое, говорит то, чего не знает. Сколько раз ты бывал в Тбилиси?

Абриа обиделся.

— Сколько раз? Один лишь раз при большевиках. Что мне там делать? В старое время я ездил в город продавать овец. А теперь что я там потерял? Если бы не вызвал этот проклятый прокурор, я бы никогда туда не поехал.

— Это мне и важно было узнать, — заметил Годердзи. — Ты один раз заглянул в город и увидел там незаконченные постройки: мост, дома. Сквер еще не разбили, мостовую не починили. А ты вернись туда через годик — и увидишь, что все будет закончено. Я чаще вас езжу в город и знаю, как там начинают и кончают строить и дома и мосты...

Абриа так и не сложил оружия.

— Завтра, завтра, не сегодня... Поживем — увидим, сынок, как ты закончишь свой дом. Начнутся июньские дожди...

А ты знаешь, что это значит для дома без крыши? Не пройдет и месяца, как балки и стропила покарежатся... Вот он, легок на помине, — указал Абриа на двор, где по земле уже забегали темные дождевые капли.

Дробный их стук ворвался и в недостроенный дом Годердзи. И ему почудилось, будто бы на его голову опрокинули ушаты воды.

Сидевшая до сих пор молча Теброния всполошилась.

— Погиб наш дом! — закричала она.

Годердзи был удручен. Он долго искал свою шапку, не нашел ее и вышел из дому.

Он был до того удручен, что не замечал встречных. Сырость пронизала его до костей. Грусть и одиночество угнетали его.

На перекрестке чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.
— А я шел к тебе, — сказал Лалбаца. — Сегодня водил в загс своего новорожденного. Знаешь, что за мальчуган у меня, Годердзи? Мировой парнишка! Приходи к нам на ужин.

Лалбаца сиял от радости.

— Спасибо, Степане, но сегодня у меня неотложное дело.

— А я, зная твое благородное сердце, Годердзи, был уверен, что ты придешь, — сказал Лалбаца. — Я ведь многим тебе обязан и очень хочу тебя видеть сегодня у себя. Я когда-то думал, что на этом свете нет ничего слаще вина и женщин. Но какое вино и какая женщина могут сравниться с моим маленьким Ираклием?! И тебе советую скорее обзавестись семьей. Я помогу тебе достроить дом, вот провалиться мне на этом месте! Только пойдем ко мне, прошу тебя.

Годердзи сердечно поблагодарил Лалбацу, но не пошел к нему. Он был расстроен и боялся, что может испортить людям праздник. Единственное, чего он хотел сейчас, — встретить Нуну.

Зайти бы к ней домой... Да неудобно, поздновато. И эта Кетуа, будь она проклята, все пристает к девушке: «Дом достроили, так выходи замуж». И этот Ушверидзе...

Прошлой ночью ему снилось, будто бы она сидела с ним у камина в их новом доме и жарила каштаны. Брошенные в тлеющие угли, присыпанные золой, они взрывались, как бомбы. Она испуганно прижималась тогда к нему, и ему было так хорошо...

Он думал сейчас только о ней.

А в жизни бывает иногда именно так: о чем думаешь, чего сильно желаешь, то и случается. Приснится тебе желанный человек, глядишь — и встретился с ним.

Вот и он встретился сейчас с Нуну. Она была бледна, молчалива. Не то капли дождя, не то слезы ползли по ее лицу.

Они проходили мимо дома Лалбацы. Оттуда слышалась песня. В зелени виноградных лоз, обвивавших балкон, мелькнул силуэт Тетро с ребенком на руках.

— Даже этот горемыка Лалбаца, который всю свою жизнь провел в лачуге, крытой соломой, и тот дождался своего счастья — построил себе дом, обзавелся семьей, — думала Нуну, — а мы с Годердзи все еще не имеем своего угла. Наше счастье зависит от тысячи черепиц, которые нужно привести из Кварели».

Ее мысли передались Годердзи.

— И кто это нас проклял? — сказал он с болью. — Этот дождь может зарядить недельки на две.

Он вспомнил о своей встрече с Лалбацей.

— Лалбаца приглашал меня только что к себе на угощение.

— Почему же ты не пошел? — спросила Нуну.

— Я искал тебя, — ответил Годердзи и крепко взял ее под руку.

— Ты пойдешь, если хочешь, а я отправлюсь домой.

— Пойдем вместе.

— Нет, Годердзи, я сейчас никого не хочу видеть, кроме тебя.

— А может быть, заглянем к дяде Шио?

— Где нам по этой грязи пройти за Алазань! Да мне и не хочется показываться на глаза дяде Шио.

Сквозь серые тучи прорывались бледные лучи заходящего солнца. А за тучами по небосводу медленно разливалось янтарное сияние; казалось, вняв голосам влюбленных, улыбаются небеса...

Налетел легкий ветерок. Зашелестела листва придорожных шелковиц.

Нуну и Годердзи вошли в кизилковую рощу. Белыми барашками разбежались по небу тучи, и высоко, за далекой дымкой зацвели звезды.

Одиноко стоял, запахнутый в бурку ночи, старый дуб. С ветви на ветвь суетливо перелетали дикие голуби. Только и слышалось: «фрт... фрт...»

— Когда же ты, наконец, поедешь за черепицей? — умоляюще спросила Нуну.

— Послезавтра понедельник, не так ли? Послезавтра я и поеду, — пытался успокоить ее Годердзи. — Правда, до кирпичного завода еще не провели шоссе. И если опять пойдет дождь, то никакая машина туда не пройдет...

— Небо очистилось. Дождя, вероятно, больше не будет... Ты пойми, я не могу больше так жить, — продолжала Нуну. — К нам зачастил какой-то Ушверидзе — пьяница и пройдоха. Он сватается к Кетуа, хотя у него уже есть две жены: одна в Тбилиси, другая в Телави. Вчера он заявился пьяный и пристал к Кетуа: «Давай, распишемся, продадим все и уедем в город». А тут нагрянула его телавская жена и набросилась на Кетуа: «Если не оставишь моего мужа, то я подожгу ваш дом». Вот так и живу, словно в аду...

— Недолго осталось ждать, моя дорогая, — обнял ее Годердзи.

Он поцеловал ее и ощутил на своих губах соленый привкус слез.

XXVI

В полдень 22 июня Бермуха, как и вся наша страна, была встревожена радиосообщением о начале войны. Колхозники бросили работу и собрались на площади, перед сельсоветом. Из разинутой пасти репродуктора, висевшего на дереве, неслись суровые слова...

Коринтели писал до рассвета. Спал он беспокойно и недолго — его разбудило радио. Мимо дома бежали люди. Он прислушался. С улицы, как гром, донеслось: война!

Он включил радиоприемник. Да, Москва сообщала о вероломном нападении гитлеровских полчищ.

Потрясенный этой страшной вестью, он стал быстро одеваться. У дверей торчала тетя Варя, она тоже слушала радио.

Майя, как обычно, спросила:

— Будете завтракать?

— Не до завтрака, — ответил Коринтели.

Старуха недоуменно пожала плечами. Ей никогда не приходилось видеть хозяина таким расстроенным.

Коринтели лихорадочно вертел ручку радиоприемника. Он переходил от станции к станции — всюду гремело: война!

Тетя Варя носилась по коридору, как угорелая. Посуда так и звенела в ее руках. Трудно было сразу определить, то ли человек чем-то очень обрадован, то ли взбешен.

- Что случилось, княгиня? — боязливо спросила ее Майя.
- Война! Война! Война! — выкрикнула в экстазе тетя Варя.
- Кто с кем воюет? — не понимала старуха.
- Германия, Германия, моя Майя!
- Одна?
- Как это, одна? С ней Италия, Румыния, с ней весь мир!
- Чего они хотят от нас, проклятые? Ох, несчастные мои дети! — произнесла Майя.
- А что станется с твоими детьми? Может, им и лучше будет.
- Как лучше? От войны всегда одно горе. И кому она только нужна?!
- Нас с тобой не спросили! Весь мир хочет войны! — огрызнулась тетя Варя.
- А где же эта проклятая Германия?
- Рядом с Россией, близко, совсем близко. Иди, молоко поставь, а то Медико опять кашляет. А потом я тебе все доскажу.
- Майя удалилась, причитая:
- Ох, несчастные мои дети...

Коринтели вышел в столовую.

Тетя Варя с подъемом играла скерцо Шопена. Майя сидела возле нее на маленьком стульчике, согнувшись, и, уткнув лицо в ладони, плакала.

— Ох, несчастные мои дети, — повторяла она.

Увидев Коринтели, тетя Варя машинально прекратила игру.

— Вас ждет омлет с ветчиной, — сказала она с показным равнодушием.

— Извольте, госпожа, его сами кушать, — ответил Коринтели, и хлопнул дверью.

Во дворе Коринтели встретил Андро, который успел уже где-то выпить. Он колотил себя в грудь и говорил:

— Умереть мне на этом месте, если Андро окажется трусом. Страх никого не избавляет от смерти. Наши парни поклялись быть героями. Я не коммунист, но я грузин, советский человек. Мы перегрызем горло фашистским злодеям. Не жить им на нашей земле.

Он зло выругался и с чувством продекламировал:

Наш народ вечно весел,
Борец против злой судьбы.

— Молодчина! — сказал Коринтели. — Ты, оказывается, знаешь Григола Орбелиани.¹

— Как же не знать! Он был не только большим поэтом, но и большим храбрецом.

— Молодчина, Андро! И ты, смотри, не ударь лицом в грязь. Пусть гордятся тобой твои родители и наш народ.

— Но ведь я только шофер, батоно профессор.

— Шофер?! — повторил Коринтели. — А чем шофер хуже других? Родине нужны все ее верные сыновья. О если бы мне твои молодые годы, — сегодня же отправился бы на фронт.

— Я уезжаю завтра в ночь, — сказал Андро. — Не поминайте

¹ Григол Орбелиани — грузинский поэт-романтик XIX века, прославленный генерал в войне против Шамиля, дагестанского имама.

лихом, если не вернусь. Я, конечно, иногда выпивал не вовремя. Так это потому, что невеста умерла у меня... Как вы обойдетесь без меня машиной?

— Я не забуду тебя, Андро, — сердечно произнес Коринтели. — А обо мне и машине не беспокойся. Я ведь без машины появился на свет божий. О ней ли сейчас думать?!

Они обнялись на прощанье.

— Помни, Андро, — напутствовал его Коринтели. — жизнь нашего народа тесно связана с жизнью русского народа. Мы вместе вот уже сто пятьдесят лет. Наша братская дружба скреплена трудом и кровью. В этой дружбе — наша могучая сила. Береги ее. Пока она жива — ничто нам не страшно, никто нас не одолеет.

Андро резко затормозил машину у поликлиники.

Суския только что пришла с ночного дежурства. Она ничего не знала. Коринтели сообщил ей тяжелую весть.

— Значит, недаром, Вахтанг, я видела дурные сны, — сказала она. — Я все последнее время в ожидании чего-то страшного. Вчера ночью мне снилось, будто бы мы идем босиком по гвелетским болотам. К ногам присосались пиявки, нас окружали змеи... Хотя, что за глупости — ведь это был только сон! Ты сделал меня счастливой, и я тревожилась о том, чтобы не потерять это счастье. Как бы не сложились теперь наша жизнь, знай, что ты всегда будешь со мной. И это сделает меня еще более выносливой, поможет мне выстоять в трудный час.

К горлу Коринтели подступил комок.

— Я знал, что ты мужественная женщина, — сказал он, беря ее за руки и глядя в ее большие задумчивые глаза. — У китайцев есть поговорка: «Только путем борьбы можно выбраться из беды». Как это похоже на нашего Руставели: «Стойким будь в борьбе суровой, не страшися испытаний». Я верю в то, что мы выдержим суровые испытания и выберемся из беды... Ты будешь вечно со мной, моя дорогая, любимая.

И он поцеловал ее в грустные глаза.

Ниортава уже не раз замечал, что Церодена, Абриа и Канкре собираются вместе, пьют, о чем-то тайком шепчутся. То они проводили вечера в Гвелети, в конторе ГЭС, то ночью заявлялись к нему на мельницу.

И в эту ночь пришли Церодена и Канкре. Они принесли вина, сыру. Ниортава был не в настроении, у него побаливал живот. Они усадили его за стол, уговаривали выпить, но мельник не притронулся к вину. Он оставил их одних и отправился спать.

На рассвете его разбудил пьяный Канкре: он тащил его за ногу, тряс, что-то орал.

— Что случилось? — спросонья спросил Ниортава.

— Ничего особенного, мир во всем мире и в человеках благоволение, — хихикал Канкре. — Куда годится вино без закуски! Где-то у тебя висела вяленая индюшка. Без твоей помощи нам ее не найти.

Ниортава поднялся с постели, натянул на себя свой изодранный кожух. В это время кто-то энергично постучал каблуком в дверь.

Пришел Абриа. В одной руке он держал бурдючок с вином, в другой — полбарашка.

— Всех благ тебе, дедушка Абриа! — обрадованно захохотал Канкре.

Абриа сел на колоду, вздохнул, как буйвол, и сказал:

— Я не собирался к вам сегодня. Но свершилось такое, что не вытерпел.

Церодена и Канкре в один голос воскликнули:

— Что? Говори скорее!

Абриа не торопился. Лицо его светилось радостью.

— Сначала, ребята, магарыч поставьте.

Теперь заинтересовался и Ниортава.

— Что случилось, Абриа?

— Что случилось? — торжественно произнес Абриа. — Пришел, наконец-то, судный для них день. Война началась, — вот что случилось. Война, понимаете?

— Ого! — захолопал в ладоши еле ворочающий уже языком Церодена. — Ликуйте, ребята! Я-то давно вам говорил, что Гитлер всех поколотит. Вот оно и сбывается.

Ниортава не сразу понял, что творится.

— Вы так радуетесь, будто бы дождались манны небесной. Война!.. Что же тут хорошего? Эх, вы, сумасброды!

Он подбросил дрова в тлеющий очаг.

— Что ты сделал, — буркнул Абриа. — Разве для шашлыка нужно пламя?

— А я и позабыл о ваших шашлыках, — оправдывался Ниортава.

— О чем же ты беспокоишься? — паясничал Канкре. — Чтобы немцы не потопили твои пароходы в Черном море или не разбомбили твои магазины в Тбилиси?

— Белый свет рушился, а шақал свадьбу справлял, — огрызнулся Ниортава, высыпал для помола зерно из мешка и вышел.

Церодена продолжал исполнять роль тамады.

— Пейте, веселитесь, братья! Христос воскрес! Не грусти, дедушка Абриа. Скоро придет время—и ты будешь пасти на моих дедовских пастбищах десятитысячное стадо.

— Где же это я буду его пасти? — сокрушался Абриа. — На своей сгорбленной спине, что ли? Ведь они всюду воткнули эту проклятую лозу.

— Лозу отлично рубят, — не сдавался Церодена. — Был бы только клинок остер. Не так ли, Канкре? — он подмигнул Канкре. — Потерпи немного. Скоро мы такой праздник устроим!

— Какой? — спросил Абриа.

Но Церодена не раскрыл карты. Он только сказал:

— Я привез из Тбилиси проклятие корикоза. Ты поднимешься к воротам церкви и прокричишь его. Вот тогда-то и начнется праздник... Камни запляшут!

Абриа хотел спросить, когда именно предполагается «праздник», но вернулся Ниортава.

Когда чаша обошла круг, Церодена ее снова наполнил и, смеясь, обратился к Канкре.

— Ты, конечно, завтра же пойдешь бить фашистов?

— Фашистов? — гримасничал Канкре. — Я всю жизнь воевал с вином и с женщинами, а с фашистами пусть коммунисты повоюют. Сегодня мне предстоит сражение с одной красавицей. Кто кого: или я ее, или она меня.

Канкре заржал от предвкушаемого удовольствия.

— Умелый ты воин, — иронически вставил Ниортава. — Но нам известно, как тебе однажды морду набили.

Канкре понял, на что намекнул мельник, и разозлился.

— Ты бы лучше молчал, дурной глаз и змеед. Ты лучше расскажи, как бедных вдовушек совращаешь. Тебя бы на войну! Да кто и возьмет-то тебя в армию? Разве что, когда последнего гусака призовут, тогда и твой черед придет.

Его поддержал Церодена, он подливал масло в огонь.

— Да у него и в самом деле голова и шея гусиная.

— А ваши головы даже не гусиные, а тыквенные, — сплюнул Ниортава. — И мозги в них, ей-богу, давно протухли.

Он ушел.

Церодена бросил взгляд на закрытую дверь и таинственно спросил Абриа:

— Что, этот мерзавец Вардосанидзе, действительно, поправился?

Абриа тоже посмотрел на дверь и грустно ответил:

— Еще нет, но выздоровеет, собака. А если это случится, и он обо всем расскажет, нам троим придется убраться отсюда.

— Об этом нечего и думать, — твердо произнес Канкре. — Я еду завтра в Кварели и найду способ предупредить его: если выдашь, согнем в три погибели. Да, кроме того, властям теперь не до нас.

— Как бы не так! — тихо сказал Церодена. — Если Вардосанидзе выдал, тогда держись: плохи будут наши дела.

— Нечего паниковать, — ответил Канкре. — Не дай бог, если это случится, то я и Абриа переправим тебя в Горную Тушетю, да еще в такие места, где сам черт нас не найдет.

Годердзи хотел скорее повидать Нуну. День был воскресный, но она почему-то не выходила из дому. Одна из ее подруг передала, что Кетуа и Ушверидзе уехали в город, а Малхаз упал с дерева и сломал ногу. Нуну ухаживала за больным.

Пойти бы сразу же к Нуну. Но днем все бы увидели... Годердзи с трудом дождался вечера.

Электрический свет был выключен. На подоконнике горел маленький светильник.

В постели, сложив на груди руки, лежал Малхаз, а возле него, склонившись на стуле, дремала Нуну.

Услышав шаги, она испуганно вскрикнула:

— Кто это?

— Это я! — успокоил ее Годердзи.

Он вынул спичку и зажег закоптелую лампу.

У Нуну были покрасневшие глаза.

— Ты плакала?

Нуну отвела взгляд.

— Какое огромное горе свалилось на нашу страну, — тихо произнесла она. — А тут и свое еще прибавилось.

— Что с парнишкой?

Нуну отошла от кровати.

— Вчера этот пройдоха Ушверидзе пристал к Кетуа, чтобы она поехала с ним в город — расписаться в загсе. Он не хотел этого здесь делать. — боялся, что узнает телавская жена и устроит скандал. Неожиданно

данно воспротивился Малхаз. Он рыдал и просил мать не приводить ему нового отца. Мальчик даже грозил покончить самоубийством.

Как только они вышли из дому, Малхаз взобрался на дерево и бросился вниз. Кетуа и Ушверидзе услышали его крик и вернулись. Но они не остались. Ушверидзе все торопил: опоздаем, мол, к поезду, и Кетуа, поцеловав несчастного мальчика, ушла. Я и Маруа внесли его в дом. У него перелом левой ноги. Суския Миндели уложила ее в гипс. Он не спал всю ночь, все кричал, звал мать. Теперь, слава богу, уснул.

Они вышли в другую комнату и уселись в углу, на скамейке. Нуну взяла руку Годердзи, положила себе на колено и погладила.

— Ты, наверное, пойдешь на войну?

— Конечно! Не оставаться же мне с женщинами, детьми и стариками. От брони я отказался.

— Кого же на твое место?

— Хотя бы Тедо. Он работник честный, старательный. Зря сняли его. Тебя же попрошу присмотреть за моими. Я на тебя надеюсь, Нуну, не очень горюй, а то скоро поседеешь. А я так люблю твои косы...

Девушка опустила голову, плечи ее дрогнули, по щекам покатались слезы.

— Я все перенесу, — сказала Нуну. — Дни и ночи буду работать. Только бы ты вернулся домой. Буду ждать тебя, Годердзи, мы будем ждать — я и он, наш ребенок, который родится...

Годердзи взглянул на часы. Нужно было спешить на партийное собрание. После собрания он обещал вернуться к Нуну.

— Если даже оно поздно закончится, все равно приходи, — сказала Нуну. — Я с тобой не прощаюсь.

— Хорошо, — ответил Годердзи. — Но все же могут задержать дела. Тогда я обязательно приду завтра. Завтра же и отправимся в загс.

Вставая, Годердзи толкнул скамейку, она загремела. Проснулся Малхаз.

Нуну собралась проводить Годердзи, но мальчик расплакался:

— Мать бросила меня, а теперь и ты бросаешь.

Пришлось остаться.

Долго слышался ей удаляющийся тяжелый шаг Годердзи.

XXVII

Нуну погасила лампу, но Малхаз хныкал:

— Мама бросила меня, теперь ты выйдешь замуж, и я останусь совсем один. Я снова брошусь с дерева — все равно не буду жить...

Напрасно девушка утешала его: «Не бойся, я не оставлю тебя». Мальчик исступленно твердил свое, потом он схватил ее руку, прижал к груди и затих.

Долго присидела Нуну у постели спящего Малхаза, вслушиваясь в его неровное дыхание.

Во дворе кашляла коза. У ворот хлева мычала корова. На лестнице била хвостом и чесалась собака. Бесились кошки на крыше. Издалека донесся неистовый лай накинувшейся на кого-то собачьей своры. Потом снова — кашель козы и мычание коровы...

Начинали петь петухи.

Уставшая Нуну подложила левую руку под голову и ее одоле-
ла дремота.

Чудилось, что Годердзи рядом. Она прощалась с ним и говорила:
«Помнишь, мы сидели под старым дубом и сердились на писателей за
то, что они в своих книгах нарочно разлучают влюбленных? Но разве
они в чем-либо повинны? Как близко было наше счастье! Нас разлу-
чает теперь сама жизнь, война...

Если родится сынок, я назову его Микелой, как ты того хотел, в
честь дедушки. Пусть поседеют мои волосы, лишь бы ты благополуч-
но вернулся домой. Я всегда буду думать о тебе и ты всегда будешь
со мной».

Внезапно Нуну вспомнила, что после ухода Годердзи дверь в доме
осталась незапертой. Он должен был бы уже вернуться, а его все нет...
Она осторожно поднялась, пошла в сени и задвинула щеколду.

Часы остановились. Нуну посмотрела в окошко. Спокойно жевала
свою жвачку корова. Возле нее сладко спал выбравшийся из хлева
теленочек. Кашляла коза. Над верхушкой холма плыла луна и казалось,
что это огненный мяч.

Малхаз застонал. Девушка присела к постели больного. Он снова
схватил ее руку и спрятал у себя на груди.

И тогда ей приснился сон: где-то по степи ночью мчатся поезда. На
открытых платформах толстомордые пушки—такие, как она видела
года два тому назад на маневрах около Бермухи. Мелькают знакомые
лица бермухских и заалазанских парней. В руках у них пулеметы и
винтовки со штыками.

Грохочут паровозы. Пушки извергают огонь. Он охватывает зем-
лю и небо. В багровых облаках ныряют чернокрылые коршуны.

А вот она и Годердзи в самолете. Грозно ревет мотор. Пропеллер
разгоняет озаренные пламенем облака. Годердзи припал к пулемету,
и она слышит его прерывистое: «та-та-та-та».

На них напали чернокрылые коршуны. Но птицы ли это или фа-
шистские самолеты? У них стальные клювы и вместо глаз — черные
впадины. Они зло быют крыльями и хрипло кричат.

Нуну испуганно прижимается к груди Годердзи. На лбу у него
выступил холодный пот. Но он не отходит от пулемета. И она слышит
прерывистое: «та-та-та-та».

И —о, ужас! — окно самолета разлетелось, и чернокрылый хищник
бросился на Годердзи. Но Годердзи не отступил. Он выхватил кинжал
и по самую рукоятку воткнул его в горло коршуна. Хлынула кровь в
кабину. Вот-вот она их затопит. Нуну хочет крикнуть и не может,
крик застревает в горле. А пулемет строчит: «та-та-та-та».

И вот до ее сознания смутно доходит, что это стучит не
пулемет, а чьи-то большие кулаки барабанят в дверь дома. Она про-
сыпается. Да, действительно так. Не вернулся ли Годердзи? Нуну
вышла в сени:

— Кто там?

Никто не отозвался.

Она глянула в окно. Не видать никого.

«Мне, вероятно, показалось», — подумала девушка. Она подошла
к спящему Малхазу. Но тут снова раздался стук.

— Кто там?

За дверями молчали. Она повторила вопрос. Кто-то кашлянул.

— Годердзи, — робко откликнулся мужской голос.

Нуну посмотрела в дверную щель. Там стоял какой-то человек в широкоплечей горской бурке и лохматой пастушеской шапке. Он храпел, как загнанная лошадь, и изо всех сил напирал на жалобно скрипевшую дверь.

Нуну удивилась: если это чужой, то почему не лает собака?

— Годердзи в такое время никогда ко мне не ходит, — сказала она, овладев собой. — Сейчас же убирайся отсюда, не то пожалеешь.

— Ха-ха-ха! — паясничал неизвестный. — Что ты со мной сделаешь, индюшонок?

— Иди своей дорогой! — твердо сказала Нуну. — Не ломай мне двери и не буди больного.

— А я советую открыть дверь, пока она еще цела, — угрожающе произнес мужчина и еще сильнее навалился на дверь. Она затрещала и, в конце концов, поддалась его напору.

И тогда с порога прыгнуло какое-то огромное чудовище. Оно навалилось на Нуну, потащило ее в комнату и зарычало:

— Если бы я был Годердзи, ведь ты открыла бы мне дверь?

Девушка узнала Канкре. От него несло вином.

— Бесстыжий бандит! — крикнула она, пытаясь вырваться из его цепких рук.

— Чему быть, тому не миновать, — ухмыльнулся Канкре. — Годердзи и коммунистам пришел конец. Если ты этой ночью не станешь моей, то я задушю тебя, а Годердзи зарежу, как барана.

Нуну решила схитрить.

— Угрозами ничего не достигнешь, — произнесла она вкрадчиво. — А добром...

Канкре несколько обмяк.

— Натя передавала, будто ты хвасталась, что Годердзи избил меня до смерти. Правда?

— Клянусь, Канкре, что я никому этого не говорила.

— Ты хорошая девушка, — пробормотал Канкре. — Потому-то я и люблю тебя.

Он потянулся, чтобы поцеловать Нуну. Но девушка ловко увернулась.

— Пусти, Канкре. Пожалеешь!

— Хе-хе-хе! Что ты со мной сделаешь, индюшонок?

— Когда сделаю, тогда узнаешь, — сердито произнесла Нуну.

— Ну вот, что я тебе скажу, — выдохнул Канкре. — Если ты не станешь сегодня моей, клянусь отцом, что сейчас же зарежу тебя и твоего Годердзи, а потом — будь что будет.

Он повалил Нуну на тахту и опустился перед ней на колени.

— Я ведь давно люблю тебя, — страстно шептал он. — И из города приезжал только ради тебя.

Он гладил ее, хватал за руки и целовал.

Нуну старалась выиграть время:

— К чему насилие, Канкре? Давай-ка сядем мирно и поговорим, как старые друзья. Любовь не терпит насилия. Не так ли?

Канкре подумал: «Да, лучше, пожалуй, взять ее не силой, а добром».

— Пожалей меня, — молил он. — Обезумел я от любви. Мы с тобой друзья юности. Сердце-то у тебя есть, Нуну? Отдайся мне хотя бы раз, и я буду тебе всю жизнь обязан. Никто этого не узнает. Все убеждены, что ты живешь с Годердзи. А он уходит на войну. Это я из-

за тебя подрался с Коберидзе. Если бы не я, Кетуа обязательно отдала бы тебя за него.

Нуну повела плечами.

— Разве я игрушка в руках Кетуа, которой она может распорядиться, как хочет?—помедлив, она произнесла многозначительно: — Годердзи уходит на войну. Ты прав, Не торопись. Дай мне его проводить. Ты-то останешься...

— Я-то остаюсь, — его лицо расплылось в улыбке.—Пусть коммунисты воюют. А мы с тобой тут поживем.

Во сне заплакал Малхаз.

— Я сейчас приду, — поднялась Нуну. — Успокою Малхаза.

Канкре поверил. Он только крикнул ей вдогонку:

— Быстрее приходи, а не то скоро утро.

Оставшись один, он почувствовал вдруг страшную усталость. В голове шумело. Все плыло перед глазами. Веки отяжелели. Он прилег на бок, положив под голову мутаку. Хотелось уснуть. Но он боялся, что его могут застать здесь люди. «Как бы не заглянула сюда эта чертовка Маруа, которая то и дело таскалась и клянчила взаймы то сахар, то муку, то соль», — тревожился изнемогавший от ожидания Канкре. Он протирал глаза и напряженно вглядывался в приоткрытую дверь, откуда должна было вот-вот появиться Нуну. Но она не приходила. К нему доносился лишь плач Малхаза и нежный, успокаивающий голос Нуну.

Как слепой перебирает четки, так перебирал он сейчас обнадеживающие слова Нуну: «Не торопись. Дай мне его проводить. Ты-то останешься...»

Он готов был упрекнуть себя в том, что был слишком груб с Нуну. Если бы он действовал по-другому, то она бы уже давно была его. «Любовь не терпит насилия». Это правда. Натия Таралашвили говорила, что между Годердзи и Нуну пробежала черная кошка. Вполне возможно. Годердзи не достроил дом. Он это сделал, чтобы оттянуть женитьбу, отделаться от Нуну. Об этом тоже говорила Натия.

Светало. Пьяный Канкре стянул с себя сапоги, снял пояс. Сон валил его.

Но вот раздались шаги. Дверь широко распахнулась, и он ужаснулся.

В двери стоял человек в папахе и тулупе. В его руках сверкнул кинжал.

Канкре в ужасе протер глаза. Что за наваждение? Призрак — не призрак. Неужто воскрес Гоброн Уджираули? Канкре помнил, что тот, обезумевший от вина, бросался на больших и малых.

— Немедленно убирайся из моего дома, — прогремел голос. — А не то я разделаюсь с тобой!

Канкре хотел вырвать кинжал. Но страх лишил его сил. Еще мгновение, и он рухнул на пол, сраженный ударом.

Утром Маруа заглянула к Нуну, чтобы занять муки, и схватилась за голову, увидев валявшегося на полу в крови Канкре. По просьбе Нуну она побежала и привела Абриа, Лео и Поцхвери Уджираули.

Старейшины рода вошли в дом. Нуну взяла кинжал отца, тщательно вытерла, положила в ножны и повесила его на свое место, рядом с тулупом и папашой.

— Полюбуйтесь им, — сказала она, пренебрежительно ткнув пальцем в сторону корчившегося на полу от боли Канкре. — Никак не хотел отстать. Вот и дождался своего.

Когда Канкре, завернутого в бурку, выносили из дому, Абриа-злозязычный напомнил Лео:

— А я ведь говорил еще в прошлом году: баба, которая не боится взрывать динамит, не побоится убить и человека.

XXVIII

Годердзи всю ночь провел в конторе колхоза. Он сдавал дела Тедо. Утром они отправились на участки.

— Нужно съездить в Кварели, — сказал в пути Годердзи. — Распишусь с Нуну.

У Тедо посветлело лицо. Он по-отцовски обнял и расцеловал Годердзи.

— Правильно поступаешь, сынок. Сразу заткнешь глотку этим пустобрехам из Черного хутора.

Годердзи забежал потом на несколько минут к Нуну. Девушка волновалась: она думала, что Годердзи узнал про ночное происшествие. И у нее отлегло от сердца, когда услышала:

— Поедем в Кварели, распишемся.

Нуну радостно улыбнулась.

— Поезжай сначала один и разузнай, работает ли сегодня загс, — сказала она.

— А почему бы ему не работать?

— Заведующий, говорят, вот уже неделю болен, и загс закрыт.

Не прошло и часа, как она услышала сигнал машины. Вернулся Годердзи. Он был удручен.

— Ты права, загс, действительно, закрыт.

Расстроилась и Нуну. Ей не забыть, как поступили Абриа и его братья с Тетро, которая родила незаконнорожденного. Но она пыталась утешиться: Годердзи, быть может, задержится на несколько дней, а заведующий загсом к тому времени выздоровеет.

Годердзи передали:

— Был Цихистави и секретарь райкома комсомола. Все мобилизованные должны собраться вечером к старому дубу на митинг.

Много народу собралось здесь. Кроме бермухских и гвелетских, прибыли и из соседних сел. Солнце еще не зашло. Все разместились группами вокруг костров, жарили шашлыки, пели. Танцевали мужчины, отказывались женщины.

Раскинув свои длинные руки, коршуном прошелся хевсур Хирчла Очиаури. Но и ему не удалось увлечь никого из женщин. Тогда взялся за дело свинопас Попола. Он стащил у какой-то хевсурки платок и представился девушкой: жеманничал, кокетливо склонял на бок голову, перебирал пальцами и тем самым вызывал гомерический хохот.

— Давайте поборемся или пофехтуем, — крикнул кто-то из молодых. — Ведь на войну идем.

— Лучше представили бы бой Шамиля и Шете, — сказал восьмидесятилетний старик Отар Хецодзе.

Его поддержали. Но кто сыграет роль Шете Гулухаидзе? Сошлись на Ниортава:

— Вспомни своего прославленного дедушку!

Ниортава изрядно выпил, и его не пришлось долго уговаривать. Ему раздобыли кольчугу, шлем, щит и меч. Труднее было найти человека для роли имама Шамиля. Никто не соглашался быть Шамилем. Наконец, Хекодзе уговорил Хирчлу, который тоже был навеселе...

Представление началось.

Имам Шамиль со своими наибам¹ расположился слева от старого дуба, а Шете Гулухаидзе и его дружина встали с правой стороны.

И вот к Шете Гулухаидзе явились посланцы Шамиля и передали его слова:

— Равнина, как видите, борется с горой. Но мы и вы — горцы. Давайте вместе бороться против русского царя, против равнины. Если не согласитесь, я разрушу ваши тушинские крепости и замки, пойду походом на Кахетию, ворвусь на своем белом коне в Тбилиси. Воды Куры окрасятся кровью грузин и русских. Себе на голову возложу я венец царя Ираклия.

Шете Гулухаидзе ответил:

— Мы не предадим наших единоверных русских братьев. А если Шамиль мечтает о Тбилиси и о венце царя Ираклия, то мы пришлем ему хвостатого ишака на масленицу; пусть приедет и примет участие в карнавале. К тому же, если хочет, пусть почешет зад моему ишаку...

Тогда рассвирепел Шамиль:

— Пусть сабля рассудит нас!

Под старым дубом встретились Шете и Шамиль. Они крепко ругнули друг друга, обежали круг — и в воздухе засверкали сабли.

Народ восторженно следил за поединком.

Ниортава искусно владел саблей. Шлем, кольчуга и щит преобразили его. Мельника не узнать. Он увлекся своей ролью и превратился, действительно, в отважного воина.

Грозен и длиннорукий Хирчла. Он — Голиаф в сравнении с Ниортава. Но Голиафу приходится худо, наступает на него Ниортава.

...Шамиль в диком гневе вращает воловьими глазами. Казалось, стоит ему подуть на маленького Шете — и тот исчезнет, словно искорка, упавшая на лед. Но не так-то это просто! Все яростней звон сабель и лязг щитов. И все ближе победа Шете.

Хирчла тяжело дышит. Пот ручьями течет из-под шлема. Он уже по-настоящему злится. И игра вот-вот может превратиться в настоящую драку.

— Защищайся, негодный тушинец, — бешено заревел Шамиль и ринулся на Шете Гулухаидзе. Выбросив вперед свое правое плечо, Шамиль взмахнул саблей и рассек щит противника.

Низенький Шете отбросил щит в сторону, пригнулся, стал еще меньше. Ловко отбиваясь, он прижал противника к дубу и сильным ударом выбил из его рук саблю.

— Ваша! Ваша!² — кричал народ и поднял победителя на руки.

— Удивительно, — сказал Годердзи, обращаясь к Коринтели. — Давно знаю Ниортава, но не предполагал, что он так мастерски владеет саблей.

— Так оно и бывает, — ответил Коринтели. — Человек одарен мно-

¹ На и бы — полководцы Шамиля.

² В а ш а — ура (Груз.).

гим—и все, чем он одарен, ждет своего времени, обстоятельства, чтобы вывестись.

Приехал Цихистави.

Один за другим поднимались люди на «Верблюжий горб». Гневны были их речи. Они клялись быть достойными своих великих предков и победить врага.

— Товарищи! — сказал Соломон Гулухаидзе. — Вы привыкли слышать от меня только шутки. Но теперь не до шуток. В смертный бой вступили мы с врагом. Я хочу напомнить поговорку, которая всем знакома: «Вода уйдет, а песок останется, деньги уйдут, а сума останется, человек уйдет, а имя его останется». Пусть каждый позаботится о том, чтобы не опозорить свое имя, чтобы оно жило в веках. И мы, старики, не останемся в долгу перед нашей Родиной. Недаром говорит грузинская пословица: «И рог старого вола пашет».

Он закончил свою речь четверостишием:

Юноша, возвращенный в горах!
Ты пойдешь на войну и вернешься,
Сердце твое не дрогнет
И сабля не будет голодна.

Народ дружно аплодировал в ответ.

Под конец выступил Коринтели.

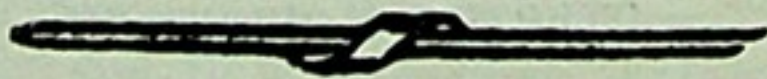
— Братья и сестры! Не умею я говорить, да и не время теперь для речей. Метко сказано: «Хороша длинная веревка, а слово—короткое». Наша страна в опасности. От каждого из нас требуется величайшее напряжение всех сил: на фабриках и заводах, на колхозных полях и на полях сражений.

Кахетинцы, тушинцы, пшавы и хевсуры! Кахетия всегда была передовым постом Грузии в ее героической борьбе с нападавшими с Востока варварами. Теперь ваш долг так же отважно бороться с фашистским зверьем, вероломно напавшим на нас с Запада. Будьте достойны памяти предков, тех отважных воинов, которые сражались под знаменем Баграта IV, Давида Строителя, Георгия Блистательного и последнего льва Грузии — царя Ираклия.

Братья, уходящие на войну! Вечно помните, что мы, грузины, всегда были, есть и будем верными вратарями Кавказа. Боевые, героические дела нашего народа до сих пор помнят развалины крепостей Карса, Эрзерума, Байбурта...

Разошлись, разъехались люди. Взошла луна. Под старым дубом остались лишь Коринтели и Ниортава. Безмолвно смотрели они на опустевшую дорогу, ведущую к Алазани.

(Продолжение следует)

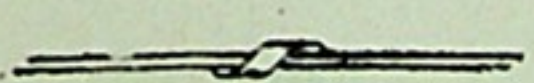

Алеко Шенгелиа

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Перевод с грузинского Л. Магистровой

Родина
    мною до боли любима,
В земную
    я влюблен красоту.
Я не умру, —
а в ее глубинах
новую жизнь обрету.
Последней песней
с горячей грудью земли сольюсь,
последним дыханьем
ей сердце,
тепло свое отдавая,
на нервы
    трепещущие
        расчленюсь.
Снежинкой в небе мне делать нечего,
Не стану холодным я родником,
Могучим дубом расправлю плечи,
Упругим вытянусь тростником.
И пусть
со мною поспорит ветер,
и пусть
меня обжигает зной —
потому что
    на этом свете
жизни не мыслю я иной.
И, верьте, —
    это не слов красивость,
    призрачно-
        невесомых, как дым,
А страстная вера,
    дающая силы
остаться
    влюбленным
    и молодым.

Шамиль Акусба

Когда цветет чай

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с абхазского А. Кузьмичева

Я возвращался в Сухуми под проливным дождем. Дорогу залило водой, машина буксовала, металась из стороны в сторону, и я уже потерял надежду успеть к себе, в контору «Сельэлектро» до окончания рабочего дня. Наконец, впереди из-за поворота показались окраинные улицы города, цепочка фонарей, тускло горевших в ранних дождливых сумерках, и эстакада железнодорожного пути. Я облегченно вздохнул: через несколько минут я буду на месте и наверняка еще застану того, кто мне был сейчас так нужен. Но — увы! — непредвиденный случай задержал меня на целый час...

Сразу же за поворотом, около моста, на обочине дороги под грибком зонтика стояли две девичьи фигурки. Одну из них я узнал сразу — и горячая волна радости заполнила все мое существо. Это была Шахусна!

Я круто затормозил, открыл дверцу и пригласил девушек в машину. Те удивленно переглянулись — потому что ни одна, ни другая ни разу не встречала меня раньше. Но, наверное, столько искренней доброжелательности и сочувствия к ним, промокшим и озябшим, было в моем голосе, что, недолго думая, Шахусна, а за ней, сложив зонтик, и ее подруга забрались в машину. Я был счастлив: рядом со мной ехала девушка, о которой я так часто в последнее время думал. Поглядывая перед собой в маленькое зеркальце, я видел ее блестящие мокрые волосы, а под тонкими черными бровями — огромные, полные огня глаза. О как мне хотелось хоть немного побыть с ней вдвоем, только вдвоем! И словно вняв этой моей беззвучной мольбе, ее подруга чуть ли не в ту же минуту попросила остановить машину около какого-то переуллка и распросалась с нами.

— А куда вас отвезти, Шахусна?

Пушистые ресницы девушки взметнулись от удивления:

— Откуда вам известно, как меня зовут? — спросила она.

— Я давно знаю вас, давно!.. И я очень... очень хотел познакомиться с вами.

Нет, никогда еще мне не везло так, как в этот ранний, по-осеннему дождливый вечер! Я отвез Шахусну домой, говорил с нею всю дорогу, даже условился обязательно встретиться завтра.

«Наверное, у нас уже нет ни души», — думал я, спустя час подъезжая

к нашей конторе. Но удивительно — окна ее были освещены. «Значит, еще кто-то есть», — успокоился я и, открыв дверь, переступил порог.

В пустой комнате за своим столом, едва видимый из-за стопок бумаг и книг, одиноко сидел наш счетовод Едгац и усердно крутил ручку арифмометра.

Едгац, этот почти всегда хмурый на вид мужчина лет тридцати с лишним, поступил к нам в «Сельэлектро» совсем недавно. Мы знали, что он участник войны, холост, видели, что он честен и аккуратен в работе. Но, несмотря на все это, лично мне он казался человеком замкнутым и чересчур черствым. Откровенно говоря, я и знал-то его мало: мне так часто приходилось бывать в разъездах по делам, связанным со строительством колхозных электростанций, что в разговорах мы обычно ограничивались двумя-тремя сугубо деловыми фразами.

Услышав скрип открывшейся двери, Едгац равнодушно посмотрел в мою сторону и снова взялся за свои дела — так, будто меня вовсе не было сейчас в конторе. Меня же в те минуты через край переполняло неожиданно нахлынувшее счастье, я должен был обязательно с кем-нибудь им поделиться, но — с тем, кто был способен понять меня. А в конторе, на мое горе, сидел только Едгац, совершенно равнодушный ко всяким таким вещам Едгац. «Эх, человек! — думал я, глядя на него. — Разве тебе хоть раз довелось переживать то, что посчастливилось пережить сегодня мне? Разве ты поймешь, как я хочу сейчас петь, кричать, рассказывать всем, что необыкновенно хорошо жить на земле, что мне бесконечно дорога эта чудесная девушка, милая моя Шахусна!»

— Едгац! Видел ли ты когда-нибудь спящую реку¹? — громко спросил я и, весь сияя от распиравших меня чувств, направился к его столу.

— Ну и нализался же ты, — остудил он меня спокойным голосом, укоризненно посмотрел мне в глаза, покачал головой и вздохнул.

Видно, на самом деле я выглядел сейчас, как человек, хлебнувший сверх меры. Но мне несколькими словами удалось доказать Едгацу, что опьянило меня совсем не вино. И тогда он, медленно отодвинув арифмометр, приготовился слушать.

Я вовсю распространялся о чувствах, переполнявших меня, а Едгац сидел безучастно, изредка стряхивая пепел с папиросы. На сухом, чисто выбритом лице его, казалось, застыла невыразимая скука. В течение всего рассказа он ни разу не прервал меня ни возгласом одобрения, ни вопросом, ни замечанием. За окном хлестала с крыши вода, я говорил и говорил, удивляясь собственному красноречию, а Едгац по-прежнему молча глядел в угол уютной конторской комнаты. «Нехорошо! — вдруг спохватился я. — стыдно! Болтаю, как молотилка! Расхвастался! А зачем? Что он поймет?» Упрекая себя за излишнюю откровенность, я внезапно смолк и направился к сейфу — положить чертежи, которые только что заметил у себя в руках.

— Послушай-ка! — раздался вдруг за моей спиной голос Едгаца. — Я что-то хочу тебе сказать... Д-да. Если я буду читать тебе нравоучения, ты, я думаю, не обидишься. Как ни говори, а я старше тебя, значит, больше твоего видел и слышал... Верно?

— Да, пожалуй, — согласился я, запер сейф и сел напротив Едгаца, стараясь понять, к чему он клонит.

— Вот ты утверждаешь, что нет никого на свете лучше этой девушки, — грустно улыбнулся Едгац и опять вздохнул. — Изящные пальчики!.. А хорошо ли ты ее знаешь вообще? Нет! Раза два видел издали —

¹ По бытующим в Абхазии народным поверьям, тот, кто увидит так называемую «спящую реку», будет счастлив в жизни.

то в театре, то на улице... Достаточно ли этого, друг мой? Пальчики! В свое время я тоже восторгался тонкими пальчиками!..

Едгац, задумавшись о чем-то или что-то вспомнив, закрыл глаза.

Я спросил:

— Что же ты хочешь этим сказать?

— Она тоже, друг мой, была красавица... Я тоже издали восхищался ею. А потом даже познакомился с ней — встретились в одной компании, случайно. Вот тогда-то она и обворожила меня окончательно. Не шутя говорю: сердце мое готово было выпрыгнуть из груди от радости. И молил я тогда всех богов: ниспошлите мне счастье, посадите ее за столом рядом со мной. И что же ты думаешь — вымолил! Случилось так, что она села напротив меня. На ней было шелковое платье цвета спелого персика. Сначала я даже смотреть на нее не решался, боялся сболтнуть какую-нибудь глупость или совершить какую-нибудь оплошность. Но потом все-таки не удержался, взглянул. Черные бездонные глаза, тонкие, изящные руки. Берется за что-нибудь — обязательно этак картинно отставляет мизинчик... Я не сознавал, что ел, не слышал, что говорили вокруг, — я внимал только ее голосу, видел только ее глаза. Не помню, по какому поводу, но весьма и весьма кстати я бросил какую-то шутку. Она улыбнулась. Это разбило лед, который до тех пор сковывал меня. Душа моя взлетела под самое небо. Каждая моя фраза была, как перцем, начинена остроумием. Девушка смеялась громко, до слез. Я тоже был пьян и ослеплен ею... Но этот вечер, друг мой, стал роковым в моей жизни. К тому же, надо сказать: родственники, знакомые, соседи прямо прожужжали мне все уши: «Она так воспитана! Из приличной семьи... Культурна, имеет подходящее образование... Чего ждать? О чем тут думать?» И вскоре я сделал опрометчивый шаг.

Но любви, дорогой ты мой, хватило не надолго. Манящие взгляды, очаровательные улыбки, ямочки на щеках и другая позолота сходят в практической жизни, как плохой маникюр от горячей воды. Нам нужен был всего только год, чтобы твердо в этом убедиться. Ослепленный блеском моей Нуцы при первой встрече, я совсем не думал тогда ни о ее способностях, ни о ее характере. «Если не знает — будет знать, не умеет — научится», — торопило меня мое сердце.

И вот начались первые «радости»: «Почему пуговица не пришита? Я же просил тебя...» — «Подумаешь, великое дело! Сам пришей!» «Опять нет чистого платка!..» — «Обойдешься!» «Сколько можно обходиться? Нельзя же так!..» — «На твой нос не напасешься платков!» — и так далее, и тому подобное. В итоге разговора — слезы. Затем — игра в молчанку на целую неделю. Приходишь с работы — она у зеркала. А на кухне киснет немытая посуда. Одним словом — тысячи поводов к новой ссоре. И не выдержал я... Может быть, тут есть и доля моей вины — не сумел, не захотел подобрать ключ к сердцу жены. А может быть, и невозможно было это сделать... У меня свои взгляды на жизнь, у нее — свои, и она не захотела, чтобы мы нашли что-то общее, что-то среднее. Такой уж у нее характер!.. Тяжело было, но — ничего не поделаешь — мы разошлись. Я знаю, что она и со вторым мужем не нашла общего языка. Сложное это дело, особенно — с ее убеждениями. У каждого свои причуды. О себе, например, я точно знаю одно: не будет у меня жизни с той, которая с брезгливостью и презрением берется за ручку котла. Так-то, мой милый влюбленный! Верно говорят в народе, что хороший джигит никогда не покупает коня прямо из конюшни. Он прежде посмотрит, как тот гарцует во время чераза¹. Я в этом твердо убедился после первой своей

¹ Чер аз — название игры на лошадях.

ошибки. Надо хорошо знать друг друга прежде, чем жениться. Иначе, как от тесной обуви, появятся мозоли, и весь свой век будешь хромать на обе ноги. Счастье не только в красоте — не менее важны и другие качества. Учти это, друг мой!

Едгац замолчал.

За окном по-прежнему хлестал дождь.

— Видно, трудно найти подходящую девушку — такую, чтоб была по душе? — спросил я.

Едгац молча выдвинул ящик стола, вынул оттуда несколько фотографий.

— Вот, посмотри, — показал он мне одну из них. Со снимка из-под широкополой соломенной шляпы застенчиво улыбалась миловидная девушка. — У нее не такие изящные руки, да и красоты-то особой нет, — продолжал Едгац. — А вот понравилась она мне по-настоящему. У нее такие достоинства, что украсят любого человека. Кстати, кажется, она и депутат районного Совета. Ты часто бываешь в колхозах, может, доводилось встречаться с ней?

Вглядевшись в фотографию, я вспомнил: года два назад в одном селе, где мы строили электростанцию, я встречал эту девушку довольно часто и близко сошелся с ее отцом. Но тогда она казалась мне совсем девчонкой.

— Возможно, я ее где-то и встречал, — сказал я, возвращая карточку.

— Славная эта девушка, спору нет, — продолжал Едгац. — Мне повезло быть в том селе, где она живет. — Он аккуратно и нежно протер фотографию платком, затем снял свои канцелярские нарукавники и повернулся ко мне: — Может, тебе неинтересно слушать?

— Что ты! Наоборот.

— Видел я ее всего один раз, а осталась она вот здесь навсегда, — Едгац приложил руку к сердцу. — Извини, но я уж начну с самого начала, потому что день тот, как сегодняшней, живет в моей памяти... Дело было летом, в июне. После продолжительных проливных дождей в одно из воскресений наконец-то выглянуло солнце. Воспользовавшись этим, все сотрудники предприятия, где я тогда работал, на двух машинах выехали в подшефный колхоз.

Я только видел, как работают на чайных плантациях, но, к стыду моему, сам ни разу не сорвал даже листика. Вернулся я с фронта с осколком немецкой мины в бедре, остался жить в городе, приобрел специальность. И меня тогда очень обрадовала эта поездка, если учесть, как я соскучился по деревне... Пока мы петляли по дорогам и добирались до плантации, солнце уже поднялось к зениту. Наконец, мы доехали. Отсюда наша Ерцаху¹ казалась такой близкой, что попробуй — и дотянешься до нее рукой.

Огромная и бескрайняя, раскинулась перед нами чайная плантация. Взором не окинешь. Черное море — да и только! Кусты — по пояс. Подошел к нам агротехник, и от него я впервые узнал, что особенно ценны молодые побеги чая, что снимать эти листочки нужно сразу, как только они покажутся, иначе они затвердеют и будут стоить не дороже ольховых листьев.

— Расскажи лучше, как ты встретил эту девушку, — прервал я слишком увлекшегося Едгаца.

Он посмотрел на часы:

— Не торопись, еще не так поздно... Ну вот, из-за продолжитель-

¹ Ерцаху — одна из крупнейших горных вершин Абхазии.

ных дождей колхозники долго не выходили в поле, и кусты были сплошь покрыты молодыми побегами. Одним словом, мы приехали весьма кстати — тут было, где развернуться. Разбившись попарно, мы взялись за работу. Не хватало корзинок, и листья ссыпали кто — в шапку, кто — в подол платья или рубашки. Я же, сняв майку, пристроил ее, как передник. И честно скажу: в первые минуты подумал: «Черт побери! Почему бы мне не собрать килограммов тридцать?! Ведь пишут же в газетах: такая-то сборщица собрала за день сорок... А я ж все-таки мужчина, фронтовик!»

— Ты думал, что собирать чай — пустяки? — улыбнулся я.

— Да, думал что это легко... Итак, следуя указаниям агротехника, я приступил к делу. Ищу молодые, чуть желтоватые, как воск, липкие побеги. Но не так-то просто оказалось найти их в сплошной зелени куста. Тут нужны сноровка и острый глаз. Тебе случалось видеть, как петух, у которого давно переполнен зоб, клюет початок кукурузы? Так вот и я: то одной, то другой рукой поклевывал куст. И все-таки я продвинулся на несколько шагов вперед. Но мои руки уже не так охотно, как вначале, стали слушаться меня. Пощупал я свой передник — пустой. «Уж не высыпаются ли оттуда листья?» — с тревогой подумал я, разглядывая майку. Но она была крепкой, без единой дырочки. Весь мой сбор уместился бы в пригоршню, и листья настолько высохли, что хоть сейчас бери и заваривай чай. А как медленно тянулось время! От беспощадных лучей солнца пришлось надеть нечто вроде шапочки из свежих листьев папоротника. Да тут еще пальцы от чайного листа стало пощипывать, как от красного перца. Совсем дело плохо! Бегаю туда-сюда, пью воду из бочки, и выпил ее наверняка целое ведро. Но передник мой никак не наполняется. Наконец, не выдержал я, кинулся к весам. Взвесили — немногим больше килограмма. «Вот это номер! — ахнул я. — Где уж там тридцать, о которых я размечтался! Хоть бы пять собрать, чтоб не опозориться окончательно...»

Такие же «успехи» были почти у всех моих городских коллег. Вот тогда-то я и понял, что значит собрать сорок килограммов за день, понял, как работают те сборщицы, о которых пишут в газетах. «Хоть бы, — думаю, — издалека посмотреть на одну такую кудесницу!».

В полдень к нам подъехал председатель колхоза.

— Здорово, ребята! — издали крикнул он. — Как, нравится наша работа? По сколько собрали на брата?

Наши по наивности поспешили обрадовать председателя. А он, услышав, что каждый собрал не более трех-четырех килограммов, только усмехнулся, свесившись с седла и посмотрев в почти пустые ящики.

— А сколько сегодня собрала ваша лучшая сборщица? — спросил я. Председатель улыбнулся:

— Одна сборщица уже наполнила свой ящик. Весовщик сказал: тридцать килограммов.

Мы не поверили, а кто-то выразил сомнение вслух.

— Ее фамилия — Санагуа, — сказал председатель. — А зовут — Куейза. Кое-кто, наверное, знает ее по газетам. Она у нас боевая девушка. Пришлю ее к вам для обмена опытом, — с усмешкой закончил он, отъезжая.

Во время перерыва мы присели под огромным ореховым деревом. Подошли сюда и колхозные девушки. Ты знаешь, я никогда не разлучаюсь со своим «фэдом». Мне захотелось сфотографировать знатную сборщицу — и я спросил у девушек, кто из них Куейза.

— А вон она, — показала одна в сторону дороги. Там у подводы девушка помогала мальчику грузить ящики с чайным листом.

Я подошел к ним, и когда Куейза обернулась, невольно залюбовался ею: миловидная, небольшого роста, крепкая дивчина; улыбнется — блестят белые ровные зубы. Я сказал, что хочу ее сфотографировать. Она смутилась, стала отнекиваться. Тут подошли мои сослуживцы и попросили ее показать, как надо по-настоящему собирать чай. Тогда Куейза растерялась совсем: какой, дескать, у нее опыт! Отвернулась и смутилась еще больше — даже сквозь загар было заметно, как порозовело ее милое, хорошенькое личико. Д-да, с каждой минутой она все больше и больше нравилась мне.

Наконец, хоть и с трудом, но нам все-таки удалось уговорить Куейзу. По-прежнему стесняясь, она подвесила к поясу корзину, надела перчатки и приступила к работе. Вначале я не видел ее рук — она стояла ко мне боком, но я хорошо представлял себе, с какой ловкостью и проворством порхают они над кустом. Среди тех, кто наблюдал за ней, слышались возгласы одобрения и восторга. Ты, наверное, знаешь: когда срывают чайный лист, по всему кусту пробегает своеобразный дребезжащий звук, и по этому звуку можно даже при желании свободно подсчитать количество срываемых листьев. Но от куста Куейзы слышался шум, как во время ливня. Для нас, на себе испытавших, что такое сбор чая, ловкость и сноровка этой девушки были непостижимы. Мы глядели на нее, как на фокусника. До этого меня поразили бесподобной ловкостью в работе две женщины: одна была машинисткой, другая — банковским кассиром. Теперь я увидел третью. Но эта на целую голову стояла выше тех двух.

Итак, пока мы, разинув рты, удивлялись, Куейза наполняла корзину, изредка поглядывая на нас из-под шляпы так, будто была виновата в том, что и мы не можем работать так же. Снова слышались возгласы одобрения, и кое-кто даже зааплодировал. А я про себя подумал: «Подойти бы к ней сейчас при всем народе, обнять от души и расцеловать эти быстрые, ловкие, бесподобные руки!»

Едгац умолк и стал раскуривать папиросу.

Я не удержался:

— Вижу, ты влюбился в Куейзу, как говорится, по самые уши!

— Не скрою, она мне понравилась... И тогда я отснял почти всю пленку.

Теперь он вытащил из стола уже целую пачку фотографий и положил передо мной. Я стал рассматривать. Куейза снята была и с непокрытой головой, и в соломенной шляпе, и за сбором чая, и у веранды, и среди подруг.

И тогда я решил признаться:

— Куейзу я знаю, Едгац. Очень хорошо знаю. Я даже бывал у нее дома. Жаль, что до сих пор я не подозревал о твоих чувствах к ней, а то помог бы тебе познакомиться с ней ближе. Я хорошо знаю и ее отца Фрача Санагуа.

— Ты меня не разыгрываешь? — с сомнением посмотрел мне в глаза Едгац.

— Честное слово! — сказал я. — Но едва ли мимолетной встречи на чайной плантации достаточно, чтобы у тебя созрело какое-либо серьезное намерение.

— Нет, нет, — торопливо прервал меня Едгац. — Это не мимолетная встреча, совсем не мимолетная! Я наблюдал за Куейзой продолжительное время и сумел оценить ее. В тот день мы остались ночевать в деревне, чтобы на другой день еще поработать в колхозе. И представь,

как мне повезло: вместе с двумя товарищами я был определен на ночлег в дом Куейзы. Ничто не прошло мимо моего взора. Я наблюдал здесь за каждым ее шагом. Видел, как она разжигала очаг, как доила во дворе коров, как убирала со стола... Ее расторопность, ее умение делать все так ловко и непосредственно, ее красота и душевность подкупили меня. Я с благоговением смотрел на ее маленькие руки, золотые, загорелые, чуть-чуть огрубевшие, но прекрасные руки.

Таковы дела, друг мой! И если та, с которой ты говорил сегодня, хоть немного похожа на Куейзу, то я разделяю твои восторги, я смело говорю тебе: «Женись — и точка! Благословляю!»

Едгац поднял голову и взглянул на меня. В его глазах сквозила радость сбывшейся мечты. Бедняге в тот миг, наверное, казалось, что он давно уже обручен с Куейзой и теперь дело только за свадьбой. Знал бы он, чем это кончится!

— Но ни в тот вечер, ни на следующий день я не сумел даже намекнуть ей о своих чувствах, — продолжал Едгац. — Ты видел, как цветет чай? Не знаю, может быть, потому, что у кустов срезаются верхушки, их цветы не выставляются напоказ: вот, мол, любуйтесь нами! Их сверху и не видно — они стыдливо прячутся где-то там, внутри, или снизу, или с боков. Невзрачные, матово-белые маленькие лепестки! Но зато какой чудесный у них запах!.. Такова и моя Куейза!.. Жаль, что я не сумел пока открыть ей свою душу. Ни одной минуты не удалось нам побыть вдвоем. И меня иногда охватывает страх: вдруг она просто избегала меня? Поедем к ней, я очень прошу тебя... Поедем под каким-нибудь предлогом, а?

Мечтательно улыбаясь, Едгац неторопливо собрал со стола фотокарточки, аккуратно сложил их в стопку, спрятал в ящик.

— Уже поздно, пора по домам, — сказал я, поглядев на часы.

Мы вышли. Я отвез неожиданно приунывшего Едгаца домой, и мы расстались, договорившись при первом же удобном случае вместе заглянуть к Куейзе...

С тех пор прошло немало времени, а удобного случая пока, к сожалению, нам не представлялось. Но вот однажды я узнал, что в селе по соседству с тем, где живет Куейза, затевается свадьба знатного колхозного бригадира. Я состоял в недалеком родстве с его семьей и, естественно, получил приглашение. Решил ехать и обязательно взять с собой Едгаца. Думал так: посидим, сколько требуется для приличия, на свадьбе, а на обратном пути заглянем к Куейзе.

Едгац, разумеется, одобрил мой план. Сели мы в мой «Москвич», и поехали. Добрались к месту поздно вечером — и сразу же попали к столу и очутились среди почетных гостей. И как мы ни пытались вырваться из-за стола пораньше — у нас ничего не вышло. Пришлось сидеть до самого утра.

Солнце уже стояло высоко над горами, когда мы, будучи изрядно навеселе, покинули стол. Но, по обычаю, прежде чем выехать со двора, нам предстояло подойти к невесте и познакомиться с нею.

Мы с трудом протиснулись через толпу гостей на веранде и вошли в комнату невесты. Придерживаясь старого народного ритуала, невеста стояла у стены, закрывшись легким шелковым шарфом. Мы с Едгацем стали перед ней — и раньше, чем преподнести подарки, я произнес соответствующую речь. После этого одна из подружек невесты подошла к нам с вазочкой для подарков, другая — с графином вина и закусками на подносе. Церемония была завершена, и я воскликнул:

— А теперь покажите нам лицо невесты!

Третья подружка невесты затараторила быстро и заученно те слова, которые в данной обстановке требует обычай:

— Пожалуйста, дорогие гости, теперь вы имеете право, теперь мы покажем вам нашу красавицу.

Она приподняла шарф — и я обмер: перед нами, смущенно опустив глаза, стояла прекрасная смуглолицая Куейза. Я растерялся, не зная, что мне делать, что говорить, как посмотреть на Едгаца. Наконец, я решил обернуться, но его уже не было на прежнем месте — понурив голову, он торопливо пробирался к выходу. Я тоже последовал за ним — мне ничего больше не оставалось делать.

Всю обратную дорогу Едгац молчал, будто пришибленный. Мне было очень жаль этого человека, и чтобы хоть как-то развеять его скверное настроение, я спросил:

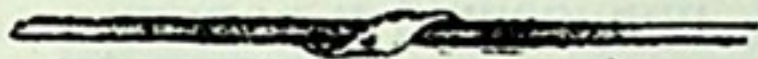
— Что ж ты молчишь?

Едгац печально посмотрел на меня, зябко повел плечами и вздохнул:

— А что говорить? Опоздал я... Сам виноват.

— Не унывай, Едгац! У нас с тобой впереди вся жизнь. И еще обязательно придет к тебе твое счастье. К тебе и ко мне... Закурим?

Мы закурили. Я прибавил газу. Нужно было спешить — ведь там, в городе, жила моя Шахусна, и мне совсем-совсем не хотелось оказаться в незавидном положении Едгаца.

Елена Николаевская

ТАШИСКАРИ

ТашискарИ, ТашискарИ,
Неуемный ветерок, —
Августовский день в разгаре,
Дождь, прибивший пыль дорог,

Буйство зелени и скалы,
Мох, приросший к валуну...
Лишь кипенье речки малой
Нарушает тишину.

Осторожная куница
Где-то прячется сейчас,
Где-то птица хочет взвиться,
Да боится, верно, нас.

Мы и сами не из смелых —
Сторонимся высоты,
Где черны от ягод спелых
Ежевичные кусты,

Где каштаны в напряженье
Над откосами дрожат,
Где в колючем окруженье
Маков цвет к скале прижат...

Ташискарское ущелье!
Если б снова летним днем
Под зеленою метелью
Рвать ткемали над плетнем!

На подъемах утомиться,
А потом брести леском,
И живой воды напиться.
Зачерпнув ее листком,

И опять взлететь, как птицы,
И опять с горы бежать!..
...Только б солнцу не садиться,
Только б время удержать!..

Славься, день, который прожит,
День в сиянье золотом!..
Но когда-нибудь, быть может,
Пожалеем мы о том,

Что вперед мы шли с оглядкой —
Не пора ль назад спешить?.. —
От обычного порядка
Не решались отступить,

Неуверенно и робко
Одолели полпути, —
Что по самым трудным тропкам:
Не рискнули мы пройти.

Арчил Сулакаури

სენატი

Волны стремятся к берегу

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Э. А н а н и а ш в и л и

I

Солдат прикрыл безжизненное тело девушки шинелью и выпрямился. Потом перевел взгляд на оголенный холм. «Должно быть, с этого холма море, как на ладони», — подумал он; но эту мысль тотчас сменила другая: «А не все ли равно, видно оно или нет?».

С моря дул леденящий ветер. Он прохватывал до самых костей.

Снимая шинель, солдат знал, что заоченеет, но мертвая девушка казалась такой бесприютной под открытым небом! Он не мог ее так оставить. Солдат наклонился над девушкой и набросил на нее шинель, словно саван. И подумал, что выполнил свой последний долг перед умершей.

Солдат поднял с земли оброненную пилотку, выбил из нее пыль, ударив о колено; надел. Потом взял автомат и собрался уходить. Но холм еще притягивал его взгляд. «Оттуда, наверное, видно далеко вокруг!» — все не мог он отогнать назойливую мысль. Потом, словно обращаясь к кому-то, сказал вслух:

— А почему бы не похоронить ее там, наверху?

С минуту он молчал, как бы ожидая ответа, но ответ был у него наготове:

— Что ж, вырою могилу и похороню...

Недолго думая, он направился быстрым шагом к холму, отстегивая на ходу от пояса саперную лопатку. Теперь другая мысль неотвязно вертелась у него в голове: «Как странно, — наверное, до войны многие примечали этот холм, и, может быть, даже мечтали выстроить на нем красивую дачу... А теперь такие места пригодны только для могил».

Солдат поднялся на холм, но не стал смотреть в сторону моря. На севере расстилалось широкое поле, за ним громоздились горы. Над заснеженными горами нависли тяжелые свинцовые тучи. Поле было усеяно цветами смерти — деревянными крестами.

Снежным саваном было покрыто кладбище. Солдат смотрел сверху на кресты, и ему мерещилось, что это вороны, взлетая, исчертили снег черными трехпалыми следами.

На северо-востоке, в клубах дыма виднелись развалины портового

города. И, словно руки утопающего, торчали над водой мачты затонувших кораблей.

Несколько катеров вошли в пролив — они перевозили бойцов на тот берег. На лиловой поверхности моря чернели лодки. Они тоже стремились к другому берегу.

С запада донесся гул орудий — гитлеровцы атаквали полуостров.

— Надо скорее вернуться к своим.. А то они бог весть что подумают, — пробормотал солдат и налег на рукоять лопаты.

Промерзшая земля словно сопротивлялась. Лопата скользила по верхнему слою.

Солдат уже больше ни о чем не думал — надо было скорее кончать работу: Понемногу стало легче рыть — в глубине земля оказалась теплой и мягкой.

Он уже стоял по самое горло в вырытой им могиле.

«Пожалуй, достаточно», — решил солдат и выбрался наверх. Он отер шапкой вспотевший лоб и продолжил вслух свою мысль:

— Теперь уже не роют таких глубоких могил.. Хотя именно теперь то и следовало бы рыть глубокие могилы..

Солдат собрался было уже спуститься за телом девушки, но, услышав рокот приближающихся самолетов, остановился. Он по звуку определил: чужие. Взглянув в небо, солдат убедился, что не ошибся.

Самолеты надвигались со зловещим ревом. Они приближались с поразительной быстротой — еще немного, и пролетят над самой его головой.

— Черт бы вас побрал! — крикнул солдат, но не услышал собственного голоса: его заглушил грохот взрывающихся бомб.

Самолеты бомбили полуостров, а солдату казалось, что они попросту освобождаются от лишних бомб. Один самолет пронесся совсем близко от него. Солдат услышал знакомый свист, за свистом последовал взрыв.

Когда солдат пришел в себя, оказалось, что он лежит в вырытой им могиле. Как он очутился там, он не помнил. Солдат выглянул наружу. Над морем стремительно снижался самолет; вот он пикирует на катер... Минута, другая, — и рядом с судном взметнулось ввысь четыре или пять водяных столбов; на мгновение они словно подперли небо, потом рассыпались брызгами. Еще один самолет ринулся навстречу катеру. Солдат закрыл глаза и залег в глубокой яме — распластался на дне. Ему почему-то показалось, что если он не будет смотреть, то самолеты обязательно промахнутся.

Гул разрывов стал слабее. Земля словно обступила солдата, и только вверху, в проеме могилы, голубел четырехугольный кусочек неба. Солдат чувствовал, что на море творится что-то страшное.

— Черт побери, в этой яме можно сойти с ума! — закричал он и стал выбираться наружу.

Снова он смотрел на море. Слезы жалости застилали ему глаза, но под ними, в глубине зрачков, уже мерцала чуть заметная искорка гнева. Она разгоралась все сильнее, уничтожая жалость, как огонь — солому, и, наконец, вспыхнула ярким пламенем ярости.

Далеко в море тонул пылающий катер. Солдат впервые видел, как тонет корабль. Впервые подумал он, что море — как огромное кладбище, на котором нет ни деревянных крестов, ни надгробий, ни обелисков. Море похищало людей, бесследно поглощало их в своей пучине. Поглощало, не оставляя никакой памяти об их существовании. Было — и словно не было ничего...

Солдат спускался с пригорка. «Земля ведь не море... — размышлял он. — Земля сохраняет память о людях... Я схороню ее и положу в головах большой камень... Назло морю... И если когда-нибудь судьба снова забросит меня сюда, я напишу на этом камне: «Тут похоронена девушка, которая любила жизнь и хотела жить, но у которой отняли жизнь». Этот камень переживет века...»

Солдат остановился у обочины дороги, там, где еще совсем недавно лежало тело девушки, прикрытое шинелью. Ни трупа, ни шинели не было. Только зияла воронка от бомбы.

Солдат застыл на месте, не зная, что делать. Ветер шевелил обрывок шинели, повисший на ветвях опаленного взрывом дерева. А наверху осталась незасыпанная могила...

II

Солдат шагал по дороге, вскинув винтовку на плечо.

...Он хорошо помнил день, когда впервые повстречался с этой девушкой. Это было совсем недавно.

Он нес в штаб полка пакет от командира роты. По пути должен был пройти через деревню. Солдат знал, что в ней не осталось ни единой живой души.

Деревня и в самом деле была пустой. Мертвая тишина царила в ней, не было слышно даже воробьиного гомона.

Узенькая улочка гулко отсчитывала шаги солдата. Это был единственный звук, нарушавший глухую тишину. Это был как бы слабый, еле слышный пульс, последнее свидетельство того, что умирающий еще жив.

Во всех домах заколочены ставни, накрепко заперты двери.

Странное чувство овладевало солдатом: хотелось поскорее уйти отсюда, уйти от гнетущей тишины, пустоты, безлюдья. Он ускорил шаг, он почти бежал.

Неожиданно в ветхом домике по правую сторону улицы со скрипом отворилось окно. Солдат замедлил шаг, потом остановился и удивленно посмотрел туда: что же будет дальше?

— Здравствуй! — слышался из окна женский голос.

Он тоже поздоровался и стал напряженно вглядываться, но так и не смог ничего различить в черном провале окна. Одна лишь тьма смотрела на него оттуда.

Между тем распахнулась и дверь домика. На пороге показалась девушка лет восемнадцати. Лицо у нее было бледное и измученное, волосы спутанные — видно, она уже давно не причесывалась.

Девушка улыбалась, но улыбка ее казалась странной и необычной.

Юноша впервые видел такую улыбку и не мог понять, что она выражает.

Юноша подошел к калитке. Ему вовсе не хотелось заходить в дом, но, казалось, неведомая сила тянула его, как на аркане.

— Заходи, я тут одна, — позвала его девушка.

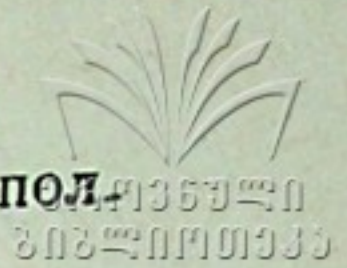
Юноша отворил калитку и вошел во двор.

Девушка все так же странно улыбалась.

— Во всей деревне никого нет, кроме меня, — сказала она.

Юноша поднялся по лестнице. Девушка провела его в комнату. Комната была маленькая, но все же в ней умещались две кровати, стол и несколько стульев; в углу виднелась беленная известью печь. Девушка пододвинула гостю стул и сама под села к столу.

— Сядь, не стесняйся.

Юноша прислонил винтовку к стене, сбросил вещевой мешок на пол.

— Садись, — повторила девушка:

Юноша сел.

Наступило молчание. Ни он, ни она не знали, о чем говорить.

— Который час? — спросил, наконец, юноша.

Девушка отвернула рукав своего серого халата:

— Три:

Юноша взглянул на нее и только теперь заметил, что она хороша собой: глубокие черные глаза, пухлые губы, прямой, точеный нос. Губы у нее почему-то потрескались.

— Ты спешишь?

— Нет... Хотя... Я останусь... Ненадолго... — сбивчиво ответил он.

— Почему ты не снимаешь пилотку?

Юноша снял головной убор. Обнажилась коротко остриженная голова. Некоторое время он вертел и мял пилотку в руках, потом положил на колени и крепко придавил правой рукой.

«Почему я зашел? — подумал он. — Сам не знаю... Но почему эта девушка здесь? Все ведь ушли, а она как будто и не собирается бросать свою хату».

— О чем ты думаешь? — снова нарушила молчание девушка.

— Ни о чем, — с трудом выдавил из себя юноша и покраснел. Немного погодя он спросил: — Почему ты здесь? Что ты тут делаешь?

— Я не хотела оставаться, но дед заупрямился: где, говорит, я родился, там и умру. Знаешь ведь—старикам иной раз втемяшится в голову такое...:

— Ну, а потом?

— Я не могла оставить его одного.

— Где он?

— Я похоронила его за домом, в саду. Я сама вырыла могилу.

— Что ты теперь будешь делать?

— Не знаю... Наши соседи говорили, что немцы будут здесь через неделю. Но вот уже прошло несколько недель, а все их сюда не пускают. Если так будет продолжаться, наши, наверное, вернуться... И деревня снова станет похожей на деревню!..

— А если нет?

— Тогда и я уйду отсюда... Не найдется ли у тебя табаку?

— Только махорка...

— Все равно.

Юноша достал кисет, обрывок газеты и протянул ей. Девушка ловко скатала самокрутку. Видно, для нее это было привычным делом. Перехватив внимательный взгляд юноши, она пояснила:

— У дедушки правая рука была парализована, и я всегда сворачивала ему цыгарку.

Юноша зажег спичку и привстал, чтобы дать ей прикурить.

Вдруг кровь ударила ему в голову — прямо перед ним, в вырезе халата девушки белела упругая грудь.

Девушка задула спичку:

— Я уже прикурила, спасибо!

Юноша сел, тотчас снова поднялся и потянулся за вещевым мешком, но, почувствовав прикосновение теплой руки, обернулся.

— Не уходи. Я две недели не видела людей. Тебе надо идти?

Вопрос остался без ответа.

Девушка положила на блюде дымившуюся самокрутку и встала.

— Как хочешь... А я так ждала тебя... Ты даже снился мне... Когда удавалось заснуть...

— Я?!

— Да, ты.

Она сказала это так просто, так искренне, что юноша поверил ей. Девушка говорила правду. Он, действительно, снился ей, ее суженый — двадцатилетний юноша, такой же стриженный наголо солдат с обветренным лицом, загорелый и здоровый, одетый в солдатскую шинель. Ей и не мог присниться иной. Все двадцатилетние были такими — стриженными, в солдатских шинелях.

Халат на груди ее совсем раскрылся. Юноша задрожал всем телом. Он впервые видел так близко обнаженную грудь женщины.

Вдруг девушка пошатнулась:

— Голова кружится... Дай мне кусочек хлеба.

Юноша побледнел.

— Почему ты не сказала сразу?

— Я не думала об этом. Только сейчас у меня закружилась голова.

Солдат осторожно усадил ее около стола. Потом раскрыл свой мешок и выложил на стол солдатский паек — хлеб и кусок колбасы. Девушка жадными глазами следила за ним, все еще не веря, что все это богатство — для нее.

— Ешь.

— А ты?

— Мне не хочется, я уже ел.

Он пододвинул ей еду и отошел.

Солдат стоял у открытого окна и смотрел на пустынную улицу. Волнение его улеглось. Сейчас им владело только чувство жгучего стыда.

Шум отодвигаемого стула заставил его очнуться. Он услышал, как она встала и направилась к постели. Комната была маленькая, но солдату показалось, что она шла очень долго. Потом послышался скрип кровати. Солдат обернулся. Она лежала на постели все в том же сером халате. Одну руку девушка подложила себе под голову, другая бессильно свесилась вниз. Девушка улыбалась, — казалось, точно так же, как тогда, в дверях.

Солдат долго смотрел на нее. Вначале ему казалось, что улыбка ее выражает удовлетворение, но потом он увидел на этом лице нечто совсем иное и невольно содрогнулся.

Как часто приходилось ему видеть на человеческом лице улыбку, иной раз даже вызванную отчаянием! Улыбка могла выражать счастье, сожаление, вину, злобу, насмешку; она ведь часто служит людям для защиты, а то, бывает, — и для нападения. Но в улыбке этой девушки были смешаны и радость, и горе, и сожаление, и злость, и отчаяние, и насмешка. Девушка словно и нападала на кого-то — и защищалась одновременно.

— Чего же ты ждешь?.. — еле слышно спросила она.

Солдат не понял, звала его девушка или, наоборот, хотела, чтобы он ушел. Может быть, и то и другое. Ему захотелось уйти отсюда, уйти подальше, бежать от этой девушки и... от самого себя. Мысли его путались. Он лишь смутно представлял себе, что возможно, и что нет.

— Ты правда снился мне, — прошептала девушка.

Солдат не шевелился.

Прошло некоторое время.

Ни один из них не произнес больше ни слова. Солдат стоял, опустив

голову. Наконец, до него донеслось ровное, спокойное дыхание. Он взглянул на девушку. Она спала.

«Сколько же времени она не смыкала глаз, бедная? Видно, голод не давал уснуть, а теперь вот поела и сморило», — подумал солдат; потом, стараясь не шуметь, приблизился к спящей. Лицо ее постепенно меняло выражение. Улыбка сходила с него — так в большом зале медленно гаснет свет. Вместе с улыбкой исчезало и неизъяснимое выражение радости и горя, злости и сожаления, грусти и насмешки, так поразившее его... Темное, тяжелое спокойствие овладевало ею, подобно тому, как ночь окутывает землю.

Солдат поправил на груди девушки расстегнутый халат, осторожно поднял свесившуюся с кровати руку, прикрыл полый халата заголившееся бедро, на котором еле заметно обозначались разветвления тоненьких голубых жилок. Потом взял автомат, вещевого мешок и ушел.

Штаб перебросили на новое место, и солдат целую ночь его разыскивал.

Ему приказали ждать. Солдат получил паек и две трети его отложил для девушки. Он казался себе одержимым. Все время он думал только о девушке, в ушах у него непрестанно звенел ее голос, повторявший все те же слова: «Дай мне кусочек хлеба».

Он тогда отдал ей весь свой хлеб. Девушка поела и заснула. О чем она будет думать, когда проснется? Опечалится, увидев, что его нет? Наверное. Может, даже заплачет?..

— О чем задумался, браток?

Незнакомый голос заставил его вздрогнуть. Солдат очнулся. Рядом с ним стоял, улыбаясь, какой-то сержант.

— Тебя вызывают, — сказал он.

Солдат получил задание и снова отправился в путь. И вот он снова был в той самой деревне, возле знакомого домика. Некоторое время он в нерешительности стоял около калитки. Окно дома было распахнуто, и солдат удивился: почему девушка не выглядывает? Потом он взбежал по ступенькам, положил на крыльцо свой вещевого мешок и открыл дверь.

Первое, что бросилось ему в глаза, были большие солдатские сапоги, стоявшие рядом с ее кроватью.

Незнакомец, лежавший на постели спиной к двери, обернулся на скрип и через плечо посмотрел на того, кто стоял у порога. Солдат успел рассмотреть коротко остриженную голову и смятенный взгляд застигнутого врасплох человека.

Солдат тотчас прикрыл за собой дверь и, пятясь, стал спускаться по лестнице. Лицо его побледнело, лоб покрылся холодной испариной.

«Там у нее кто-то...», — сверлила мозг неотвязная мысль...

III

...Сегодня утром солдаты нашли девушку на дороге. Она лежала ничком, без сознания.

Ее стали приводить в чувство, брызнули ей на лицо водой. Девушка на мгновение приоткрыла большие темные глаза и снова смежила веки.

Кто-то принес еще воды, кто-то достал из вещевого мешка бутылку и, с трудом разомкнув ее крепко стиснутые зубы, влил в рот спирт.

— Нужно взять ее с собой, не оставлять же ее на дороге! — решил командир отделения.

Девушка очнулась. Слова командира привели ее в ярость.

— Труссы! — закричала она. — Вы давно уже оставили нас! Малодушные! Вам надо в бабьем наряде ходить! Куда вы бежите, как зайцы? Кому оставляете землю? — голос девушки оборвался, словно ей сдавили горло, по телу ее прошла судорога.

Словно река в половодье, она не вмещалась сама в себе. Она бесновалась, причитала, рвала на себе одежду. Трое солдат с трудом сдерживали ее.

— Мы возьмем ее с собой! — повторил командир отделения.

— Сначала придется ее успокоить, — заметил один из солдат.

Но это оказалось не так-то легко.

— Пустите меня, пустите! — кричала она и продолжала судорожно биться.

— Оставьте ее в покое! — приказал командир.

Трое солдат, сидевшие перед ней на корточках, поднялись.

Девушка снова уткнулась лицом в землю и зарыдала.

Тогда один солдат обратился к командиру:

— Разрешите мне остаться с ней. Я сумею ее успокоить... Это моя знакомая... Мы нагоним вас по пути.

Все недоверчиво посмотрели на него.

— Вы мне не верите? — удивился солдат.

Командир хорошо знал солдата. Он сказал, где товарищи будут его ждать, и отделение двинулось в путь.

Солдат присел рядом с девушкой и положил руку на ее вздрагивающие плечи. Так он и сидел, не двигаясь, пока она не затихла. Потом он повернул девушку лицом к себе и, бережно положив ее голову к себе на колени, стал осторожно снимать прилипшие к лицу мелкие камушки. Девушка дышала тяжело и прерывисто, часто проводя кончиком языка по пересохшим губам.

— Хочешь пить? — спросил солдат.

Девушка обратила на него взгляд своих больших, погасших глаз. Долго, настойчиво вглядывалась она в него.

— Узнала?

— Воды!

Она сделала несколько глотков и снова стала пристально вглядываться в солдата. Дыхание ее стало прерывистым.

— У меня больше нет сил, — вдруг улыбнулась она. Улыбка была такой же, как в тот день.

Девушка попыталась поднять руку. Солдат помог ей. Она ласково коснулась его лица, потом рука ее скользнула к его шее.

— Это ты?

— Узнала?

— Я знаю, ты еще раз приходил ко мне. Я нашла у двери твой мешок... Там был хлеб, и рыба, и колбаса... И еще сахар, — сказала она и добавила, помолчав: — Спасибо... прости меня.

— Я ни в чем тебя не виню.

— Ты должен простить меня. Я так хотела жить... Я ведь живой человек!..

— Я же сказал, что не виню тебя ни в чем.

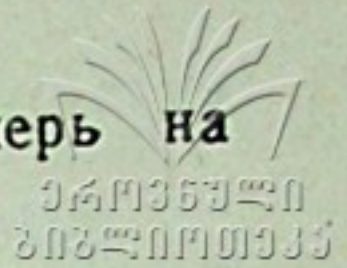
— Если б ты дождался, пока я проснулась, я пошла бы вместе с тобой.

— Куда?

— Не знаю. Туда, куда ты повел бы меня.

— Куда же я мог тебя повести? Я ведь в армии.

— Я воевала бы вместе с тобой. Все мои сверстники теперь на войне.

— Ты права, я не подумал об этом.

— Когда я проснулась и увидела, что тебя нет, — я заплакала. Я плакала всю ночь.

— Ты плакала? Я так и думал, что ты будешь плакать, увидев, что я ушел.

— Три дня я ждала тебя. Все смотрела в окно — не покажешься ли ты. На четвертый день я услышала чьи-то шаги.

— А потом?

— Я думала — это ты.

— Да?..

— Он был очень похож на тебя, но это был не ты. Ты мог бы меня любить, он — нет. Но на первый взгляд все вы так похожи друг на друга...

— Мне нужно было увести тебя..

— Я это сразу подумала, но мне так хотелось спать...

— Да, ты уснула.

— Воды....

Девушка отпила еще из фляги и глубоко вздохнула.

— Спасибо... Как много мы говорили... Я и не думала, что смогу говорить так долго.

— Есть хочешь?

— Не знаю.

— Если хочешь, я дам тебе поесть.

— Не нужно. Хорошо, что мы встретились. Теперь я могу умереть спокойно.

— Не надо так говорить.

Рука девушки бессильно повисла в воздухе, потом снова обвилась вокруг шеи солдата.

Она закрыла глаза.

«Если тогда я многого не понимал, то теперь мне уже все ясно. Нужно помочь ей подняться и пойти к нашим. Если она не сможет идти сама, я понесу ее на руках», — думал солдат. Он сказал об этом девушке. Она устало улыбнулась.

— Слишком поздно.

— Почему ты так думаешь?

— Молчи, мне трудно говорить... Я задыхаюсь... Расстегни мне кофту...

Солдат расстегнул ей ворот.

— Дай руку. Положи ее вот сюда, на сердце, — голос ее был еле слышен.

Солдат приложил ладонь к теплой груди.

— Чувствуешь, как бьется сердце?

— Нет.

— Прижми руку!

— Теперь, кажется, чувствую.

— Я гасну. Теперь меня ничто не мучает — ни холод, ни голод.

Девушка с тоской взглянула на солдата. Глаза ее наполнились слезами, ноздри затрепетали, губы стали белы, как мел.

Солдат обнял ее и привлек к себе. Он весь дрожал. Но это была совсем иная дрожь — не такая, как тогда, при первой их встрече.

— Как все необычно в жизни, — подумал он вслух. — Вчера еще нам говорили: «Вы — будущее страны». А сегодня мы — солдаты и с оружи-

ем в руках защищаем будущее другого поколения... Наше поколение...

— Я не понимаю, о чем ты... — прервала его девушка.

«До чего же я глуп, — подумал солдат, — она не понимает меня, и никогда не сможет понять... Я никогда не знаю, где что говорить».

Девушка затихла. Страдальческое выражение сошло с ее лица, только дыхание стало еще чаще; она крепко зажмурила глаза, словно боялась, что их откроют силой.

Солдат встал и подхватил ее на руки.

«Я понесу ее на руках, — решил он, — нельзя же сидеть тут и, сложа руки, ждать, пока придет смерть».

— Положи меня... Я не могу, у меня все болит... Дай мне полежать спокойно, — простонала девушка.

— Нет, нет! Пойдем! Я не могу так тебя оставить...

Солдат почти бежал.

— Осторожней... — стонала она.

— Потерпи еще немного, — умолял ее солдат.

— Мама!.. Мамочка!..

— Ну, еще чуточку, осталось совсем мало, — повторял солдат.

— Труссы! Вы все — труссы! Вы удираете, словно зайцы!

— Мы не труссы, нет! Мы — герои. Ты не знаешь, как это трудно — отступать и оставаться героями. Нет, ты этого не поймешь.

Девушка устремила на него гаснущий взгляд.

— Все такое серое вокруг, — пожаловалась она. — Только небо синее.

Она умерла. Ее смертным ложем были две сильные руки, протянутые вперед.

Солдат бежал еще некоторое время. Потом он почувствовал: щека девушки, касавшаяся его шеи, похолодела. Он осторожно опустил труп на землю у самой дороги и долго стоял так, словно окаменев; потом снял шинель и накрыл умершую.

IV

Солдат отошел от воронки и снова тронулся в путь. Необычайная слабость овладела им. Хотелось повалиться навзничь на траву и бездумно глядеть в небо.

Через полчаса он уже шел вдоль берега.

Море шумело.

«Видно, я действительно никуда не гоюсь, — думал солдат, — война — войной, но ведь это — сама жизнь. Все жизненные законы обнажены до предела и очевидны, как никогда. Я столкнулся с ними лицом к лицу на войне и оказался бессильным: Я понял, что до сих пор еще не жил по-настоящему, а лишь учился, думал, мечтал и никогда не проверял на деле своих мыслей и знаний».

Волны с шумом разбивались о берег и, вскипая белой пеной, откатывались назад. Море словно силилось вскарабкаться на землю, и волны неотступно стремились к берегу.

«Она сказала: «Если бы ты подождал, я пошла бы за тобой, куда хочешь!» — думал солдат, — Но я не знал тогда, что делать... Я думал, думал, а потом оказалось, что уже поздно. Но было ли поздно на самом деле?»

Солдат все еще шел вдоль берега. Потом он свернул влево и стал подниматься на пригорок. По другую сторону пригорка, внизу, должны были его ждать товарищи.

Там никого не оказалось.

Земля под пригорком была вся перепахана бомбами:

Солдат сбежал по косогору и очутился возле траншей. Земляные укрепления кое-где осыпались. Над насыпью в одном месте торчал приклад. Солдат схватился за него и потянул к себе, но не смог сдвинуть с места. Тогда солдат рванул его изо всех сил.

Вместе с винтовкой показалась рука, судорожно вцепившаяся в ремень. Солдат отбросил винтовку в сторону. Торчащие из земли скрюченные пальцы сжались в кулак, словно грозя небу.

Серые тучи надвигались со всех сторон. Они как бы поглощали безбрежную синеву.

Солдат осторожно прикоснулся к торчащей из земли кисти; так осторожно, словно это была мина, готовая каждую минуту взорваться. Рука была холодна.

— Неужели все погибли? — вырвалось у солдата. Он стал вглядываться в дорогу, ведущую на север. Она была пустынна: «Может, они не дождались меня и ушли? Нет, невозможно!»

Вдруг откуда-то издалека донесся крик. Солдат замер, прислушиваясь. Зов повторился, но трудно было определить, с какой стороны он доносится.

— Э-ге-е-ей!

Солдат стал озираться вокруг, потом взбежал на пригорок — отсюда было видно море.

— Э-ге-е-ей!

На расстоянии сорока—пятидесяти метров от берега виднелась перевернутая лодка. Какой-то человек, вцепившись одной рукой в борт лодки, махал другой и кричал, что было сил, звал на помощь.

«Как эта лодка очутилась в море? — удивился солдат. — Я ведь уже проходил тут—и ничего не заметил... Хотя тогда я, кажется, и не смотрел на море... Ну, конечно, не смотрел».

— Помогите! — снова раздался крик, но руки уже не было видно.

Солдат устремился к морю.

Быстро скинув одежду, он разбросал ее тут же, на прибрежных камнях. Влажная моряна, словно простыня, прильнула к его телу. Кожа у него посинела и пошла пупырышками:

Солдат быстро добрался до опрокинутой лодки и окликнул незнакомца. На гимнастерке его были погоны старшины. Он говорил с трудом, тяжело переводя дыхание.

— Будь другом, помоги вытащить эту лодку на берег.

— Устал? — спросил солдат.

— Очень.

Солдат подплыл к корме и толкнул лодку. Суденышко вместе с повисшим на нем человеком продвинулось к берегу почти на полметра.

— Ты здорово плаваешь. Если бы и я так умел плавать, то давно уже добрался бы до берега.

— Ты кричал, потому что увидел меня?

— Нет.

— На что же ты надеялся?

— Я подумал — может, на берегу кто-нибудь есть, чтобы помочь мне...

Солдат снова подплыл к лодке и подтолкнул ее рукой, потом еще и еще раз. Лодка постепенно приближалась к берегу.

— Ох, и жутко было мне там, одному! Я и не думал, что выберусь.

— Много вас было в лодке?

— Двадцать человек.
— Двадцать?
— Да.
— В этой лодке?
— Она не так уж мала.
— И все погибли?
— Все. Бомба разорвалась совсем близко от нас, и лодка перевернулась. Я оказался самым лучшим пловцом, и мне удалось сбросить в воде шинель и сапоги. Кроме того, я все время держался за лодку.

— И правильно делал.

До берега оставалось всего около пятнадцати метров.

Глаза старшины, еле видные на посиневшем от холода лице, загорелись надеждой. Впрочем, нет, это не был мягкий свет надежды — зрачки его расширились и в них заплясали дикие огоньки; казалось, неудержимый и радостный победный клич рвется из их глубины.

— Можешь встать на ноги. Тут мелко — по грудь, — сказал солдат.

— Я спасен! Теперь я по-настоящему спасен! — вырвалось у старшины.

Солдат обошел лодку кругом и медленно стал вытаскивать ее на берег. Потом он помог выбраться старшине.

— Раздевайся, нужно выжать одежду! — сказал солдат.

— Сейчас. Только, пока она будет сохнуть, дай мне свою шинель, а то я заоченел.

— У меня нет шинели. Я ее потерял.

— Потерял? А я на нее надеялся!

Дрожа от холода, солдат быстро натягивал белье. Он бросил косой взгляд на старшину и удивленно спросил:

— Что ж, ты думал в море о моей шинели?

Старшина снял гимнастерку, брюки и трусы. Присев на корточки, он скрутил брюки жгутом, но не смог их выжать, — видно, совсем изнемог. Руки старшины опустились, и он умоляюще посмотрел на солдата.

Сунув ноги в сапоги, солдат двинулся к нему. Старшина с трудом распрямился.

— Если и стужу эту переживем, сам черт нам не брат! — сказал он.

— Не бойся, переживем! — обнадежил его солдат.

Выжав мокрую одежду, они разложили ее на камнях.

Солдат отдал старшине свою гимнастерку и предложил хлеба и консервированной колбасы. От еды старшину окончательно разморило, он растянулся на камнях и задремал. Минут пятнадцать он лежал, не двигаясь, но потом холод пробрал его, он вскочил и, пытаясь согреться, запрыгал на камнях.

— Чем так, без толку, скакать, давай-ка лучше перевернем лодку и вычерпаем из нее воду, — предложил он солдату.

— На что нам лодка?

— Чего ты удивился? Собираешься остаться тут?

— Конечно, нет, — ответил солдат. — Идем в город. Там наши.

— Дурень, пока мы доберемся до города, там наших не будет!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я своими глазами видел, что тут делалось.

— И я видел.

— Ничего ты не видел!

— Что же мне делать?

— Помоги мне управиться с лодкой.

С трудом удалось им перевернуть лодку. Потом они стали ^{най-}денной тут же, меж камней консервной банкой выливать из нее воду.

Старшина снял гимнастерку и протянул ее солдату.

— Оставь, твоя ведь еще не просохла! — сказал солдат.

— Сойдет и так... Нам нельзя больше задерживаться, — ответил старшина и стал натягивать на себя влажную одежду.

Солдата удивляло, что старшина так спешит.

— Смотри, не забудь винтовку, и консервную банку тоже прихвати с собой — пригодится! — распорядился старшина.

Присев возле лодки на корточки, он вставил весла в уключины. Потом, вывернув шею, через плечо посмотрел на солдата.

— Скорей!

Солдат взглянул на старшину и вдруг побледнел.

— Я не поеду! — сказал он упрямо.

— Что ты выдумал?

— Не поеду с тобой! — повторил солдат.

— Почему?

Море шумело:

Оно стонало и билось, как огромное живое тело. Оно уже не отличало прозрачной синевой. Тучи, нависшие над ним, изменили его цвет — оно потемнело.

Старшина поднялся, направился к солдату. Тот вскинул автомат.

— Не подходи! Убью! Я знаю тебя.

Старшина изменился в лице. Он стоял, как вкопанный, и глядел на солдата расширенными глазами. Так они несколько мгновений мерили друг друга взглядом.

Молчание нарушил старшина:

— Честное слово, я никогда тебя не видал...

— А я тебя вижу не в первый раз... Да и ты меня тоже!

Старшина долго всматривался в лицо солдата. Мысленно он пытался восстановить в памяти события прошедших дней; припоминал лица всех, кого ему доводилось встречать в своей жизни. Наконец, он вспомнил — не вспомнил, а скорее догадался, кем мог быть этот незнакомый солдат. Он улыбнулся и шагнул к нему.

— Убью! — снова крикнул солдат.

— Если так, почему ты не убил меня там, в ее комнате?

— Тогда она была еще жива.

— Я не убивал ее... Чего ты хочешь от меня?

«В самом деле, чего я хочу от этого человека? — мелькнуло в голове у солдата. — Что из того, что у тебя в руках оружие, что ты сильнее его? Если ты прав, убеди его в своей правоте. Правда легко находит путь к каждому, ее сразу угадывают... Ее незачем навязывать — ни оружием... ни кнутом...»

Солдат опустил автомат, повернулся и медленно зашагал вдоль берега. Старшина сначала глядел ему вслед, потом бросился догонять.

— Куда ты? — спросил он с улыбкой, хватая солдата за локоть и останавливая его.

Снова наступило молчание. Только море все так же шумело, металось и билось о берег, как живое.

— Ты устал и не сможешь один добраться до другого берега... Потому и цепляешься за меня, — сказал солдат, недоверчиво взглянув в лицо старшине.

— Я все равно доберусь туда, как бы ни устал, — ответил старшина.

Он пошел назад, к лодке, сжавшись и прижимая руки к груди.
С моря подул леденящий ветер.

Старшина, взявшись за нос лодки, снова с улыбкой обернулся к солдату:

— Мне все равно — поедешь ты со мной или нет.

Солдат задумался.

— Жаль мне тебя! — крикнул ему старшина. — Ты, видно, неплохой парень... трудно тебе будет одному... Давай забудем, что было!

Солдат шагнул к лодке..

V

Когда лодка отделилась от берега, старшина заметил на берегу облачко пыли.

— Смотри! Говорил я тебе, что они придут!

Солдат мерно ударял веслами по воде. Он не обратил внимания на слова старшины, так как смотрел в другую сторону — на портовый город. Солдату казалось, что, сидя здесь, в лодке, он совершает преступление.

— Смотри-ка, они на мотоциклах! — продолжал старшина.

Действительно, немцы подъехали на мотоциклах к самому морю; видно, они заметили лодку.

— Не дело это, солдату столько размышлять!

— Что ты сказал? — переспросил солдат.

— Узнаешь их?

Солдат стал глядеть на берег.

— Явились? — спросил он.

— Сейчас стрелять начнут..

В самом деле, с берега открыли огонь по лодке.

Над морем спускались сумерки. Море постепенно темнело.

Немцы упорно продолжали обстреливать лодку.

Не прекращал стрельбы и старшина. Вдруг он почувствовал, что лодка замедлила ход. Не слышно было больше ритмических всплесков весел. Испуганный, он оглянулся на солдата и увидел, что тот выпустил весла из рук и повалился набок. Глаза его были закрыты.

— Что с тобой? — окликнул его старшина.

Солдат не ответил. Он съежился. Grimаса боли исказила его лицо.

— Что с тобой?!

— Не знаю! — слабым голосом ответил солдат и весь скорчился от боли. Потом приподнялся, но, обессилев, повалился навзничь и растянулся на дне лодки.

С берега все еще стреляли. Одна пуля слегка поцарапала обшивку лодки.

Старшина, не раздумывая, отбросил автомат и сел на весла. Время от времени он с опаской поглядывал на берег, изо всех сил работая натруженными руками.

Солдат уставился широко открытыми глазами на старшину.

Лодку продолжали обстреливать.

— Устал? — еле слышно спросил солдат.

— С чего ты взял?

— Ты побледнел, все лицо у тебя в поту, — снова заговорил солдат.

— В самом деле, как душно стало!
— Напротив... дует холодный ветер, — запинаясь, выговорил солдат, — разве ты не чувствуешь?

— Нет.

— Наляг на правое весло, а то лодка вертится на месте.

— Подвинься, я лягу рядом с тобой, — сказал старшина.

— Ты ранен?

— Да, попали, проклятые. А ведь еще немного, и темнота скрывает бы нас...

Волны качали лодку.

Они лежали головами в разные стороны, тесно прижавшись друг к другу. Дул ветер, сырой и холодный, но они не чувствовали этого. Им было жарко.

— Да, это ты, — громко сказал солдат, — я не знаю, что ты думала, когда уходила... А я думаю о тебе... Мне кажется, будто моя голова лежит у тебя на коленях, как тогда твоя — на моих... Ты помнишь?

— С кем ты разговариваешь? — спросил старшина.

— Что?

— С кем ты разговариваешь?

— Ни с кем...

Мрак воцарился над морем. Ветер крепчал. Большая волна, ударившись о борт лодки, окатила лежавших в ней.

— Только этого не хватало, — пробормотал старшина.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил солдат.

— Немножко полегчало. Я зажал рану рукой: хочу остановить кровь.

— Куда тебя ранило?

— В плечо.

— И меня в плечо.

— Что с нами будет? Хоть бы ветер утих! — проговорил старшина.

Солдату хотелось сказать, что его беспокоит рана, но старшина не спрашивал, и он промолчал. Ему хотелось сказать еще, что он лежит в луже собственной крови и не может пошевелинуть рукой. Но и этого он не стал говорить.

Огромные волны швыряли лодку, словно щепку, и каждый раз окатывали их целым дождем брызг, а иногда и захлестывали с головой. Они наполовину лежали в воде.

— До чужой судьбы никому нет дела, — заговорил солдат, — только ты, хорошая моя...

— С кем ты разговариваешь? — спросил старшина.

— Так, сам с собой...

— Море словно взбесилось. Если будет так продолжаться, лодка перевернется.

Солдат молчал. Старшина беспокойно задвигался, попробовал приподняться. Потом стал шарить здоровой рукой в воде.

— Что ты ищешь? — спросил его солдат.

— Банку. Я хочу вычерпать воду из лодки.

— Воду?

— Ну да. Чему ты удивился?

— Банка под боком, но я не могу взять ее.

Старшина согнул ногу в колене и попытался просунуть ее под солдата.

— Ой! — вскрикнул солдат. Лицо его искривилось от боли.

— Я хочу достать банку, приподнимись немножко, если можешь.

Солдат тщетно силился подняться:

Старшина снова пошарил под ним.

Ветер бушевал. Волны вставали на дыбы и глухим рокотом вторили его завыванию. Море швыряло лодку с гребня на гребень, словно скорлупку.

Старшина завладел, наконец, консервной банкой. Кривясь и морщась, зачерпывал он воду и выливал в море.

Каждое движение причиняло ему боль, настолько нестерпимую, что раз он уже даже подумал: «лучше смерть, чем такие мучения», но тотчас отбросил эту кощунственную мысль и снова принялся за работу.

Немного погодя, совершенно измученный старшина привалился к борту. Он тяжело дышал.

— Как она качается! Мне все время хочется спать, — проговорил солдат.

— Спи... Кто тебе мешает? — помолчав, ответил старшина.

— Боюсь... Что, если не проснусь?..

— А ты не бойся.

— Я не хочу умереть во сне. Я хочу думать перед смертью.

— О чем же ты станешь думать? — спросил старшина чуть насмешливо.

— О жизни.

Старшине хотелось запустить за эти слова в солдата консервной банкой, но он не решился—из страха, что банка может случайно упасть за борт. Ему казалось, что солдат говорит неискренне и фальшиво. В другое время он, может, и не стал бы обращать на это внимания; но сейчас его прямо-таки тошнило от высокопарных речей солдата.

— Лодка колышется, словно колыбель, — продолжал солдат, — а мы с тобой, как близнецы, лежим в одной люльке...

Огромный вал накрыл лодку и заставил солдата замолчать. Лодка сильно накренилась, и старшина подумал, что сейчас она перевернется. Но лодка не опрокинулась. Старшина вымок с головы до ног, и рана его стала гореть.

— Я слышал, что раньше раны присыпали солью, — сказал он, — может, морская вода пойдет нам на пользу.

Солдат молчал. Старшина почувствовал страх, поднял голову и посмотрел на него. Но было темно, и ему ничего не удалось разглядеть.

— Почему ты молчишь? — спросил он с тревогой.

— Умираю!..

Ветер подхватил это слово и помчал его на крыльях; словно плоский камушек, брошенный рукой ребенка, скользнуло оно по поверхности волн и затерялось вдали.

— Что ты сказал? Повтори, что ты сказал? — спрашивал старшина.

Солдат молчал.

Рука старшины, крепко сжимавшая консервную банку, снова работала.

Ветер гнал лодку вперед, и вскоре течение вынесло ее из пролива в открытое море. А раненым казалось, что волны все еще кружат лодку на одном и том же месте.

Воды в лодке становилось все меньше.

Луна, выглянув из-за туч, залила поверхность моря своим бледным светом. Ночная тьма чуть поредела.

Старшина стал искать взглядом линию берега. Напрасно! Всюду,

куда хватал глаз, была вода, вздыбившаяся, разъяренная, местами посеребренная луной. Блики непрерывно перемещались, металась с волны на волну, исчезали и снова появлялись.

Лунный луч скользнул по лицу солдата, но он не глядел на луну. Глаза солдата были закрыты, он тяжело дышал. Несколько раз он открывал рот, словно собираясь что-то сказать, но, так ничего и не сказав, снова крепко сжимал губы.

А старшина все вычерпывал воду. Жестянка уже скребла по дну лодки.

От боли и от напряжения старшина прикусил губу. Из раны потекла кровь, но старшина, напрягая последние силы, продолжал работать. С каждым разом жестянка становилась все тяжелей, словно не вода, а расплавленный свинец наполнял ее. Под конец банка выскользнула из рук старшины, он попытался поймать ее, но одеревенелые пальцы больше не подчинялись ему...

— Если мы спасемся, это будет чудо... — простонал он.

— Если ты спасешься, — прерывисто, с трудом начал солдат, — что ты будешь делать? Воевать?

— Что ты сказал?

— Ты будешь воевать?

— Какой смысл воевать, когда враг так силен?

— Они не смогут победить!

— А мы?

— Мы — непременно!

— Когда?

— Не знаю когда, но мы непременно победим!

— Ты говоришь со мной так, словно в этой лодке есть еще кто-нибудь! — после долгого молчания проговорил старшина.

Волна встряхнула лодку, и ответные слова замерли на губах солдата. Но он открыл глаза и взглянул на товарища.

При лунном свете отчетливо виднелось бледное лицо старшины и темные пятна в углах его рта. Но солдат не знал, что это запекшаяся кровь.

— Если б зло могло победить, мир давно бы погиб, — сказал он.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое.

— Если я выживу, то буду сражаться. Жажда мести не даст мне покоя. Я должен отомстить за все... за незасыпанные могилы... — голос у солдата прервался, он почти прохрипел последние слова.

Старшина не понял, о каких незасыпанных могилах шла речь. Но он не стал спрашивать. Он принял слова солдата за бред.

Снова огромный вал подхватил лодку, взметнул ее ввысь и швырнул в бездну. Вторая волна обрушилась на нее при падении. Страшный толчок встряхнул лодку, вопль боли и ужаса вырвался из груди раненых. Это был крик обреченных.

Лодка не опрокинулась. Старшина решил, что произошло чудо. Но могли ли они себя считать спасенными, если лодка до половины наполнилась водой?

Солдату было приятно лежать в воде. Теперь она казалась ему теплой. И ему приятно было, что рану пощипывает. В детстве, когда ему случалось порезать палец или расцарапать колено, ранку обычно смазывали йодом. Эта темная жидкость вызывала в нем страх и в то же время доставляла какое-то непонятное наслаждение. Так было и сейчас.

Старшина молчал. Он все думал, как быть с водой, залившей

лодку. Еще один удар, и лодка перевернется или наполнится до краев. Старшина долго пытался нащупать ногой жестянку, но не смог. Наверное, ее выкинуло за борт.

Отчаяние овладело старшиной, но не надолго. Обессиленной рукой схватился он за сапог солдата и слабо потянул к себе.

— Чего тебе? — спросил солдат.

— Сними сапог. Я буду вычерпывать им воду.

«Этот не погибнет», — подумал солдат. Потом с огромным трудом приподнял левую ногу и подставил под пятку носок правого сапога. После долгих мучений старшине удалось стянуть сапог с ноги.

Солдат уже весь лежал в воде, одна только голова виднелась над поверхностью.

— Я лежу в воде и снова думаю о тебе. Не знаю, почему я о тебе думаю. Может, потому, что я пожалел тебя?.. Но это была не жалость, это было что-то большее, чем жалость. Я тебя по-настоящему...

— С кем ты разговариваешь?

— Что?

— Я знаю, с кем ты разговариваешь.

— Может быть.

— Эх, тогда я не знал... *знал да и тогда*

Ветер разогнал тучи, и вокруг луны маленькими светящимися цветочками распустились звезды. Лодку по-прежнему качало, хотя и не так сильно, как прежде. И волны уже не были такими грозными и враждебными.

Старшина заметил это и сказал солдату.

Солдат безучастно улыбнулся.

Море все еще глухо бормотало.

Сапог был полон воды. Старшина попытался вылить ее за борт, но это оказалось не так-то легко. Он не мог помочь себе второй рукой, а голенище гнулось, выскользывало из рук, и вода лилась из сапога обратно в лодку.

— Хоть бы дожить до рассвета! — вслух подумал солдат.

«До рассвета, — повторил про себя старшина. — Он хочет дожить до рассвета.. Чудной парень! Главное — остаться живым... А если нет... Не все ли равно, когда ты умрешь, — на рассвете или в полночь?..».

Внезапно громкий вопль заставил его содрогнуться. Сначала старшина не сообразил, откуда донесся этот вопль, но потом понял — это кричал солдат. Сердце у старшины сжалось от страха. Он глядел на солдата расширенными глазами, напрягая слух и пытаясь различить в этом крике слова, мысль, силясь понять, что же мучило солдата.

Вскоре он убедился, что это не крик, а песня. Солдат пел. Впрочем, это все же был крик, отзвук боли — глухой и бесформенный. Но старшина уловил в нем что-то вроде мелодии.

Солдат на самом деле пел. И песня эта постепенно заглушила вой ветра и рокот моря.

Потрясенный, слушал ее старшина, напряженно ловил он обрывки слов и, наконец, стал понимать, о чем поется в песне.

Солдат пел о незасыпанных могилах, об умершей девушке, смертным ложем которой были две его руки..:

Он пел о сжатой в кулак мертвой руке, высунувшейся из-под земли, пел о море, бесследно поглощавшем людей...

Он пел о мести.

Старшина понял, что слова песни рождаются в душе солдата в эту минуту. Он чувствовал, как эта песня наполняет все его существо.

Да, один сосуд наполнялся, а другой — уже почти опустел...

Голос солдата стал надтреснутым, хриплым. Вой ветра и рокот моря теперь уже заглушали его. Ветер рвал песню на клочья. Песня трепетала, как флаг на ветру, разворачивалась и опадала, трещала и рвалась. Ветер подхватывал обрывки и уносил их вдаль.

Старшина слушал в изумлении. Он видел невидимое, слышал неслыханное, неведомое открывалось ему...

Солдат все еще пел. Но теперь это была не песня, а только хрип. Голоса не осталось больше в его горле — голос иссяк..

Старшина забыл о том, что из лодки нужно вычерпывать воду, о том, что он лежит в воде. Забыл он и о сапоге, который снял с солдата. Одна лишь мысль пронизывала его — как-нибудь продлить жизнь солдату. Ему казалось, что он ответственен за эту жизнь, за судьбу этого человека и непременно должен что-то придумать, как-то его спасти.

И старшина снова стал вычерпывать воду из лодки. Теперь работа уже не казалась такой трудной.

Солдат лежал неподвижно. В памяти смутно всплывали прожитые дни. Возникали и снова гасли...

— Я ухожу, мама! — прошептал солдат.

Мальчиком, отправляясь куда-нибудь из дому, он всегда говорил матери: «Я ухожу». Мать спрашивала его: «Когда ты вернешься?» И он отвечал ей: «Скоро!».

Но теперь никто ни о чем не спросил солдата, и он не сказал, когда вернется. Он просто ушел — тихо и безропотно. Так, словно собирался скоро вернуться. И только два слова успел выговорить перед смертью:

— Миндаль цветет...

Кто знает, что представлялось ему при этом? Быть может, весна, шествующая с ласковой улыбкой по оттаявшим полям и садам, по рощам и склонам, окутывая по пути белым пламенем миндальные деревья?..

* * *

Над морем занимался рассвет.

Лодка покачивалась на волнах. В ней больше не было воды.

Двое лежали в лодке. Один был ранен, а другой..

Старшина приподнялся — он и сам не знал, зачем. Преодолевая боль, он встал на колени.

Вдали виднелась земля. Волны стремились к берегу.

Так, стоя на коленях, встретил он утро, просиявшее, словно надежда.

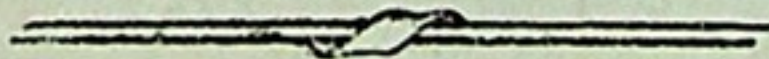
Этот свет залил все его существо; так же, как чернота ночи над морем, рассеивался мрак в его душе.

— Почему он не дожид до рассвета! — воскликнул старшина, и слезы застлали ему глаза.

Он устремил помутневший взгляд на мертвого товарища.

Лицо солдата постепенно озарялось утренним светом.

— Я отомщу за незасыпанные могилы! — торжественно, словно произнося молитву, прошептал старшина.

Борис Техов

Два колоса

РАССКАЗ

Перевод с осетинского Е. Шляковой

В 1943 году на фронте погиб молодой осетинский писатель Борис Техов. Талантливый прозаик, поэт и драматург, он в свои 23 года сделал довольно много, оставив заметный след в осетинской литературе. С творчеством Б. Техова русский читатель не знаком — рассказы и стихи его еще ждут своего переводчика.

Мы печатаем один из рассказов Бориса Техова, показывающий жизнь осетинского крестьянина до революции.

Пасмурное осеннее утро. Тучи обволакивают горный хребет и медленно сползают в ущелье. Там, в складке горы, приютилось убогое осетинское селение. Крошечные, крытые соломой домишки, прижавшись друг к другу, лепятся к гранитным глыбам. Все лачуги одинаково ветхи: солома на крышах сгнила, глина местами обвалилась, обнажив камни. В дверях виднеется утварь горца-бедняка: деревянные кадушки, блюда, ведра, корыта, чашки...

В это утро деревня оживлена, как никогда, — крестьяне спешат на уборку своих клочков земли, засеянных ячменем. Боятся, что выпадет снег и урожай погибнет.

Вот открылась дверь в домике Бибо. Потирая рукой впалые темные щеки, старик разыскал моток веревки, внимательно осмотрел ее, привязал к поясу, снял со стены серп и позвал своего сынишку Таймураза.

Таймураз подошел к отцу, на ходу заправляя в брюки драную серую рубашку. Потом они молча зашагали по улочке. Жена Бибо глядела им вслед, и, когда муж и сын скрылись за домами, вернулась к очагу.

Бибо и Таймураз торопились к своему участку. Бибо печально смотрел на извилистую тропинку, Таймураз шел осторожно, стараясь не ступать босыми ногами на острые камни, а ушибаясь, морщился, тер ушибленное место рукой и спешил за отцом.

Вот они добрались и до горы, на крутом, почти отвесном склоне которой тянулась узенькая полосочка ячменя. Цепляясь руками за камни, они стали карабкаться вверх, помогая друг другу и останавливаясь, чтобы перевести дух.

Наконец, Бибо с сыном взобрались на гребень горы. Поле находи-

лось чуть левее и ниже. Жать ячмень было опасно — одно неловкое движение — сорвешься в бездонную пропасть, и тело твое склюют вороны.

Бибо взял веревку, набросил петлю на острие скалы, а другим концом перевязал себя вокруг пояса. Может быть, кто-нибудь другой и не стал бы так остерегаться. Но, как говорит пословица, бедному человеку надо бояться всего. Что только не случается на работе! А Бибо уже совсем ослаб, постарел. От его когда-то могучей фигуры остались только кожа да кости, и ноги теперь подгибаются при ходьбе.

Бибо начал жать, медленно спускаясь по крутому склону. Таймураз остался наверху и принялся рвать колосья ячменя своими худенькими детскими руками — второго серпа у них не было.

Бибо работал молча, мрачно насупив брови. Он скоро устал: ячмень уродился низкий и приходилось сгибаться до самой земли. Бибо распрямился и схватился за поясницу. С лица, изборожденного глубокими морщинами, капал пот. Дрожащие руки еле удерживали серп.

Когда была сжата половина участка, Бибо заткнул серп за пояс, поднялся на гребень горы, отвязал веревку и, тяжело вздохнув, посмотрел на Таймураза: «Теперь твой черед...»

Таймураз тоже обвязал себя и стал осторожно спускаться. Какой из него жнец! Ни опыта, ни сноровки. Но он с радостью принялся за дело: все же это легче, чем рвать колосья руками.

Бибо наблюдал за мальчиком. «Не порежь руку!» — предупредил он, прилег на холодную, влажную землю и вскоре заснул. Во сне вскрикнул:

— Осторожно! Ты поранил себя!

Таймураз посмотрел снизу на отца, улыбнулся и еще усерднее замахал серпом. Он трудился изо всех сил, не замечая, что веревочная петля соскользнула с камня. Движения Таймураза постепенно стали увереннее.

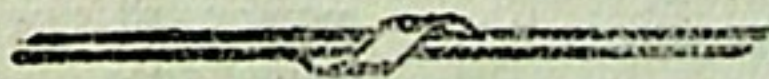
Он заметил, что на самом краю обрыва, около большого камня, из расщелины высоко поднялись два больших золотистых колоса.

Мальчик продолжал жать, но два тучных колоса все стояли у него перед глазами. Нет, он не мог оставить такие крупные спелые зерна! Отложив серп, Таймураз лег на живот и пополз к расщелине. Держась одной рукой за бугорок, он тянулся к колосьям. Ветерок колыхал их, то приближая к руке мальчика, то отдаляя. Еще немного, и он схватит колосья...

Бибо проснулся. Прищурив глаза, посмотрел на поле — Таймураза не было! Старик поднялся на ноги и закричал громко, протяжно. Ему никто не ответил. Только в ущелье отозвалось эхо.

Бибо ухватился за скалу, посмотрел вниз и заметил на камнях пятна крови... Сердце его похолодело... Руки разжались...

Никого не видно больше на гребне горы: ни крестьянина Бибо, ни его единственного сына Таймураза, а два тучных ячменных колоса все так же покачиваются от ветерка у небольшого мшистого камня.

Выдающийся грузинский ученый

(К 80-летию академика К. Кекелидзе)

В этом году грузинская общественность отметила 80-летие со дня рождения выдающегося советского ученого, действительного члена Академии наук Грузинской ССР профессора Корнелия Самсоновича Кекелидзе.

Полувековой путь К. С. Кекелидзе в науке — это путь неустанных творческих исканий, путь большого вдохновенного труда.

Велики заслуги К. С. Кекелидзе в области изучения древней грузинской литературы. Уже первая его работа по этому вопросу вызвала глубокий интерес известных ученых. В 1910—1912 гг., будучи еще совсем молодым исследователем, он обнаружил литературные памятники, имеющие мировое значение, определил их место и дал им всестороннее научное освещение. Тщательно исследуя малоизвестные и вовсе неизвестные памятники древней грузинской литературы, ученый делает их доступными и для широкого читателя. В комментариях к ним и в основополагающих научных исследованиях он ставит и разрешает кардинальные проблемы древней грузинской литературы.

В начале своей деятельности К. С. Кекелидзе занимался изучением грузинской духовной литературы. В дальнейшем он обращается к светской литературе классического периода, а также к грузинскому словесному искусству XV—XVIII веков.

Свои многолетние исследования ученый подытожил в двухтомном капитальном труде «История древней грузинской литературы», где он впервые систематизировал огромный материал по истории грузинской литера-

туры с древнейшего периода по XIX век. Здесь со всей ясностью выявилась широта научного аналитического мышления К. С. Кекелидзе.

Анализируя те или иные литературные процессы, К. С. Кекелидзе не отрывает их от действительности и рассматривает литературу как отображение жизни народа во всем ее многообразии.

«Грузинская литература, — пишет он, — имеет если не более, то, во всяком случае, шестнадцативековую историю. Литературные памятники у нас имеются уже с пятого века, в этом отношении наша литература является одной из древнейших литератур в мире. Велико и неизмеримо с точки зрения науки значение этой литературы, в ней запечатлены перипетии культурно-исторической жизни грузинской нации. В ее памятниках как оригинальных, так и переводных выявлена творческая потенция грузинского народа».

«История древней грузинской литературы» вызвала широкий отклик не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Труд маститого грузинского ученого всюду был оценен как огромный вклад в литературоведение.

Не так давно К. С. Кекелидзе написал первый том из шеститомной «Истории грузинской литературы», который готовится к изданию Институтом грузинской литературы имени Ш. Руставели.

Ценность изысканий академика К. С. Кекелидзе велика еще и по-

тому, что обнаруженные им памятники в ряде случаев тесно связаны с памятниками литературы других народов. Так, например, оригиналы многих византийских литературных памятников не сохранились на родном языке, и их можно восстановить только по грузинским переводам, содержащимся в древнегрузинских хрониках и различных литературных документах.

К. С. Кекелидзе — блестящий текстолог. Опубликованные им тексты памятников литературы и истории воспроизведены с исключительной тщательностью, а комментарии отличаются точностью и богатством историко-литературных сведений, большой научной глубиной.

Классические памятники грузинской литературы ученый публикует и на русском языке («История и восхваление венценосцев», «Агиографические памятники древней грузинской литературы» и др.) В 1939 году на русском языке был издан его «Конспективный курс древней грузинской литературы».

Труды К. С. Кекелидзе хорошо известны ориенталистам Европы и Америки. Еще в 1912 году в Лондоне на английском языке был издан один из его научных трудов в переводе Конибери и О. Уордроп, а в 1928 году это же исследование грузинского ученого выходит в Лейпциге на немецком языке.

С «Историей древней грузинской литературы» европейских исследователей ознакомил американский ученый, профессор Гарвардского университета Роберт Блейк, опубликовавший о ней серию специальных статей в английском научном журнале. Аналогичную работу проделал на французском и латинском языках известный бельгийский грузинолог П. Пеетерс. «Выдающийся научный труд К. С. Кекелидзе мог быть выполнен только в условиях возрожденной и свободной Грузии», — отмечал П. Пее-

терс в статье об «Истории древней грузинской литературы».

В 1955 году первый том «Истории древней грузинской литературы» с небольшими сокращениями был опубликован в Риме на немецком языке, в переводе М. Тархншвили и И. Асфальга.

Будучи одним из основоположников научного изучения древней грузинской литературы, Корнелий Самсонович является, кроме того, автором ряда ценных изысканий в новой грузинской литературе, в истории Грузии, в грузинском языке, в экономике, праве, фольклоре.

К. С. Кекелидзе — один из основателей Тбилисского университета. На протяжении многих лет он беспрерывно заведует кафедрой древней грузинской литературы в Тбилисском Государственном университете имени И. В. Сталина и отделом древней грузинской литературы в Институте литературы имени Ш. Руставели.

Советское правительство высоко оценило научные и общественные заслуги К. С. Кекелидзе, наградив его орденами Ленина и Трудового Красного Знамени и другими правительственными наградами.

Свой 80-летний юбилей ученый встретил еще одним открытием, вызвавшим огромный интерес в научных кругах. Им найдены сочинения на грузинском языке одного из выдающихся представителей средневековой греческой литературы и философской мысли Эварга Понтийского (341—399) и доказано его грузинское происхождение.

Неопровержимая научная аргументация, глубина аналитического мышления К. С. Кекелидзе заслужили ему мировое имя в филологической науке и горячую любовь соотечественников. Пожелаем же выдающемуся ученому новых успехов в его плодотворной и многогранной научной деятельности.

Л. Кала ндадзе

О новых произведениях грузинской прозы

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

В своей статье мне хочется остановить внимание на нескольких образцах грузинской прозы последних лет, точнее, на тех проблемах, которые встают в связи с ними.

Относительно этих произведений было сказано немало. Но, думается, будет полезным продолжить обсуждение, с тем, чтобы осветить их полнее, с различных точек зрения. Каждое исследование, в котором освещается богатый опыт литературного искусства прошлого, приносит пользу дальнейшему развитию нашей литературы. Но наша критическая мысль оказалась бы замороженной на одном месте или, в крайнем случае, вращалась бы в заколдованном кругу, если бы она оторвалась от живого литературного процесса и не приняла участия в его формировании и направлении.

Говорят, что сегодня в грузинской прозе наметились особый интерес и стремление к изучению и отображению внутреннего мира человека нашего времени, моральных основ его характера. По-моему, это правильное наблюдение. Разумеется, нравственная сущность человека никогда не была «периферийным» предметом изображения в литературе. Эта проблема всегда «мучила» творческое воображение писателей, всегда лежала в основе каждого литературного произведения. Но речь идет об особенном, подчеркнутом, усиленном внимании, и в этом, безусловно, сказывается определенная закономерность, отклик на назревшие задачи нашей общественной жизни.

Наше общество уже прошло период

глубочайших структурных изменений, когда на первый план были выдвинуты противоположные, но все еще не расчлененные в себе крупные формы общественной психологии, когда главным мерилом добра и зла являлись резко противопоставленные человеческие отношения и столкновения.

В современной действительности же вся сущность общественного бытия, задачи формирования нового человека (что связано с изменением и обновлением всех старых взглядов, представлений, чувств и инстинктов) дают литературе такое направление, при котором объектом художественного анализа являются и тончайшие движения человеческого характера.

Этот «подземный толчок», обративший литературу к глубинам человеческой души, с большей или меньшей силой чувствуется почти во всех значительных произведениях грузинской прозы. К тому же, как видно, художественная мысль более органически связывается с одним из значительных процессов духовного развития нашего общества, с процессом сближения, слияния воедино добра и прекрасного.

За подлинный клад!

Новое произведение Демна Шенгелая «Клад» во многих отношениях заслуживает внимания. В нем есть много такого, что дает основание начать большой разговор о наших идейно-эстетических отношениях к действительности.

Весь сюжет произведения построен на чистой случайности или, как говорят

в таких случаях, фабула произведения основана на неожиданном случае. Этот художественный прием — построение сюжета на случайности — нов для Демна Шенгелая, поскольку он в своем творчестве следовал, главным образом, за естественным движением и развитием характеров. Его сюжеты обычно подчинены характерам героев, содержание его произведений и обстоятельства, при которых развиваются действия, складываются из взаимоотношений различных характеров. В этом легко убедиться, если вспомнить художественное построение таких повестей, как «Бата Кекия», «Вдохновение», «Алый цветок» или хотя бы раннее произведение писателя «Санавардо».

Построение «Клада» отлично от них. Простой грузинский труженик, честный колхозник Саулия во время работы на чайной плантации случайно нашел зарытый в землю клад — кувшин, полный золотых монет. Эта находка резко изменила судьбу Саулии. Он встал перед суровым нравственным испытанием, которое переросло в тяжелую драму.

Как уже было сказано, здесь мы имеем дело с чистой случайностью, ибо находка денег в земле не имеет прямой причинной связи ни с существующими общественными взаимоотношениями, ни с целеустремленными действиями и поступками самого персонажа. Таким образом, история, рассказанная в повести, не является типичной — подобные случаи происходят чрезвычайно редко.

Но если случайными считать причинно обусловленные явления, возникновение которых всегда возможно, но не всегда необходимо, то можно говорить об их типичности. Например, в рассказе Михаила Шолохова «Судьба человека» немало случайностей: пленение Соколова, гибель его семьи, встреча с мальчиком-сиротой и т. д. Но все эти случайности типичны, так как в годы войны действительность была полна такими случайностями и неожиданностями. Не лишена типичности, скажем, и история поимки большой рыбы в рассказе Хемингуэя «Старик и море», ведь каждый рыбак может встретить и поймать большую рыбу. То же самое и в «Жемчужине» Стейнбека — скорпион, укусивший мальчика, находка жемчужины Кино — ведь всегда возможно, что в бедняцкой хижине поселятся скорпионы, что искатель жемчуга найдет большую жемчужину. По существу, все это именно те единичные явления, которые Гегель считал проявлением общего в художественном творчестве.

Такие единичные явления несомненно содержат типические черты жизни природы и общества. Но находка зарытого в земле клада с золотыми монетами сама

по себе не содержит какого-либо существенного признака типичности.

Такое явление так же, как, например, падение метеора с неба, может нас лишь напугать или удивить, вдохновить или привести в растерянность своей неожиданностью и необычностью. В частности, случай с найденным золотом является таким элементом художественной формы повести Д. Шенгелая «Клад», который привлечен только лишь для испытания нравственной силы действующего лица. Как мы уже сказали, этот элемент формы не содержит признаков типичности, но этот художественный прием нельзя считать чуждым для художественного творчества вообще. Подобные приемы довольно часто и успешно использовались во многих произведениях прошлого. Сама сущность художественного творчества подразумевает глубокую индивидуализацию изображаемых предметов, возможность передавать определенные эстетические отношения к действительности совершенно различными, неповторимыми средствами и приемами, постичь существенные признаки действительности и создать типические образы. Таким образом, главное заключается в том, как именно превращает писатель художественную форму, найденную его творческой фантазией, в средство художественного постижения жизни, как овладел он материалом жизни, и насколько правдива, убедительна и привлекательна картина, которую он рисует.

Всякое ограничение и канонизация художественных средств является по существу попыткой ограничения творчества, ибо оно и заключается в постоянных поисках и находках новых форм. А неиссякаемым источником новых художественных форм является, с одной стороны, бесконечное разнообразие и поступательное развитие самой действительности, а с другой — неисчислимая множественность индивидуальных комплексов эстетического отношения к действительности. К этому добавляется и наследие длительного исторического развития творческой мысли человечества, в виде традиционных художественных средств. Даже сказка, как определенная художественная форма, сохраняет до сегодняшнего дня способность выражать (с соответствующими историческими изменениями) эстетическое отношение к действительности. Молитвы, заклинания, проповеди — все это как будто должно было навеки уйти в прошлое вместе с «первоосновой», породившей их, — миром религиозных представлений. Но даже если не говорить о блестящих образцах использования этих форм в художественном творчестве, достаточно вспомнить о том, сколько силы и взволнованности

внесли эти формы даже в такую область, как политико-публицистическое мышление (клятва у гроба В. И. Ленина, благословение войск, уходящих на фронты Великой Отечественной войны, и т. д.).

Все сказанное понадобилось для обоснования того, что случайность, составляющая сюжетный стержень «Клада», является вполне правомерным художественным приемом. Рассмотрим теперь, как использовал писатель этот прием для раскрытия правды социального характера своего героя.

Писатель знакомит нас со своими персонажами на фоне скупых, но ярко выполненных картин колхидской природы. Вернее сказать — пейзажные картины вписаны в трудовые будни и переживания героев. Художественное мастерство Д. Шенгелая очень зрелое и тонкое. Слова в его произведениях приобретают особую красочность, особый аромат. Саулия мотыжит свой участок и в процессе его работы перед нами постепенно раскрывается картина окружающей его природы. До нас даже как будто доходит сырой запах взмотыженных земляных пластов. Тут же, недалеко, собирает с флешей чай его молодая стройная жена Фунду. Мы воочию видим, как под ее руками кудрявятся чайные кусты. Ниже раскинулись необозримые кукурузные поля, долины и болотистые низины Палеостоми. Еще дальше виднеется блестящий и переливающийся Риони. Поля усыпаны работающими колхозниками, повязавшими головы платками и дружно поющими трудовую песню «Одойя». Этот напев сливается с гудящим зноем. Все это словно написано сочными красками самой Колхиды.

Саулия трудится с радостью и надеждой. Но вечером его, словно злой рок, подстерег неожиданный случай. Саулия наткнулся на зарытый в землю возле развалин кувшин, полный золотых монет. Весь этот эпизод читается с напряжением, характерным для произведений Д. Шенгелая. Он полон трагической, вселяющей ужас символики, и даже несколько мистических деталей. Когда Саулия ударил мотыгой, чтобы сравнять края расселины, из ямы до него донесся глухой гул. Это был как будто вещающий горе голос сил тьмы. Зачернела земля, «словно яма угрожающе блеснула на него черными глазами».

Саулия стал выбрасывать сырую землю из ямы, «и словно вместе с землей выгребал из ямы темноту... В расселине постепенно светлело и потом что-то неожиданно заблестело холодным, безжизненным желтым светом». Потом, когда Саулия начал шарить рукой в яме, там что-то ужасно зашипело, и «из

ямы показался шипящий раздвоенный язык майской змеи, запоздало проснувшейся от зимней спячки».

Представьте себе глухое, пустынное место, освещенное безжизненным, холодным светом луны, и одинокого человека, который с ужасом взирает на появившуюся из тьмы красную змею, похожую на нанизанные бусы, которая покачивается из стороны в сторону своей плоской приплюснутой головой, как каким-то нечистым отвратительным плодом. Эта леденящая душу картина является как бы своеобразной эстетической оценкой и характеристикой тех темных инстинктов жадности и частнособственничества, которые пробудил в душе Саулии случайно найденный клад.

Саулия не выдержал испытания. При первом же прикосновении к золоту нарушилась нравственная гармония его души. Он пытается присвоить себе клад, утаить его от всех; даже своей любимой жене он открывает тайну только после длительных колебаний и размышлений. Но когда он почувствовал опасность разоблачения со стороны жены, он бросается на беременную женщину и, озверев, ударяет ее ногой в живот. Как мы знаем, именно это и привело к гибели Фунду. Таким образом писатель убеждает нас, что «кровавое темное прошлое и зло ушедших времен с жадностью, корыстью и бесчестием словно протянули свою лапу и схватили его когтями за горло», лишили его воли, погасили в нем стремление к труду, затемнили самое нежное и дорогое — любовь. Одним словом, «посох дьявольского корня — золото — деет много зла!». Ведь это сказал еще Шота Руставели, замечательно раскрыв душу любителей золота:

Никогда отрады злато златолюбцу
не дает;
Лишь со скрежетом зубовым в землю
алчущий сойдет,
Злато входит и уходит, все не
сходится расчет;
Жадность к миру дух привяжет,
отвлекая от высот.

Разумеется, Руставели сказал это о любителях злата совершенно других времен и другой духовной конституции. Но золото ведь сковало и душу Саулии, остановило его душевный взлет. В чем дело? Насколько убеждает нас Саулия в своих поступках? Содержат ли эти поступки социальную правду характера нашего современника? Почему проснулись в душе Саулии такая жадность и непреодолимая жажда обогащения? Может быть, таковы все люди всех времен? Стало быть, жадность, стяжательство, эгоизм, корыстолюбие и зависть являются извечными качествами человеческой души, и никакая сила, ника-

ной социальный прогресс не сумеют искоренить их в психологии людей? Вот вопросы, которые, естественно зарождаются, когда мы читаем описание судьбы Саули.

Великий русский писатель Достоевский в свое время думал, «...что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари-социалисты», что поэтому, по его мнению, ни один человек не может быть судьей грешника и преступника, ибо «...Законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределены и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных... сам судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будет нелепостью, если сам он, держа в руках меру и весы не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу — к милосердию и любви».

Таким образом, с этой точки зрения объяснение и оправдание всякого зла и несправедливости заключено в греховой натуре самого человека. Поэтому люди должны смириться со всяким злом и несправедливостью и, подобно Алеше Карамазову, обратиться к любви и всепрощению, довериться внутренним имманентным законам своей грешной души.

Достоевский глазом гениального художника увидел в русской действительности своего времени много зла, много духовной порочности, которые были порождены вековой социальной несправедливостью и внедрены в человеческую психологию. Великий художник отобразил эту психологию в своих произведениях с огромной силой. Но духовные пороки, которые были так сильны в обществе того времени, писатель принял за извечно присущие людям всех времен и всех классов, признал их имманентными законами человеческой души. Это было выражением ограниченности и противоречивости мировоззрения большого художника.

Человек сам по себе, вне общественных связей и взаимоотношений, не может быть ни добрым, ни злым: я могу быть хорошим или дурным, благородным или низким, завистливым или щедрым только в связях и взаимоотношениях с другими людьми, предметами или явлениями. Таким образом моя человеческая сущность определяется моими отношениями с обществом, миром, предметами и явлениями. Человек, как существо общественное, представляет собой сложную сеть этих бесчисленных переплетений и взаимосвязей.

Но мое отношение к предмету опреде-

ляется не только тем, каков я в данном случае, но и тем, каков объект моего отношения. В конечном счете характер всех человеческих отношений зависит от строя той страны, того общества, в котором живет человек. Каждый человек является сыном своей эпохи и своего социального круга. Всем своим духовным строем он представляет собой плод тех связей и взаимоотношений, которые характерны для данной эпохи. Человеческая личность, психология развиваются и изменяются в зависимости от изменения и развития общества. Это, разумеется, не означает того, что человек в изменившемся, обновленном обществе не сохраняет в течение более или менее длительного времени целого ряда свойств и качеств, переходящих по наследству от предыдущих поколений.

Достаточно внимательно вдуматься в вышеприведенную строфу Руставели, чтобы убедиться, что поэт считает корыстолюбие и алчность не какими-то извечно присущими человеческой природе свойствами, а относит их только к людям, ставшим по каким-то причинам поклонниками культа золота. Золото захватывает их в свои лапы, душит и развращает. Таким образом великий поэт уже в XII веке пророчески видел связь человеческой природы с укладом общественной жизни.

Не подлежит сомнению, что в сознании человека многое насаждено и укоренено в течение многих веков, но сама человеческая природа не является неизменной и вечной. Например, каждый человек может стать жадным и корыстным так же, как щедрым и бескорыстным. Какие его возможности станут реальными качествами, или какие чувства и страсти, устремления и взгляды восторжествуют в нем — это полностью зависит от условий его жизни, воспитания, так же, как и от духовного наследия, полученного им из прошлого.

Таким образом, мы подошли к истине, многократно доказанной, что добро и зло, положительное и отрицательное как в общественной жизни, так и в характере отдельных людей представляет собой конкретно-историческое явление, а не нечто, извечно и неизменно присущее человеку. В пользу этого заключения говорят многочисленные примеры, показывающие, что то, что для определенного времени и определенных обстоятельств считалось людьми одного социального круга добром, в другие эпохи, в других обстоятельствах, в других социальных условиях превращалось в зло.

Как видим, история Саули связана с разрешением многих сложных вопросов. В нашей критике по этому вопросу было высказано множество различных

мнений. Некоторые критики считают, что поступок Саули определяется не какими-либо конкретными условиями его жизни или какими-то пережитками, оставшимися в его сознании, а тем, что это присуще человеку вообще, что те или иные действия человека порождены свойствами, не зависящими от времени и обстоятельств.

Правда, Д. Шенгелая раскрыл конкретное социальное окружение своих героев,—пишут такие критики,—но основная его заслуга, главное его художественное достижение состоит в том, что он-де показал нам нравственные движения человеческой души вне этого окружения. Этот тезис развивается и «доказывается» подобным образом: «По мнению писателя, человеческое сознание полно конфликтов, противоречий, лучшие черты соседствуют с непростительными слабостями и пороками; в человеке притаилось много низменных чувств и инстинктов, и человеческая личность одержит над ними верх только в том случае, если она будет бороться с ними. Не существуют отдельно положительные и отрицательные качества; они представляют собой одно целое в богатом и разнообразном характере человека. Существует лишь великая, нескончаемая, возвышенная и благородная борьба во внутреннем мире человека, и эта борьба является единственным условием победы возвышенных начал. Такой, на наш взгляд, является одна из сторон замысла «Клада» Демна Шенгелая.

Человек не ангел, убеждает нас автор, но человек и не полуживотное, как это утверждают многие современные иностранные писатели. Человек, согласно повести Д. Шенгелая,—существо, которое борется за преодоление слабых сторон своей природы и таким образом как бы стремится стать выше себя. Мы таковы, какими становимся в результате борьбы, усилий воли, целеустремленности преобразования личности,—вот убеждение автора. Большим достоинством повести является и то, что в ней нет деления на «положительных» и «отрицательных» героев. В этом отношении Д. Шенгелая проявляет несравненно «высокий вкус и великолепное знание человеческой психологии».

Как видим, здесь речь идет не о человеке определенного времени и определенных социальных отношений, а о человеке вообще, независимо от того, к какой эпохе и к какой общественной группе он принадлежит. Получается, что нравственная сущность человека зависит не от условий исторических и общественных, а исключительно от нескончаемой борьбы, происходящей в нем, между возвышенными чувствами и по-

рочными наклонностями. Таким образом, хорошее и дурное в человеческой жизни определяется не временем и обстоятельствами в конкретных условиях, не теми или иными пережитками в сознании человека, а человеческой натурой вообще.

Но тогда позволительно задать вопрос — как же отличает хорошее от дурного человек, который, как получается по этой теории, оказывается замкнутым в своем субъективном мире, и когда все зависит исключительно от его личных качеств?

С первого взгляда нет ничего дурного в том, что человек представляется таким существом, «которое борется со своими дурными свойствами, растет, развивается и даже, в определенном смысле, возвышается над своей личностью». Но для того, чтобы человек боролся с плохими сторонами своей природы, он должен быть вооружен каким-то мериллом, каким-то критерием, чтобы отличить хорошее от плохого. Однако же хорошее и плохое, добро и зло могут проявиться лишь в общественных взаимосвязях человека и, следовательно, для определения этих противоположностей неприемлемо личное, субъективное мерило, ибо один может принять за положительное качество то, что другому покажется отрицательным. Одним словом, критик приписывает Д. Шенгелая очень наивный и противоречивый субъективный взгляд, и именно это он считает его большим художественным достижением.

Как мы говорили выше, в человеческом сознании немало доброго и злого, насаждаемого в течение веков. Много пережитков осталось и в наше время в сознании людей. Но хотя бы один тот факт, что в каждой исторической эпохе в психологии людей определенных социальных кругов добро и зло имеет всегда конкретно-историческое содержание, ясно свидетельствует о том, что категории добра и зла не являются извечными категориями человеческой психологии, а проистекают из конкретных условий жизни человеческого общества.

Развитие общества на каждом шагу доказывает, что человека, как социальное существо, возвышают или принижают какие-то силы, стоящие вне его. Именно поэтому верит прогрессивное человечество в то, что если уничтожить социальное зло, стоящее вне природы людей, если освободить человеческую психологию от вековых осадков, человек, этот высший феномен природы, предстанет во всей своей красоте и величии. Про человека можно сказать то же, что было сказано великим русским поэтом А. Блоком обо всем мире:

Сотри случайные черты,

И ты увидишь: мир прекрасен.

На самом деле, если положительные и отрицательные свойства «представляют единое целое», если они происходят из одного источника, т. е. — из нашей природы, как же тогда мы можем вооружиться благородным гневом против веками осаждавшихся в человеческой душе подлостей и гадостей, к которому призывал М. Горький, как мы сможем бороться против человекоубийц, воров, взяточников, бюрократов, расхитителей народной собственности, подхалимов, всякого рода собственников, которые, к сожалению, еще сохранились у нас кое-где? Если человек во все времена и при всех обстоятельствах грешен и его нравственное развитие зависит исключительно от бесконечной борьбы в его сознании, тогда каждый из нас сможет осуждать поступки другого, только следуя волчьей «морали»: когда едят других — хорошо, когда едят меня — плохо.

У тех, кто вольно или невольно переносит категории положительного и отрицательного, добра и зла из общественно-исторической сферы в сферу субъективную, поневоле теряются грани между этими понятиями.

Утверждение, будто «большим художественным достоинством «Клада» является то, что там нет «положительных» и «отрицательных» героев» и что «в этом отношении Д. Шенгелая проявляет несравненно высокий вкус и великолепное знание человеческой психологии» — весьма наивно, если не сказать больше, и не основано на фактах. Неверно, будто в «Кладе» нет положительных героев (другое дело — насколько они художественно полноценны). Ибо кто же, как не положительный персонаж — старик Оття (может, именно поэтому некоторые склонны считать его образ лишним в повести) или главная жертва происшедшей драмы — Фунду, или же целая группа колхозников, которые не подчинились власти золота и которым Саулия сказал: «Вы оказались лучше меня! Человечнее! Я же потерял голову, потерял сознание».

Но главное в данном споре состоит не в том, имеются или нет в «Кладе» положительные и отрицательные образы, а в тех эстетических принципах, которые выдвигаются в данной связи, и, согласно которым как бы одним мано-вением руки снимается одна из основных проблем нашей литературы — проблема положительного и отрицательного героя. Неужели критик действительно думает, будто достаточно прекратить делить литературных героев на положительных и отрицательных, чтобы достигнуть больших художественных высот и проявить знание человеческой психологии?

Но в таком случае можно спорить и о проявлении художественного вкуса и

понимании человеческой души у Шекспира, который создал, с одной стороны, такие определенно отрицательные образы, как Яго, датский король Клавдий, Гонерилья, Регана и др., а с другой стороны, таких благородных героев, как Отелло, Гамлет, Корделия и др. Но возьмем более близкий пример из современной советской литературы. Шолохов создал положительный образ такого масштаба, как Соколов, и в то же время (правда, эпизодически) показал отвратительный образ изменника Родины.

Проблема положительного и отрицательного героя — сложная проблема. Можно сказать, что главным чаянием всей большой литературы прошлого, в частности, литературы критического реализма, были поиски положительного героя. Этим и сегодня занята вся современная прогрессивная зарубежная литература, а для советской литературы, имеющей огромное общественно-воспитательное значение, формирующей нового человека, проблема положительного героя имеет особое значение.

Именно поэтому правдивый показ красоты внутреннего мира нашего человека, его высоких моральных качеств, создание положительных героев, которые стали бы образцом для подражания, являются важнейшими вопросами эстетики социалистического реализма.

Этот эстетический принцип был выдвинут в соответствии с новаторским характером нашей литературы, а не произвольно придуман неизвестно кем, как это кое-кому кажется. Разумеется, нельзя отрицать, что в освещении этого вопроса нашей литературной критикой и литературной теорией были допущены отдельные ошибки. По моему убеждению, теория т. н. идеального героя была безусловно односторонней и ошибочной. Но существовала ли такая новая теория или новый вопрос, которые разрешались бы сразу, безошибочно, без споров и дискуссий?! Мы действительно имеем в литературе немало «положительных» героев, лишенных живых человеческих страстей и чувств, являющихся лишь механической суммой положительных свойств, собранных по желанию автора, а не художественными образами во плоти и крови. Такие образы, естественно, не убеждают и не волнуют читателей. Но с другой стороны, иногда в стремлении правдиво показать все земные страсти и инстинкты иные писатели создают приземленные, бескрылые образы людей. Возможно, подобные образы и создают иллюзию убедительности поверхностной правдивостью мелких деталей, но они не могут удовлетворить нас, не могут дать нравственный и эстетический идеал. А литература без идеалов не может прине-

сти никакой подлинной радости читателю, чтобы не сказать больше.

Д. Шенгелая далек от того, чтобы без различия относиться к хорошему и дурному в людях и во взаимоотношениях людей. Писатель на всем своем богатом творческом пути не избегал выносить отображаемому свой приговор. «Клад» так же является своеобразным приговором.

Но замысел «Клада» вовсе не состоит в том, как это думают некоторые критики, чтобы показать извечно присущие человеку слабость и двойственность. Согласно всем ясно видимым признакам, автор «Клада» ставит себе целью показать, насколько вредным и даже, если угодно, патологическим чувством является в нашем обществе жадность, златолюбие, стремление к паразитическому существованию. Но, по моему мнению, при осуществлении этого замысла в образе Саулии где-то не хватило нужных красок, оказались несколько нарушенными пропорции. Думается, что все волнения Саулии, связанные с найденным кладом, несколько преувеличены: он словно играет роль, не совсем соответствующую его внутреннему облику. И это происходит не потому, что в наше время, в нашем обществе не может быть скупцов и стяжателей. Такое предположение было бы самообманом и необоснованной заносчивостью. Во-первых, такие человеческие страсти, как скупость, корыстолюбие, зависть, эгоизм принадлежат к инстинктам, и выкорчевать их не так уж легко. А во-вторых, в нашем обществе распределение средств существования пока что происходит на основе количества и качества труда, и следовательно, материальное положение людей неодинаково. Даже больше: было бы наивностью и заблуждением думать, что в материальном благосостоянии людей нет никаких неравномерностей, которые могут приводить к обострению таких инстинктов, как жадность и стяжательство. Писатель не поставил Саулию именно в такие условия, и это дало кое-кому повод думать, что писатель обратился к изображению вечной раздвоенности добра и зла в природе человека.

Одним словом, характер Саулии не вполне соответствует тем обстоятельствам, в которые его поставил писатель. До того, пока он находит золото, он морально цельный человек, проникнутый типичными для современности устремлениями. Как видно, писатель почувствовал, что подобный характер не совсем естественно идет к проявлению заложенных в нем возможностей, и поэтому он внес в его биографию очень примечательную деталь. Саулия некогда из-

за кусочка земли ударил соседа топором и чуть его не убил. После этого он, скрываясь от кровной мести, переселился из Сванетии в Колхиду. Это, конечно, свидетельствует об определенных собственных устремлениях Саулии. Но после этого Саулия прошел большую школу жизни и труда. Теперь, вспоминая об этом случае, он горько вздыхает. Надо думать, что перед нами человек, очистившийся от грехов прошлого. Что же касается скромного старого железнодорожного сторожа Отии, то он не влюбил Саулию и не желал отдавать ему в жены Фунду, «которую он баловал с детства и вырастил нежной, немногословной женщиной». Отия боялся, что «грубость и вспыльчивость неотесанного парня может принести ей горе». Это было лишь чутье, предчувствие. У Д. Шенгелая очень острый писательский слух, улавливающий такие глухие, еле слышные звучания человеческой души. Но это чутье само по себе не может считаться глубоким художественным мотивом.

Саулия — парень «трудолюбивый, работающий, как говорят, дай бог, чтобы каждый в горе и радости был таким парнем. Он не любил ныть и скаредничать, и общее дело считал своим личным делом». Он так привык к коллективному труду, что сердце всегда тянуло его к коллективу. Он и живет довольно зажиточно. Правда, дом у него пока небольшой, но он имеет все возможности, чтобы осуществить свою мечту — выстроить новый дом, зажить своим хозяйством, отвезти в город свою любимую жену и показать ее хорошим врачам, чтобы не остаться без потомства, дать возможность посмотреть много интересного, порадовать, развлечь. Саулия не завидует никому из своих соседей, не стремится к богатству, добытому нечистым путем, никто ему не мешают, не притесняют. Перед Саулией раскинулась дорога честного трудящегося колхозника, любящего мужа и хорошего гражданина. Ничто не мешает ему спокойно идти по этому пути. Одним словом, ни какие-либо внешние коллизии, ни эмоциональные или интеллектуальные стороны его характера не дают никаких оснований предполагать возможность конфликта, порожденного находкой золота.

И вот у такого человека при виде золота сразу проснулось чувство жадности и стремление к паразитической жизни. Он даже теряет представление о реальности. Саулия знает, что общественные законы нашей жизни не дают ему права присвоить найденный клад: если же он утаит его, — ему придется думать только о том, чтобы темными, нечистыми путями, под вечным страхом,

превращать золото в источник нетрудового дохода. Но он, конечно, не может мечтать ни о том, чтобы построить собственные фабрики и заводы, ни о приобретении поместья. Он знает, одним словом, что в том обществе, в котором он живет и хорошим членом которого он являлся до этого момента, золото давно уж не имеет той функции, которую оно имело и имеет в капиталистическом обществе. Несмотря на это, он все же не может расстаться с золотом, цепляется за него. Саулия переживает сильную драму, мучается, во всем его существе разгорается жестокая борьба противоречий, которые пробудило в нем золото. Писатель, безусловно, стоит на пути глубокой психологической правды, когда показывает, что страсти, инстинкты, эмоции оказываются в человеке более прочными, цепкими, чем сознание. Но думаю, что художественная правда оказывается нарушенной, искаженной тем, что на страстях и эмоциях Саулии не видно отпечатка тех жизненных обстоятельств, которые определили его характер, они не имеют ни конкретного содержания, ни конкретного адреса.

Вот в этой связи одна беглая параллель.

Стейнбековский Кино тоже находит сокровище — огромную жемчужину. Но в рассказе Стейнбека герои живут в совершенно другой социальной обстановке, и сама жемчужина выполняет здесь иную функцию. Кино же — человек совершенно иной духовной конституции. Сходство его судьбы с судьбой Саулии лишь в том, что и его душу покорила та же сила — сила золота, и он, как и Саулия, цепляется за драгоценность, и он бьет свою верную жену, когда последняя хочет бросить жемчужину в море, как вещь, сулящую несчастье и зло. Но все эмоции, пробудившиеся в душе Кино, носят отпечаток тех условий, в которых он живет, имеют конкретный адрес. Кино мечтает о том, как он разбогатеет, как на деньги, вырученные за жемчужину, купит себе карабин, оденется и оденет жену и любимого сына и — что самое главное — отдаст его в школу, где мальчик научится писать и читать написанное, получит знания, поймет настоящую правду, почему страдает его родной народ, и, таким образом, они станут полноправными, свободными людьми.

Итак, мы видим, что чувства и страсти героя выкованы конкретными обстоятельствами его жизни и накалены духом времени. В этом и заключается художественная конкретность.

Так происходит и в действительности, в жизни: всякое человеческое чувство, всякая страсть — будь то любовь или

ненависть, щедрость или алчность, зависть или ревность — всегда определяются и накаляются духом времени, исторической обстановкой, всегда они имеют свои особые приметы, характерные для определенной эпохи и определенного социально-национального круга.

Однако алчность, любовь к золоту Саулии проистекают не из каких-либо особых условий его жизни или какой-либо особой склонности, кроющейся в его психологии. Потому и все дальнейшее поведение его, этот резкий поворот в его характере выглядят неестественной и неожиданностью. Речь идет именно о неестественной неожиданности, а не о художественной неожиданности, которая явствует из раскрытия новых сторон характера субъекта. Много очень удачных художественных неожиданностей найдем мы и в произведениях самого Д. Шенгелая. Но обратимся к самому блестящему примеру — «Отелло». Художественная неожиданность здесь заключается в том, что герой, человек исключительно благородной природы и кристально-чистой совести, оказывается в плену столь страшной подозрительности, что душит любимое существо. Человек, преисполненный нежнейшей любовью и возвышенными чувствами, на глазах у нас превращается в дикаря, влекомого потоком необузданных страстей. Но какая твердая внутренняя логика, какая естественность в этой неожиданности, как гениально подготовлен этот перелом в поведении героя! Это — многострадальный, великодушный и мужественный чернокожий воин среди высокомерных и беспощадных белых людей. И его большая страсть потому-то и поднимается до общечеловеческой страсти, что она порождена его личной судьбой, конкретной эпохой и обстановкой.

Иногда резкая и неожиданная перемена поведения характера служит для писателя средством раскрытия того или иного социального типа. Кажется, что перед вами — прекрасный человек, честный и благородный, но в какой-нибудь новой обстановке, в новых взаимоотношениях вдруг выясняется, что он в действительности мелкий, глубоко порочный, или наоборот, — но такой резкий поворот в характере героя убедителен и содержит художественную правду лишь в том случае, если он оказывается проявлением внутренних противоречий психологии героя или своего рода его духовного притворства, но не нарушением внутренней логики характера. Например, в творчестве Горького каждое такое неожиданное проявление характера по существу всегда является раскрытием того или иного социального типа (вспомним бродягу Челкаша, крестья-

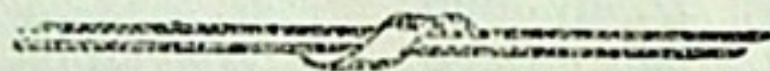
янина Гаврилу и др.). Из современных зарубежных писателей Грэхем Грин часто применяет этот прием раскрытия характера. Порой кажется, что писатель срывает маску с человека вообще, с извечных начал человеческой природы. Субъективно, по мирозерцанию писателя, возможно, это отчасти так и есть. Но объективно в движении и развитии образов писателя все же чувствуется природа социальных типов современного капиталистического мира, логика своего рода социальной мимикрии.

История Саулии — не срывание маски, а скорее утверждение нравственной нормы. Правда, писателю не удалось поднять случайность до типической индивидуализации, но все же он показал несовместимость алчности и любви к золоту с моральным кодексом нашего общества. В душе Саулии, хоть поздно, но все же просыпается сознание советского человека. В «Кладе» есть легкий намек на то, что настоящее сокровище это не найденный клад, а моральная чистота человека, которую создает только лишь труд, и которая выражается в цельности характера. (Примечательно, что Отня и Фунду, как цельные характеры, противопоставлены Саулии).

Именно этой моральной чистотой, правдой женского сердца волнует и убеждает нас Фунду. Золото не имело власти над ней, Фунду отеклась от клада, она осудила своего мужа, охваченного золотой лихорадкой. И это показалось психологически фальшивым как раз тому критику, который объясня-

ет поведение Саулии какими-то вечными имманентными законами, человеческой природы. По отношению к Фунду он впадает в другую крайность и совершенно умалчивает природу женщины, как таковую. По его мнению, если Фунду выросла сиротой, в бедности, то золото должно было вскружить ей голову, затуманить разум.

Да, Фунду была сиротой, но росла она в такой общественной обстановке, в такой атмосфере, где не могло развиваться «бесконечное, но все же человеческое стремление к богатству, к беззаботной расточительной жизни», которое критик считает присущим всем людям. Основное здесь то, что Фунду — здоровая душой и телом молодая женщина — и, как всякая здоровая молодая женщина, жадна на любовь, на тепло и ласку любимого мужчины. Это — прекрасная жадность. Саулия и Фунду любят друг друга, и невозможно, чтобы любовь эта не была бы величайшим счастьем для Фунду. Молодая женщина ни на что не променяет эту любовь, не променяет ни на какие сокровища мира. И Фунду должна была отвергнуть это золото уже потому, что женщина обязательно возненавидит то, что отнимает у нее любовь. И что же неубедительного, неправдоподобного в том, что Фунду осудила поступок мужа и возненавидела клад, поправший, оскорбивший ее святые чувства женщины и труженицы... Таковы некоторые мысли, возникшие у меня, во время чтения этой столь красиво и волнующе поведенной истории «Клада».

Первая книга молодого литературоведа

В издательстве «Заря Востока» вышла литературно-критическая работа Гурама Гвердцители «Образ положительного героя в грузинской советской прозе». Первая книга молодого способного литературоведа рекомендует его с положительной стороны. Он самостоятельно выбрал актуальную тему для исследования и решает ее с привлечением хорошо отобранного историко-литературного материала. Автор обнаруживает ясность, продуманность своей научной концепции, претворяет ее целеустремленно, убежденно, доказательно. Доброе начало можно приветствовать и горячо поддержать.

В одном из обобщающих разделов своей книги Г. Гвердцители утверждает:

«Советская эпоха, открывшая новую эру в жизни народов, характеризующаяся массовым героизмом, высокой сознательностью народа, светлым социалистическим идеалом, безусловно дает богатейший материал и вместе с тем большой стимул литературе для создания образов положительных героев. Именно поэтому в портретной галерее советской литературы мы видим многочисленные образы положительных героев, в которых с разной степенью художественного мастерства, но с большой авторской любовью и старанием раскрыты характеры советских людей. Партия — вернейший друг и наставник советской литературы — всегда ориентировала ее на создание положительных образов, запечатлевающих героическую борьбу и труд освобожденного народа» (стр. 29).

Это не декларативное повторение глубоко обоснованного требования народа, партии к советской многонациональной литературе. Высказанные принципиальные положения в данном случае оказываются исходной идейной основой, главной целью обобщения и критического анализа опыта мастеров богатой грузинской прозы социалисти-

ческого реализма. Автор разворачивает исследование ее произведений прежде всего для того, чтобы выявить и утвердить все лучшее, достигнутое за десятилетия, в полноценном художественном изображении передовых героев нашей современности. А отсюда и возникает убеждение, что талантливые и продуктивно работающие грузинские прозаики действительно творчески вооружены для успешного осуществления боевых задач своего активного участия в строительстве коммунизма.

Автор руководствовался при выборе темы исследования не отвлеченными умозрительными соображениями, а тем, что пристальный, устойчивый и столь важный по своим результатам интерес грузинских писателей к созданию поучительных образов положительных героев является прочно укрепившейся традицией грузинской советской литературы.

Более того, в главе «К проблеме положительного героя в художественной литературе» обстоятельно обосновывается, что вообще жизненная важность данной проблемы «определяется как всей спецификой литературы, так и ее общественной функцией и содержанием» (стр. 9), утверждаемыми ею положительными идеалами. Всегда в творчестве великих классиков прошлого и особенно в искусстве социалистического реализма воплощением высоких идейных стремлений художников, воплощением прекрасного выступали положительные герои. В том-то и выражается полная деградация современной буржуазной антинародной литературы, что она демонстративно и трусливо отказывается от положительных героев, ибо такими могут быть только передовые люди труда, те, кто боролся и борется против самих основ бесчеловечного частнособственнического мира, господства империалистических хищников.

Несомненную оригинальность теоретической оснащённости книги придает обращение автора при аргументации высказанных выше положений к мудрым суждениям грузинских классиков. И. Чавчавадзе, например, категориче-

Г. Гвердцители. «Образ положительного героя в грузинской советской прозе». Редактор Б. Жгенти. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1959 г.

ски заявлял: «искусство само зло раскрывает ради добра, а о добром нечего и говорить» (стр. 16). Грузинская классика изобилует долговечными образами положительных героев — носителей благородных идеалов: мифический Амирани, славные витязи Шота Руставели, устремленный в будущее романтический герой Николоза Бараташвили, представители трудового народа в творчестве Ильи Чавчавадзе, Важа Пшавела, Александра Казбеги.

Автор справедливо отстаивает святость этой замечательной национальной традиции, успешно обогащаемой советскими писателями. Нигилизм здесь опасен, вреден и лишь способен вульгаризировать, опошлить конкретно-историческое понимание эстетической проблемы положительного героя.

Теоретическое рассмотрение различных трактовок в понимании сущности положительных героев приводит автора к выводу: «...мы под понятием положительного героя объединяем все те художественные образы, созданные в прогрессивной мировой литературе, в которых выражены передовые мысли и тенденции эпохи, лучшие черты народа, нации» (стр. 26).

Такое обобщающее определение куда более точно, чем надуманное деление героев произведений на просто положительных, полно положительных и идеальных и приблизительно идеальных в работах некоторых критиков и литературоведов.

Четыре раздела, объединенных общим, несколько обезличенным названием — «Образы положительных героев в грузинской советской прозе», посвящены конкретному и взыскательному анализу творческой работы Михаила Джавахишвили («Арсен из Марабды»), Лео Киачели («Кровь», «Гвади Бигва», «Человек гор»), Раждена Гветадзе («Тео»), Бориса Чхеидзе («Ферро»), П. Чхиквадзе («Этажи»), Константина Лордкипанидзе («Заря Колхиды», «Клинок без ржавчины»), Демна Шенгелая («Алый цветок») и других над образами положительных героев грузинского народа. К тому же привлечены многочисленные критические труды и статьи А. Белика, Г. Вардосанидзе, Б. Жгенти, Т. Кванчиашивили, Л. Каландадзе, З. Кедринной, Г. Мерквилладзе, А. Сулава, В. Цулукидзе и др. Наблюдениями и выводами одних критиков подтверждаются суждения автора, другим он доказательно противопоставляет личные аналитические заключения. Очевидно, что исследование разворачивается на достаточно широкой историко-литературной базе.

С разной степенью полноты Г. Гвердцители критически рассматривает рома-

ны, повести, рассказы грузинских писателей, чтобы доказать, как они ищут и находят все более совершенные краски для правдивого образного отображения богатства и многообразия социалистической действительности. Иной раз автор слишком растягивает анализ отдельных произведений (почти половину книги занимает разбор «Зари Колхиды» К. Лордкипанидзе, «Гвади Бигвы» и «Человека гор» Л. Киачели), кое-где допускает элементы пересказа, подменяет проблемность изложения описательностью — промахи извинительные в первой монографической работе молодого исследователя.

Главное же, у читателя не остается впечатления, что все сводится к простой арифметической сумме критических этюдов на заданную тему. Книга тем и интересна, что пронизана стремлением новыми и новыми фактами аргументировать верно намеченное решение поставленной проблемы.

Цельность такого впечатления углубляется анализом положительных образов в историко-литературном развитии. После удачного образа легендарного народного героя Арсена Одзелашвили, после ряда других обращений к прошлому грузинская литература в начале тридцатых годов обогащается первыми значительными произведениями о строителях социализма. Показательно, что именно в это время М. Джавахишвили раскрывает глубокую зависимость характера героев литературы от социальной действительности. Отмечая полное исчезновение в советской литературе образов «сверхчеловеков» — индивидуалистов и недостижимых великанов, он утверждал:

«Сейчас героев преподносит сама действительность; их тысячи в колхозах, на заводах, в шахтах, в воздухе, на воде и под водой. Каждый писатель может показать нам время хоть Фарнаоза, но только основной задачей литературы является показ того нового человека, той действительности, которую мы освоили и которой отдадим еще много энергии» (стр. 41).

Чем полнее осознавали это писатели, тем успешнее были их свершения в работе над положительными образами советских патриотов. Г. Гвердцители достоинству оценивает известные достижения Лео Киачели в «Гвади Бигва», «Человеке гор», Константина Лордкипанидзе — в «Заре Колхиды», каждый новый образ положительного героя взвешивает с точки зрения высокой художественности, выясняя безоговорочные удаchi и причины срывов, промахов.

В анализе литературных явлений ощущается ищущая, самостоятельная

мысль исследователя, видящего «литературу во всей сложности ее движения вперед» (стр. 111). Объективность критических оценок сочетается у него с похвальным стремлением установить своеобразие стиля, изобразительной манеры Л. Киацели, К. Лордкипанидзе и некоторых других писателей. Правда, освещение художественного мастерства дается не всегда с нужной полнотой.

Автор не замыкается в пределах грузинской прозы и целесообразно делает историко-литературные сопоставления. Правильно, что дело не ограничивается лишь сопоставлениями, а грузинская проза рассматривается, как составная часть советской многонациональной литературы.

Книга написана с хорошим полемическим задором. Г. Гвердцителли вступает в спор с грузинскими и русскими литературными критиками, опровергая неверные оценки отдельных художественных произведений и отстаивая собственную точку зрения. Одностороннему истолкованию и явной недооценке «Алого цветка» Демна Шенгелая в статье З. Кедринной «Заметки о грузинской прозе» противопоставляется признание достоинств этой повести с одновременной критикой слабости ее сюжетного построения. Позитивное начало выделяется и в полемике по поводу повести «Очаг Харатели» М. Мрелишвили.

Есть в книге и явные недоделки, не доведенные до конца рассуждения. Только попутно затронут вопрос о мастерстве изображения национального характера положительного героя. Нет исчерпывающего объяснения, почему наиболее значительными оказались удачи грузинских прозаиков в изображении героев из крестьянской среды. Скороговорка не может удовлетворить, когда на заключительных страницах книги, по сути дела, только упоминаются «Цветение лозы» К. Гамсахурдиа, «На Алазани» Т. Донжашвили или романы

самого последнего времени. Умозрительной отвлеченностью отмечена оценка образа Бату Кардуа как идеального героя советской литературы.

Вкрались в текст работы и отдельные неточные формулировки, непродуманные выражения. Конечно, не в силу «своеобразия» своего таланта В. Дудинцев в романе «Не хлебом единым» рассматривал жизнь под отрицательным углом зрения (стр. 31). И такой ошибочный взгляд получил распространение не «среди части творческих работников» (стр. 33), а поддерживался немногими лицами, и то кратковременно.

Непонятно, что за «патриоты-критики» (даже взятое в кавычки, это выражение остается туманно-неопределенным) высказывали суровое осуждение образа Григория Мелехова из «Тихого Дона» М. Шолохова (стр. 27).

Нельзя согласиться, что революционный романтизм в советской литературе представляет «составной элемент формы художественного воспроизведения действительности» (стр. 134).

Едва ли так бесспорно, как это делает автор, можно согласиться с высказыванием Ромен Роллана: «Я называю героями не тех, кто побеждал мыслью или силой. Я называю героями лишь тех, кто был велик сердцем» (стр. 28). Нельзя сказать, что героям К. Лордкипанидзе, да и вообще кому-либо, может быть «свойственна острая тенденция развития» (стр. 89).

Если современность — душа советской литературы, то и литературоведческие исследования ее опыта в художественном показе героев нашего времени — самая важная задача. Вот почему работы, подобные книге Г. Гвердцителли, не только могут оказать определенное воздействие на текущий литературный процесс в Советской Грузии, но и приобретают серьезное значение в обмене творческим опытом во всесоюзном масштабе.

Москва, 1959.

И. Чодришвили,

начальник Главного управления
лесного хозяйства, заповедников и
охотничьего хозяйства при Совете
Министров Грузинской ССР.

Охранять природу— значит охранять Родину

«...Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять—их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода—будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные—будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе—вода, птице—воздух, зверю—лес, степь, горы. А человеку нужна Родина. И охранять природу—значит охранять Родину».

Эти чудесные строки написаны М. М. Пришвиным, замечательным русским писателем, который необычайно тонко чувствовал и открывал в природе самое яркое, самое поэтическое.

«Охранять природу—значит охранять Родину»—эти слова сейчас очень часто вспоминают все советские люди.

Одним из самых ценных достояний природы Грузинской ССР являются леса.

Если с большой высоты одним взглядом охватить всю территорию Грузии, откроется самая красноречивая из всех географических карт—живая карта республики. И тогда нетрудно увидеть, что лесами занято больше трети ее поверхности.

Густыми лесами покрыты склоны Главного Кавказского хребта, Малого Кавказа и их отрогов, как бы окаймляющих нашу республику.

Леса Грузии, раскинувшись на площади в три миллиона гектаров, занимают 37 процентов ее территории.

250 различных видов деревьев и кустарников произрастают в лесах нашей республики. Здесь и стройные красавицы ели в своем зеленом хвойном уборе, и могучие пихты и сосны—лучшие озонаторы воздуха, и деревья самых

различных лиственных пород—бук, граб, клен, каштан и множество других. А в Бацарском ущелье Ахметского района можно встретить живые памятники седой древности—реликты третичного периода—дзелкву, тис. Обилие разновидностей деревьев придает горным кряжам неопишемую красоту, особенно осенью, когда листва ясеня, клена, дуба, рябины, приобретая разнообразную окраску, ярко расцвечивает склоны. А ранней весной наши леса зацветают, и этот праздник цветения лесов длится до середины лета.

Поистине многообразно значение горных лесов (они составляют 96 процентов всей нашей лесной площади) в жизни республики. Являясь важным климаторегулирующим фактором, они играют большую роль и в формировании и регулировании водного режима рек Куры, Риони, Иори, Храми, на которых стоят мощные гидроэлектростанции, и многих других рек, а также оросительных систем, питающих колхозные и совхозные поля и плантации.

Зеленые заслоны из густых лесных полос поставлены на службу урожаю. Они препятствуют вредному воздействию зимой холодных, а летом засушливых ветров на посевы и посадки сельскохозяйственных культур. Леса защищают почву от эрозии, препятствуют возникновению селевых потоков, являющихся бичом сельского хозяйства. В лесах Грузии обитают представители богатой фауны—олени, косули, туры, лани, серны, джейраны, фазаны и много других ценных животных и птиц. Влияя на водный режим рек, леса способствуют и существованию в наших водоемах редких пород рыб.

Трудно переоценить значение лесных массивов в создании замечательных лечебных свойств наших климати-

ческих и бальнеологических курортов, широко известных всей стране. Это — Боржоми, Абастумани, Шови и другие всесоюзные здравницы, расположенные в гуще лесов, которые не только способствуют укреплению здоровья советских людей, но и создают прекрасные ландшафты.

Некогда почти вся территория Грузии была покрыта лесами. Но в результате неоднократных нашествий вражеских полчищ, на протяжении многих веков выжигавших и вырубавших деревья, погибло немало лесов.

В Грузии до установления Советской власти больше сорока процентов лесов принадлежало частным владельцам, видевшим в них лишь источник дохода. Леса хищнически вырубались, особенно в массивах, расположенных вблизи населенных пунктов, рек и дорог.

Бесхозяйственное отношение к лесу, бессистемная рубка его привели к тому, что мы получили в наследство от царизма большие обезлесенные, оголенные территории.

Экспортировались ценные породы — самшит, грецкий орех, явор, ясень, каштан, тис, ель, дающая резонансную древесину для музыкальных инструментов.

Особенно сильно леса Грузии подверглись истреблению в период развития капитализма — во второй половине XIX и начале XX века. Беспощадно уничтожались ценные леса в Колхиде, в долинах рек Куры, Алазани и других. Огромные площади, лишенные лесов с их водоохранными и почвозащитными функциями, терпели стихийные бедствия. Об этом свидетельствует следующий факт. В 80-х годах XIX века в Атенском ущелье нынешнего Горийского района лесопромышленник Зеземан полностью вырубил сосновый, еловый и пихтовый леса. В результате маленькая речка Тана стала постоянным бедствием для жителей ущелья: участились внезапные наводнения, уничтожавшие сады, виноградники, посевы.

По имеющимся данным, с 1911 по 1917 год в бывшей Тифлисской губернии было вырублено 126 тысяч десятин леса, а в Кутаисской — за пять лет, с 1912 по 1917 год, площадь лесов сократилась на 204 тысячи десятин.

Планомерное ведение лесного хозяйства в нашей республике началось с установлением Советской власти. Плотными стенами встали новые зеленые массивы вокруг городов, сел, курортов нашей республики. В зеленый наряд оделись окрестности Цхалтубо, Поты, Махарадзе, Гори, Кутаиси.

За последние годы проведено облесение трех тысяч гектаров в пригородах Тбилиси. Пришлось преодолеть не-

мало трудностей, особенно при освоении участка Надиквари над Ботаническим садом, где высятся голые скалы. Посадочные ямы здесь пришлось делать с помощью взрывов, а землю для посадок возить издалека.

Большие работы ведутся сейчас по озеленению берегов Тбилисского моря. В недалеком будущем тенистый дендропарк, заложенный на 200 гектарах, станет любимым местом отдыха трудящихся. Здесь уже посажено более 300 самых различных видов древесных и кустарниковых пород, а также плодовых деревьев.

С осени минувшего года Главное управление лесного хозяйства, заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров Грузинской ССР приступило к облесению большой площади неиспользуемых земель в поймах рек Куры, Арагви, Риони, Иори. Уже освоено больше 1.200 гектаров земель. Здесь, в поймах рек, не только возникает новая база получения древесины, но и будут укреплены и защищены от размыва берега.

В Грузии ежегодно заготавливается около полутора миллионов кубометров древесины для нужд строительства, а также мебельной, бумажной, спичечной промышленности. Но при этом все делается для того, чтобы не нарушить водоохранные и почвозащитные функции лесов.

Рубка производится таким образом, что лесные богатства республики не только не истощаются, а наоборот, постоянно возобновляются без каких-либо затрат государственных средств. Лесные хозяйства Главного управления ежегодно восстанавливают до 18 тысяч гектаров леса: на двух тысячах гектаров закладываются новые культуры и принимаются все меры, чтобы на 16 тысячах гектаров происходило естественное возобновление лесов.

Народ недаром называет лес «зеленым другом», под защитой которого зреют обильные урожаи сельскохозяйственных культур. Но у нас еще имеются площади, где нет зеленого заноса; засуха и сильные ветры наносят огромный ущерб сельскому хозяйству. Особенно страдают от этого безлесные равнины Сагареджойского, Цителцкаройского, Самгорского и других районов республики.

Но советские люди «не ждут милостей от природы», а сами берут их, берут в упорной борьбе, завоевывают их непрерывным трудом. Среди хлеборобов Шираки в Цителцкаройском районе недавно родился замечательный почин. В ноябре минувшего года цителцкаройцы обратились с призывом ко всем трудящимся Грузии: «Оденем на-

шу республику в зеленый наряд, умножим богатства природы!». Это ценное начинание было повсеместно подхвачено в районах Грузии.

В ноябре 1958 года Верховным Советом Грузинской ССР был принят «Закон об охране природы Грузинской ССР», в котором нашли свое разрешение насущные вопросы в области охраны и приумножения природных богатств нашей республики — лесов, вод, фауны и флоры. Стоящие перед нами задачи по охране природы тесно связаны с величественными перспективами коммунистического строительства, намеченными XXI съездом КПСС.

Широкое развитие лесного хозяйства Грузии намечено планом великого семилетия. За это время должны быть проведены лесовосстановительные ра-

боты на площади в 144 тысячи гектаров, кроме того, на площади 19 тысяч гектаров будут созданы защитные лесные полосы, благодаря которым значительно повысится урожайность полей и плантаций.

Лесоводы Грузии уже приступили к выполнению семилетнего плана. В работе им большую помощь оказывает население всей республики.

Всяческого одобрения заслуживает замечательная инициатива молодежи Тбилиси, своими руками заложившей на берегах Тбилисского моря зеленые насаждения.

Новые парки и лесные массивы еще более украсят нашу республику, умножат ее живописные ландшафты. Охрана природы становится подлинно кровным делом всей нашей общественности.

М. Нефедов

Пусть шумит над городом листва!

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Подлинная красота города не исчерпывается красотой его архитектурных сооружений, просторами площадей, широкими проспектами, благоустроенными набережными. Красота большого города остается холодной и безжизненной, она не сможет затронуть сердце человека, если нет в городе садов и парков, если не сверкают на его улицах теплыми живыми красками цветники, клумбы, газоны, если, наконец, город не окружен поясом зеленых насаждений.

Потому, может быть, так и прекрасен древний Тбилиси, что его замечательные памятники старинного грузинского зодчества — храмы, крепости, обнесенные балконами дома, а также созданные в последние годы ансамбли общественных и жилых зданий, улицы, площади и набережные обрамлены живописной рамкой из изумруда раскидистых платанов, кед-

ров, елей, вечнозеленых пальм, стройных тополей и кипарисов.

Но как бы ни были обширны зеленые массивы Тбилиси — их все же недостаточно для такого большого, растущего с каждым годом города. И наряду с созданием новых кварталов, застройкой целых районов, возведением жилых и общественных зданий, прокладкой новых уличных магистралей в городе идет большое зеленое строительство. Закладываются новые парки, озеленяются склоны гор, окружающих Тбилиси.

Велико декоративное и художественно-эстетическое значение зеленых насаждений, но вместе с тем нельзя не сказать о том, что это крупный социально-бытовой фактор в жизни города. Зеленые насаждения — верные друзья людей. Они защищают население городов от пыли, дыма и копоти, очищают воздух от вредных примесей, улучшают его химический состав. На бульварах и в скверах дышит-

ся легче, чем на улицах, лишенных растительности. Зеленые массивы могут в известных пределах регулировать температуру: в знойный день сады и парки приносят прохладу, в холодное время они смягчают климат. Есть у зеленых насаждений и еще одно немалое достоинство — они поглощают звуки, уменьшают городской шум.

«ЗЕЛЕНЫЙ ГОЛОД» СТАРОГО ТБИЛИСИ

Идея озеленения города издавна упорно пробивала себе путь в умах человечества. Но особенно настойчиво она стала стучаться в дверь практического градостроительства сейчас, в наши дни.

В капиталистических условиях благородная идея создания городов-садов оказалась нереальной. Это ясно можно видеть на примере развития Тбилиси.

Девятнадцатый век и начало двадцатого века были для Тбилиси временем большого роста. За этот период он сделался одним из крупнейших городов Закавказья. Однако ему не хватало зелени. Город был еще слабо развит в материально-техническом отношении. В нем не было предприятий крупной промышленности и достаточной технической базы, не было мощного водопровода. На озеленение выделялись ничтожные суммы. Так, судя по отчету городской управы, за 1913 год на содержание городских зеленых насаждений было израсходовано всего 47.052 рубля.

Какие сады и парки общего пользования существовали в Тбилиси до революции? Их было очень мало: Муштаид (ныне Центральный парк культуры и отдыха имени Орджоникидзе) площадью 11,5 гектара, Верийский парк (ныне Парк физкультуры), занимавший тогда 4,3 гектара и, наконец, Александровский сад (ныне сад Коммунаров), разместившийся на площади 5,5 гектара. Помимо этого, в Тбилиси насчитывалось двенадцать мелких городских скверов с общей площадью около трех гектаров, несколько мелких внутриквартальных садов при летних клубах и ресторанах, в которых проводила время тогдашняя буржуазия: «Арто», «Фантазия» и др.

Небольшие сады или, вернее, садики с бассейнами и фонтанами в восточном духе встречались во дворах промышленных магнатов и купцов.

Наиболее значительную площадь — 45 гектаров — занимал Тбилисский ботанический сад, но, в силу специального научно-экспериментального назначения, он не был доступен широким массам для культурного отдыха.

Вся сеть зеленых насаждений общего

пользования в старом Тбилиси до Великой Октябрьской социалистической революции не составляла и двадцати пяти гектаров. На одного жителя приходилось немногим более половины квадратного метра. Город был, по существу, без зелени — в особенности, его центральные районы. В окрестностях лишь по долинам рек и горных ручьев росли фруктовые сады и виноградники.

В 1892 году было положено начало замечательным по тому времени лесокультурным работам на окружающих Тбилиси горах — на склонах Мтацминда, в районе горы Махати (Худадовский лес) и в Ортачала. Однако эти работы крупного развития не получили из-за дороговизны земли, которую надо было выкупать у частных лиц.

Большинство окружающих город горных склонов оставалось оголенными: во время дождей огромные массы воды беспрепятственно устремлялись вниз, на улицы Тбилиси, увлекая за собой камни, песок, глину. Эти грозные селевые потоки при довольно частых ливнях причиняли городскому населению много лишений и бедствий.

В летние жаркие дни Тбилиси страдал от недостатка воды и зелени. Характерными для пейзажа центральной части тогдашнего Тбилиси были узкие кривые улицы, полные пыли, грязи, зловония, доносившегося с заболоченных берегов Куры.

НАСАЖДЕНИЯМ НУЖНА ВОДА, САДАМ И ПАРКАМ — ПИТОМНИКИ

Зеленое строительство в широких масштабах невозможно без воды, необходимой для орошения насаждений и питомников, для выращивания саженцев деревьев и кустов. Между тем, в вопросе снабжения водой не только зеленых насаждений, но и всего города встречались большие трудности.

В XIX столетии для орошения использовали воду реки Куры и ее притоков. Воду подавали по оросительным канавам, проложенным обычно вдоль берегов или по улицам города. Так орошались старые сады на Вере, в районах Дидубе и нынешнего Плехановского проспекта. Даже Тбилисский ботанический сад получал воду из Цавкисского ручья.

Известно, что первый водопровод с механической подачей воды был сооружен в городе в 1862 году, специально для орошения Александровского сада. Первые восемьдесят два жилых дома получили воду из этого же водопровода уже впоследствии. Лишь через 25 лет город смог построить Авчальский водопровод.

который был единственным на протяжении почти полувека. Мощность его была недостаточной с первых же лет существования; он не мог полностью удовлетворить нужды населения и почти не подавал воду для орошения. Таким образом в течение почти полсотни лет не могло быть и речи о сколько-нибудь значительных озеленительных работах.

Положение изменилось только в 1933 году, при Советской власти, когда был построен Натахтарский водопровод, мощность которого в два раза превысила мощность старого Авчалского водопровода и постепенно возрастала. Это позволило широко развернуть озеленительные работы.

За время с 1933 по 1941 год было создано много новых парков: парк имени Кирова, парк культуры и отдыха имени Сталина, парк в Ленинском районе на углу Советской и Магнитогорской улиц, парк на б. Мадатовском острове и насаждения на набережной Куры, Комсомольская аллея, парк в районе имени 26 комиссаров и другие.

За этот же период было заложено около сорока городских скверов во всех районах города. Большинство городских улиц оделось в зеленый убор. Короче говоря, свыше 80 процентов всей площади существующих зеленых насаждений города появилось за годы Советской власти, после пуска Натахтарского водопровода.

Но наряду с водой решающим условием широкого проведения озеленительных работ является наличие мощной питомниковой базы.

До революции город имел два питомника декоративных растений общей площадью лишь в 3,5 гектара. Эти крохотные питомники не могли удовлетворить потребности города в посадочном материале как по количеству, так и по ассортименту. Поэтому в 1933 году был заложен новый городской питомник на 200 гектарах земли в Дигоми. Эта территория почти в шестьдесят раз превосходила размеры всех старых питомников.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Итоги работ, выполненных за годы Советской власти в области озеленения города, очень велики. Площадь зеленых насаждений общего пользования увеличилась в пятнадцать раз. На каждого тбилисца в настоящее время приходится в среднем около шести квадратных метров зеленых насаждений. Помимо этого, проведены значительные работы по закладке лесосадов и облесению горных склонов в окрестностях города. Общая

площадь всех видов зеленых насаждений составляет сейчас свыше 3.600 гектаров, в том числе в самом городе — около 400 гектаров садов, парков и скверов. Тбилиси достиг уровня озеленения передовых городов Советского Союза и, в частности, Москвы, где на одного жителя приходится около 7 квадратных метров площади зеленых насаждений общего пользования.

К сожалению, сложный рельеф Тбилиси не позволяет обеспечить равномерное размещение зеленых насаждений на территории города. Правобережные районы, например, обеспечены зелеными насаждениями в гораздо большей степени, чем левобережные: Свыше 86 процентов насаждений находится на правом берегу и только 13 процентов — на левом. Поэтому основной задачей на ближайшие годы является резкое увеличение площади зеленых насаждений в левобережной части города.

Генеральным планом развития и реконструкции Тбилиси на 1951—1970 годы, утвержденным Советом Министров Грузинской ССР, предусмотрено довести площадь зеленых насаждений общего пользования до 12 квадратных метров на одного жителя, не считая внутриквартальных и загородных насаждений. Предстоит огромная работа, которую необходимо провести в ближайшие 10—12 лет. Придется заложить свыше 500 гектаров новых садов, парков и скверов.

Среди новых тбилисских парков особое место занимает Парк культуры и отдыха имени Сталина на плато Мтацминда, заложенный в 1936 году.

Вы поднимаетесь или по недавно выстроенной воздушной канатной дороге или по фуникулеру на высоту 720 метров над уровнем Черного моря и вступаете в парк. Прямая широкая аллея ведет к верхней площадке. Перспектива аллеи замыкается памятником И. В. Сталину. Справа и слева — цветники, газоны, аллеи, куртины деревьев и кустарников.

Парк раскинулся на площади в 50 гектаров. Оттуда открывается чудесный вид на город и на отдаленные горные хребты. В ясную погоду в северной части горизонта выделяется своей снеговой вершиной великан Кавказа — Казбек.

Крупнейшим зеленым массивом Тбилиси является парк в Ваке, заложенный на пустыре в 1945 году в ознаменование исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне. Он протянулся по проспекту Ильи Чавчавадзе на 1.600 метров, поднялся по склону горы на 1.400 метров и там, наверху почти сомкнулся с парком культуры и отдыха имени Сталина на Мтацминда.

Чудесный вид открывается с проспекта Ильи Чавчавадзе на расстилающийся внизу партер парка с большой монументальной лестницей, спускающейся к нему, с огромным красивым фонтаном и с пестрым, но строгим цветочно-ковровым орнаментом клумб.

В парке нет еще деревьев-великанов, парк молод; нагорные склоны не успели даже одеться в густую зелень. Но тополя, липы, платаны, плакучие ивы уже высоко выбросили свои молодые побеги.

На территории парка расположен стадион «Буревестник», первая очередь которого обеспечивает размещение 25.000 зрителей. Немалое количество! И все же стадион занимает лишь один небольшой участок парка.

Обширная территория позволяет по-настоящему развернуть в парке культурно-массовую работу, сделать его любимым местом отдыха тбилисцев.

Центральный парк культуры и отдыха им. С. Орджоникидзе остался «центральным» только по названию. Для центрального он слишком мал по своим размерам, так как занимает всего 9,5 га. Территория парка сильно застроена и разделена на две части улицей Тельмана — а это нарушает его единство. К парку примыкают Детская железная дорога и сад юных натуралистов, занимающие около 3,5 га. В сущности, они составляют с парком одно целое, чему способствует наличие общего административно-хозяйственного руководства. В парке много культурно-зрелищных объектов, но мало... зеленых насаждений. Это скорее не парк, а городской сад.

Генеральный план развития и реконструкции города предусматривает разбивку в Дидубе нового парка на берегу р. Куры, севернее Кутанской улицы. Он может быть заложен в широкой пойме реки. Площадь парка составит, по крайней мере, 25 гектаров, то есть в два с лишним раза больше парка имени Орджоникидзе вместе с Детской железной дорогой и садом юных натуралистов.

Если провести некоторые строительные работы, то парк имени Орджоникидзе может быть соединен с территорией нового парка и, таким образом, получится единый крупный зеленый массив.

Намечено также строительство моста через Куру в створе улицы Вахушти. Это даст возможность пользоваться парком не только жителям Дидубе, но и жителям Сабуртало.

Новые парковые массивы предполагается создать в районах Сабуртало, Грма-Геле и Навтлуги. Можно будет построить, в частности, довольно крупный парк на берегу реки Куры, вдоль

улиц 5-го Декабря и Богдана Хмельницкого. Здесь когда-то находилась «Мабукина деревня» с большими фруктовыми садами, которая на плане Вахушти названа «Садовой дорогой». Сады именовались Дарсичальскими. Они сохранились до сих пор, хотя имеют довольно убогий вид. Если устроить подпорную стену вдоль реки и произвести некоторую подсыпку территории, то на месте отмирающих фруктовых садов можно разбить хороший парк, площадью свыше 50 гектаров. Проект парка уже разработан.

Голубоватая вода Тбилисского моря в первые годы после его создания билась о берега, лишены всякой растительности. И это неудивительно. Раньше здесь были горько-соленые озера, вокруг ничего не росло — только, как кружевное ожерелье, белела по берегам полоска отложившихся солей. Землю жгло горячее солнце, иссушали ветры.

Теперь здесь огромное водохранилище длиной в девять километров, шириной до полутора километров. На берегах водохранилища появились первые зеленые насаждения. Идет разбивка загородного парка на площади в 90 гектаров. Вблизи Тбилисского моря заложены большой плодовый питомник и дендропарк; организуется совхоз. В текущем году здесь заложены основы «Парка Дружбы».

В перспективе — озеленение и облесение всей территории берегов Тбилисского моря, строительство санаториев, домов отдыха, дачных поселков.

Худадовский лес в Махатском лесокультурном районе заложен в 1894—1896 годах на участке земли, подаренном городу прогрессивным общественным деятелем врачом Худадовым. Работы проводились опытным лесоводом В. И. Лисневским по образцу таких же работ, выполненных в Средней Азии, с целью произвести облесение горных склонов для улучшения микроклиматических условий местности и для борьбы с селевыми потоками.

Закладка леса производилась путем устройства террас на горных склонах. Высаживались здесь засухоустойчивые породы: белая акация, гледичия, миндаль, ясень, шелковица, дуб, грецкий орех, айлант, клен.

В Худадовском лесу устраивались маевки и пикники, а в 1905 году проводились революционные митинги трудящихся. Худадовский лес вошел в историю рабочего движения как традиционное место массовых выступлений тбилисского пролетариата.

Прошло 65 лет. Худадовский лес занимает теперь более 170 гектаров, к нему вплотную подошли городские по-

стройки. Настало время обогатить лес и сделать его местом культурного отдыха для населения Ленинского и Октябрьского районов столицы Советской Грузии. Это намечено генеральным планом развития и реконструкции города и уже вынесено решение о проведении соответствующих мероприятий.

ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА ВОКРУГ ГОРОДА

Зеленая зона, или пояс вокруг города состоит обычно из загородных парков и лесопарков, лесов и лесосадов. Она рассматривается в современном градостроительстве как непременная принадлежность всякого большого города, в особенности крупного индустриального центра. Зеленая зона служит резервуаром чистого воздуха, местом культурного отдыха, размещения пионерских лагерей, спортивных баз, домов отдыха, санаториев, дачных поселков.

Есть ли такая зона вокруг Тбилиси? Пока еще нет. Ее надо создавать.

Генеральным планом реконструкции и развития города ее размеры определены на 1970 год в количестве 11.387 гектаров, что в 5 раз больше площади всех внутригородских насаждений. Само собой разумеется, что освоить такую огромную площадь под древесные насаждения можно только при условии тщательно разработанной агротехники и снижения стоимости озеленительных работ. В этом деле необходимо учитывать богатый опыт прошлого, прежде всего, лесокультурные и лесомелиоративные посадки, проводившиеся без искусственного орошения при закладке Худадовского леса. К сожалению, за последние годы в Тбилиси этим приемам озеленения отводилось недостаточно места. Ставка делалась преимущественно на посадки с искусственным орошением путем перекачки речной воды на большую высоту.

Но создание обширной зеленой зоны вокруг Тбилиси не может проводиться только на базе механического оросительного водоснабжения. Надо широко развивать другие методы закладки насаждений и орошения. Необходимо со всей серьезностью изучить вопрос об использовании заброшенной агротехники лесокультурных посадок, которая так успешно применялась раньше. Опыты Института леса Академии наук Грузинской ССР, проведенные за последние годы под руководством академика В. З. Гулисашвили, говорят о возможности выращивания без искусственного орошения деревьев в сравнительно короткие

сроки. Это имеет огромное значение для проведения больших работ по лесоразведению на горных склонах в окрестностях Тбилиси. Не следует также пренебрегать давно известными, но тоже забытыми методами обеспечения водой насаждений без устройства сложных и дорогостоящих водопроводных систем. К таким методам относятся: использование небольших горных рек, ручьев и родников, сбор поверхностного стока на каменистых склонах путем устройства водосборных канав, как это делалось прежде, например, в районе Давид-Гареджийского монастыря, накопление в посадочных ямах воздушного конденсата путем рыхления каменистого грунта вокруг них и т. п. Эти методы в своей совокупности могут дать неплохие результаты.

БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

Зеленые насаждения города — это большое и сложное хозяйство. Основной их массой ведают городской и районные Советы депутатов трудящихся. Однако многое находится в руках других ведомств и организаций. Управление Закавказской железной дороги, завод имени Кирова, комбинат шампанских вин, прядильно-трикотажный комбинат, камвольно-суконный комбинат, шелкоткацкая и чаеразвесочная фабрики, Тбилисский государственный университет, первая горбольница и множество других предприятий, учреждений и организаций имеют у себя целые гектары зеленых насаждений, то есть десятки и сотни тысяч деревьев и кустарников, миллионы цветов. О них надо заботиться, за ними надо повседневно ухаживать.

Общее руководство всем зеленым хозяйством города осуществляет Тбилгорсовет. Но он не имеет специального органа, аналогичного, например, Управлению озеленения города Москвы. Зеленые насаждения находятся в ведении Управления благоустройства, а надзор за их сохранностью осуществляет инспекция по благоустройству города. Однако эти органы, созданные только в 1957 году, едва ли смогут, из-за недостатка опыта, поставить свою работу на должную высоту, в особенности в области агротехники, ухода за насаждениями и защиты их от болезней и вредителей.

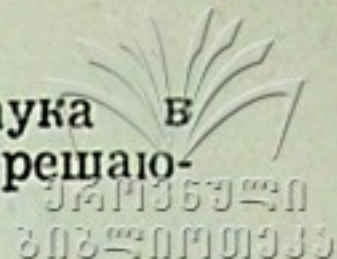
В Москве с 1949 г. существует городская станция защиты зеленых насаждений, которая направляет и координирует эту работу. При станции имеется научно-исследовательская лабора-

тория. Следовало бы изучить ее опыт. Положенне дела настоятельно требует этого.

Институт леса Академии наук Грузинской ССР активно участвует в озеленении города. Однако его помощь соответствующим организациям еще не носит систематического характера. Желательно было бы, по примеру Москвы, организовать научно-технический совет, который обсуждал бы и решал принципиальные вопросы зеленого строитель-

ства и хозяйства Тбилиси. Наука в этих вопросах должна играть решающую роль.

* * *

Зеленые насаждения Тбилиси имеют много друзей среди трудящихся; собственно говоря, все жители города — их друзья. Зелень — подлинное богатство столицы Грузии.

Пусть над нашим древним городом всегда шумит молодая листва!

Мастера грузинского искусства

Кирилл Зданевич

Яркий, впечатляющий талант

— Тетя Лиза, тетя Лизико! Смотрите на стену, что нарисовал ваш мальчик! — раздались звонкие голоса детей, окруживших маленького худенького ребенка лет восьми, с иссиня-черными волосами, оттенявшими его высокий лоб.

Мать выглянула с балкона, и взгляд ее мгновенно отыскал кудрявую головку сына. Его чистенький костюмчик был уже перепачкан мелом.

— Ладо, что с тобой, дорогой, ты весь измазан, посмотри, как ты разукрасил лицо и руки! Что ты там опять нарисовал на стене? — воскликнула Елизавета Георгиевна. Но, взглянув на стену, умолкла в изумлении. Перед ней развернулась картина, нарисованная не по-детски уверенной рукой: в стремительном прыжке застыли над причудливыми скалами изящные, грациозные лани. Каждая из очерченных одной линией фигурок имела свое движение, не похожее на другие. Невольно вспоминались рисунки мастеров миниатюры.

Дома ребенка нельзя было оторвать от бумаги. Он часами просиживал с карандашом в руке, срисовывая портреты Руставели, Пушкина, Ираклия II, Толстого, Гоголя, Лермонтова. Вокруг портретов на бумаге появлялись горы, скачущие лани, воины с мечами и щитами, птицы и деревья.

Иногда в соседний дом заходил художник Зоммер, немец из Берлина, переселившийся в Тбилиси. Небрежный костюм, огромный бант на шее, буйные рыжеватые кудри на лысеющей голове, сизый нос, шляпа с большими полями, сдвинутая на ухо а la Рембрандт, — таков был этот художник, большой поклонник фотографии в живописи. Но Зоммер обладал острым глазом и мог сказать, поощрять ли мальчика в рисовании или направить его энергию по другому руслу.

Елизавета Георгиевна решила попросить художника посмотреть рисунки сына.

Величественный и растрепанный Зоммер подошел к столу и несколько минут молча смотрел на разложенные листы, потом взглянул на голову юного художника, едва возвышавшуюся над столом, и, воздев руки к потолку, патетически воскликнул: «Мальчик отмечен перстом! Несомненный талант! Клянусь, он будет художником! Из него получится толк! Он не будет аптекарем, из него не получится чиновник; но художник, и хороший художник, из него выйдет! Но учите, учите мальчика!»

* * *

Прошло несколько лет. Любовь к рисованию всецело захватила Ладо. Он познакомился и подружился с молодыми художниками Александром Бажбеук-Меликовым, совсем юным вундеркиндом Зигой Валишевским и другими. Друзья посещали выставки, смотрели гравюры, снимки с картин, ходили на экскурсии по старинным храмам Грузии. Много рисовали с натуры красками...

В августе 1910 года, выдержав конкурсный экзамен, Ладо был зачислен в Школу поощрения изящных искусств — филиал Петербургской Академии художеств. Ладо был счастлив — перед ним открылись двери в искусство!

В школе рисования и скульптуры были опытные педагоги: Оскар Шмерлинг, Генрих Гриневский, Егише Татевосян, Борис Фогель, Николай Склифасовский. Ладо учился с большим прилежанием и любовью. Успехи в его занятиях были очень значительны. Яркий индивидуальный талант юного художника проявлялся все сильнее и заметней.

...Прошло четыре года — Ладо полу-

чил диплом. Перед молодым художником открылся широкий мир творческих дерзаний. Теперь он мог пойти своим путем, без опеки учителей, прислушиваться к своему внутреннему голосу.

Значительным событием в жизни молодого художника явилось участие в экспедиции Музея Грузии, организованной профессором Ефиме Такаишвили с целью изучить древние храмы Грузии, зарисовать эти уникальные памятники архитектуры, живописи и скульптуры и, по возможности, организовать их охрану. В течение двух лет экспедиция побывала в храмах Атени, Греми, Давид-Гареджа, Мцхета, Набахтеви. Побывала она и в Турции, где изучила самые большие и величественные грузинские храмы, к сожалению, сильно поврежденные, — в Ошке, Ишхане, Бана.

В процессе работы Ладо Гудиашвили тщательно изучал законы композиции фресок, линейные построения рисунка, гаммы красок.

* * *

В 1913—1914 годах Гудиашвили познакомился с творчеством замечательного грузинского художника-самоучки Нико Пиросмани. Ладо был изумлен его картинами. Он хорошо знал академическую живопись, живопись эпохи Возрождения, испанскую, французскую живопись, живопись фресок и миниатюр. Но картины Пиросмани совершенно не были похожи на то, что он видел до сих пор. Они несли в себе огромную правду жизни, были необычайно оригинальны и в то же время традиционны — в них играли цвета древних грузинских фресок. Этот человек «не от мира сего», перенесший столько горя и неудач, что их хватило бы на десятки людей, был великолепным художником — это был самородок, отобразивший в своем творчестве все традиции грузинской фрески и миниатюры. Многие почерпнул Ладо из «уроков» Нико и сумел творчески переработать и подчинить своему художественному мышлению и стилю и живопись грузинской фрески и живопись Пиросмани.

Всего три раза удалось Ладо встретиться с Пиросмани, но эти встречи запомнились ему на всю жизнь. На протяжении двадцати лет работал Ладо над темой «Пиросмани» и создал цикл картин большого значения. Это графические работы: «Пиросмани у винного погреба», «Мечта Пиросмани», «Краски Пиросмани» (1916), «Бего — меценат Пиросмани» (1917). В 1940 году он создает чудесный рисунок «Поминальный тост Пиросмани». Осиротевшая лань подпирает неожиданно подымающуюся могильную плиту. Кинто льет

вино на могилу. С большим художественным мастерством и тонким пониманием природы выполнены две картины маслом — портрет Нико Пиросмани (1928) и «Смерть Пиросмани» (1946). «Смерть Пиросмани» потрясает своим трагизмом. Полотно выдержано в суровых коричневых и серых тонах. Неяркий свет озаряет жалкую конуру под лестницей — последнее пристанище художника. На полу, прислонившись к стене, лежит Пиросмани. Голова его запрокинута назад. Глубоким страданием и скорбью веет от его распростертой фигуры. Эта картина — обвинительный акт против правителей Грузии 1918 года — меньшевиков. Уже известный в те годы одаренный художник умирает без помощи и внимания.

Весной 1919 года Ладо пишет портрет поэта Тициана Табидзе. Портрет вызывает интерес необычностью композиции и в то же время реалистичностью характеристики поэта.

В конце 1919 года Гудиашвили едет за границу с другом своим — художником Давидом Какабадзе. На полтора месяца они останавливаются в Риме, затем едут во Францию, в Париж.

В Париже Ладо поступает учиться в академию Ронсона. Он много и успешно занимается, работает над рисунком и одновременно продолжает писать картины. Основная тема его картин этого периода — тбилисские мотивы. Он пишет «Рыба цоцхали», «Тост на рассвете», «Кутилы на фаэтоне», «Трапеза на рассвете», пишет также этюды и эскизы, навеянные Парижем: «Парижане», «Испанцы», «Мост в Париже» (все 1920 года). В 1920 же году появляется много и графических работ художника, в которых он ярко освещает уродство капиталистической системы, разоблачает буржуа, торговцев. Названия рисунков очень красноречивы: «Шпик», «Торговая сделка», «Чарли Чаплин и господин импрессиарио», «Парижские буржуа в Сорбонне» и др.

В 1922 году в Париже была устроена первая выставка Ладо Гудиашвили. На ней были выставлены четыре картины: «Идиллия», «Кутеж на фаэтоне», «Тост на рассвете», «Кутеж с женщиной» и множество рисунков и акварелей. Парижане приняли выставку очень хорошо. В художественной критике появилось много отзывов об оригинальном и самобытном художнике из далекой Грузии. Известный испанский художник Игнасио Зулоага, последний представитель классической школы в Испании, был поражен работами Ладо: «Я никогда ни у кого не видел ничего подобного. Это совершенно самобытный мастер, талантливый и

очень непосредственный». Зулоага разыскал Ладо и пришел к нему в ателье. Он рассматривал все работы Ладо, не уставая восхищаться и хвалить «младшего коллегу». Затем отобрал десяток рисунков и картину «Кутеж с женщиной» и, невзирая на возражения Ладо, не желавшего продавать свои работы, купил их. Приходили в мастерскую и другие художники: знаменитый японец Фужита, бельгиец Франц Мазерель, французы Альберт Марке, Брак, русские, итальянцы, португальцы, англичане, американцы.

Гудиашвили становится популярным и любимым художником. Он начинает выставлять свои картины в осенних и весенних салонах, посылает их на нью-йоркские, лондонские выставки. Оригинальность, самобытность и индивидуальность творчества, традиции грузинской живописи производили на всех посетителей неизгладимое впечатление. Много интересных встреч было у Ладо. Много он увидел, познал. Часто бывал в Лувре, в Люксембургском музее, в мастерских знаменитых художников.

До 1926 года Ладо Гудиашвили выполнил такие работы, как «Испанские друзья», «Женщина в скалах», «Кутеж под деревом», «Женщина притворилась спящей», «У Оленьего источника», «У Черного ручейка», «Зеленые феи» и много других; графические листы: «Песня «Только тебе одному», «Идолы бизнесменов», «Птичья панихида», «Вторичные похороны в Париже», «Подхалим и его попечитель», «Казнь невинного», «Деревня Бюналь» и много других.

Графика Гудиашвили уже тогда приобрела ту зрелость и мастерство, которые так поражают зрителя. Пластичная линия, острота характеристики, пленительное поэтическое звучание, мастерство исполнения, достигающее иногда виртуозности, — вот что отличает его графику.

Но несмотря на шумный успех в Париже, Ладо тянет на родину, и вскоре он возвращается в Грузию. Молодая Советская республика в тот период восстанавливала развалившееся после господства меньшевиков хозяйство. И Ладо так же, как и все грузины, с радостью включился в созидательный труд.

После семилетней разлуки с родиной Гудиашвили, сохранивший в чистоте традиции грузинской живописи, приобретший большой опыт и знания за границей, овладевший отточенной техникой графического искусства, возмужавший, вдохновленный новой жизнью в Грузии, с энтузиазмом отдался творческой работе. Гудиашвили приглаша-

ют профессором в Тбилисскую академию художеств. Он живет полной, напряженной творческой жизнью: пишет картины, декорации в театре, делает эскизы в кино, создает многочисленные декоративные панно, иллюстрирует книги, выставляет свои произведения в Грузии, в других республиках СССР и за границей. В 1927 году в Тбилиси была открыта его первая персональная выставка — показ творчества парижского периода, на которой демонстрировалось более 300 работ. Он откликается на все события жизни, пишет много портретов. Ладо любит сказки и мифы Грузии, он пишет на темы народных басен, сказаний. С увлечением рисует яркие картины старого Тбилиси, народный театр. Каждое произведение Гудиашвили глубоко продумано, носит отпечаток творческих исканий. С его картин и рисунков смотрит сама жизнь.

* * *

Прошло много лет со дня возвращения Ладо в Грузию. Один перечень его работ, выполненных за это время, занял бы много страниц. Десница художника сильна и плодотворна. За это время он создал замечательные произведения искусства. Ладо Гудиашвили — мастер портретной живописи, он постиг тайну передачи души, характера человека несколькими неуловимыми штрихами. Замечательны женские портреты Гудиашвили. «Женщина из Исани» (1927) — небольшая картина, но как много в ней сказано о женщине из предместья Тбилиси! На лице ее — печать многовекового бесправия, но вместе с тем в картине чувствуется и веяние новой жизни. Пейзаж старого Тбилиси написан скупой и правдивой. Через три года Ладо пишет портрет Нино Гудиашвили — опоэтизированный образ любимой женщины. Затем он создает замечательный «Портрет армянки». Контрастный по отношениям красок, он напоминает старинные испанские портреты. Более шестидесяти портретов и рисунков женщин карандашом, углем, сепией дополняют живописные работы Гудиашвили. Невозможно выделить лучшие из этого цикла — каждый рисунок великолепен. Общее для всех портретов Гудиашвили — благородство душевного мира натуры, гармоничность, глубина чувств и переживаний, выраженных в них. Портреты Гудиашвили — значительнейшее явление искусства.

В 1937 году он пишет «Танец-вихрь» — небольшое полотно красно-коричневого тона с яркими золотистыми молниями света. Этой картиной

открывается ряд творческих удач — «танцевальных» картин Гудиашвили: «Танцовщица Лейла» (1939), «Придворные танцовщицы» (1940), две картины 1950 года — «Необыкновенный аккомпанемент» и «Танец на террасе». И, наконец, последняя из этих работ Ладо — «Характерный танец». Картины эти поражают богатством красок, тонов и оттенков, и, прежде всего, удивительной правдой передачи движения, неповторимой грацией, которой полны фигуры танцовщиц. Колорит некоторых картин, например, картины «Танцовщица Оль-Оль», отдаленно напоминает полотно художников итальянского Возрождения.

Графика, посвященная теме танца, также очень интересна и увлекательна. Замечательные листы этой серии — «Танец картули» (1922), «Танец ирмула» (1949), «Танец кирамала», «Танец долатов (кинто)» (1950) и другие. «Танец фанданго» — один из последних тонированных листов серии танцев, наиболее пленительный, говорящий о новых творческих возможностях художника.

Очень ярки социально-обличительные картины Л. Гудиашвили: «Преступная семья» (1929), «Обездоленная» (1930), «Насильники», «Новое и старое», (1932), «Хиромантия» (1939), «Старокупеческая застольная» (1940), «Льстивая жена» (1944) и другие.

Труднейшая задача живописи обнаженного тела в большинстве случаев решается Гудиашвили с большим вкусом и чувством. Он умеет почти одним тоном передать объем и форму тела. Нельзя не отметить его полотна «Циндандалская трагедия» (1939), «Раненая амазонка» (1946), «Перед прогулкой» и «Опасная переправа» (обе — 1942).

Графика Гудиашвили очень высока по рисунку и технике. Невольно вспоминаешь Гойю, глядя на «Застольное мычание», «В плену уродства», «Казнь невинного», «Тяжелое прошлое» (1930), «Изгнание кулаков» (1931), «У безмолвных ценителей искусства» (1940), «Блюститель супружеских нравов», «За разгадкой тайны красоты», «Проект памятника реакционной цензуры», «Тошнотворные гады», «Церковный обет», «Фашистский вклад в сокровищницу ис-

кусства» (1942), «Фашизм» и многое другое.

В лице Гудиашвили соединились два искусных художника: живописец и график. Его графическое мастерство напоминает порой миниатюру. Акварели и гуаши показывают, что мастер вполне овладел техникой материала. Очень значительны в творчестве фантастические, сказочные элементы Гудиашвили. Часто эти видения у него связываются со старым Тбилиси.

Полны оптимизма картины жизни Советской Грузии — «Возвращение колхозной бригады», «Конец виноградного сбора» и другие из серии картин о новой Грузии, мастерски исполненные, передающие радость свободного труда.

Гудиашвили — большой мастер театрально-декоративного искусства и книжной графики. Он превосходно решает задачи композиционного построения сцены, раскрытия идеи пьесы. Его декорации и костюмы к пьесам, эскизы занавесей «Театрона» и Грузинского джаза превосходны. Выделяются среди них декорации и эскизы костюмов к пьесе В. Канделаки «Майя Цхнетели» (1955).

Книжная графика Гудиашвили — это большой путь рисовальщика, изобретательного и разнообразного по приемам. Уже в Париже Ладо исполняет обложку «Сборника стихов Жанны Гален» и 14 иллюстраций. Затем для газеты «Бон-тон» выполняет несколько иллюстраций на темы тбилисского фантастического фольклора: «Девушка с тремя газелями», «Мацонщик» и др. Все его работы отличаются богатством воображения и глубоким пониманием поэзии. Интересны иллюстрации Гудиашвили к произведениям Сулхан-Саба Орбелиани, Руставели, Лермонтова, Киацели, Симона Чиковани и других.

В 1957 году в Тбилиси, в помещении Галереи художников Грузии была открыта грандиозная выставка картин и графики Ладо Гудиашвили, а через год в Москве, в Выставочном зале Союза художников СССР открылась выставка картин и графики Ладо Гудиашвили, на которой было экспонировано более 300 работ. В 1939 году Ладо Гудиашвили было присвоено звание заслуженного деятеля искусств, а в 1958 году — народного художника Грузинской ССР.

„Пропавшие без вести“

Степан Злобин, автор известных исторических романов «Салават Юлаев», «Остров Буян» и «Степан Разин», заканчивает новое многоплановое произведение «Пропавшие без вести». Этот роман посвящен советским людям, которые волею военной судьбы попали в гитлеровские лагеря смерти и до последнего дыхания оставались верными своей Родине.

Уже три с половиной года Степан Злобин работает над этой книгой, отдавая ей все силы ума и сердца. Несколько раз он почти заново переписывал роман, насчитывающий 40 печатных листов.

На мой вопрос, когда он предполагает завершить свой труд, писатель ответил: «Я многократно назначал себе сроки окончания книги, но всякий раз убеждался, что не в состоянии выдержать их. Сейчас я работаю над шестым вариантом романа. Я чувствую, что от редакции к редакции роман становится

композиционно собраннее, цельнее, а образы — компактнее и полнокровнее. Все время перед моими глазами стоит могила, в которой похоронено 93 тысячи советских бойцов. Роман должен быть памятником им и многим другим, «пропавшим без вести». Разве можно кое-как строить памятник!..»

В фашистском плену Злобин вел для себя памятные записи. В две записные книжки, сшитые из тонкой, почти папирсной бумаги, — по сотне листов каждая, — Злобин заносил свои мысли, мысли окружавших его товарищей, сцены и диалоги какого-то будущего произведения, о котором тогда писатель еще не имел ясного представления.

В июле 1942 года С. Злобин собрался бежать из Минского лагеря. Но старший врач лазарета военнопленных, изменник Тарасевич узнал о намерении писателя и выдал его фашистам. Злобина вместе с его другом — Н. Ф. Деметьевым — гестаповцы отправили в

Степан Злобин и Климентий Гигинейшвили

лагерь № 304, вглубь Германии. По прибытии туда фашисты отобрали у пленных все, что было возможно. Отобрали они у писателя и санитарную сумку, в которую он, готовясь к побегу, прочно и неприметно заделал одну из своих записных книжек.

— Эта книжка была для меня очень важна, — рассказывал мне впоследствии С. Злобин. — Без нее я едва ли мог бы писать этот роман. Ведь время «стирает» даже самые сильные впечатления! Прочитав же свои записи, я как бы вновь окунулся в жизнь лагеря, снова всколыхнулись воспоминания плена, я как бы заново увидел людей, с которыми столько было пережито!..

Как же возвратились к писателю записи, отображенные фашистами вместе с санитарной сумкой?

— Старожилы лагеря № 304 с трогательным сочувствием отнеслись к моей литературной утрате и обещали, что так или иначе, а сумку мою разыщут, — рассказывал С. Злобин. — Предполагалось, что она хранится у гестаповского фельдфебеля, «тряпичника», в его особом закутке при лагерной тюрьме. Но кто бы отважился проникнуть в нору гестаповца?

Население лагерных карцерных одиночек все время менялось: пленники, пойманные в побеге, сидели здесь по три недели, а провинившихся в дерзости начальству или в краже продуктов держали в тюрьме по несколько дней. Только учитель из Грузии Климентий Гигинейшвили находился в одиночной камере уже более полугода.

Он-то и взялся за это сложное дело — найти записную книжку.

* * *

Климентий Гигинейшвили был известен в лагере под именем «Николай-грузин».

Родился Климентий Гигинейшвили в 1916 году. Во время войны с белофиннами он добровольно вступил в ряды Красной Армии. Успешно окончив полковую школу, Гигинейшвили был переведен в офицерское училище.

С 14 июня 1941 года часть, в которой служил Климентий, проводила тактические учения на станции Лесная — между Боровичами и Слонимом. Здесь и застала его война. Под натиском превосходящих сил красноармейская часть с боями отходила к Могилеву. 23 июля в бою за днепровский мост Гигинейшвили был ранен в ногу, контужен и очнулся уже в фашистском плену.

Некоторое время военнопленных держали в лагере близ Могилева, а затем отправили в Германию, на Эльбу, в лагерь № 304, возле станции Якобшталь.

Гигинейшвили оставили работать при лагерной бане. Это было страшное время голодного изнурения пленников массового их истребления. Особенно тяжело пришлось пленным с наступлением морозов, когда тысячи советских бойцов оказались в недостроенных бараках, без окон, крыш и печей, в нечеловеческих условиях скученности и антисанитарии.

В лагере люди постепенно стали узнавать друг друга. Очень сдружились между собой Петр Киреев, Леонид Хобот, Николай Гутыря, Климентий Гигинейшвили, Николай Грознин, Иван Макан, Николай Кюнг, хоть и жили они в разных секторах лагеря, разделенные колючей проволокой, и редко встречались.

Зимой 1941 года в лагере вспыхнула эпидемия тифа. В ужасе перед возможной заразой фашисты закрыли часть лагеря на карантин. Это были так называемые «каменные бараки». Сюда немцы не проникали, ограничиваясь лишь доставкой минимума пищи и топлива.

Эпидемия не пощадила и Гигинейшвили. Он заболел и попал в «каменные бараки». Вместе с ним оказались в карантине Киреев, Хобот, Гутыря и Грознин.

Комендантом лагерной полиции был тогда Николай Гетман — украинский националист, бандит, враг советской власти. Он окружил себя такими же уголовниками, которые, угождая немцам, калечили, грабили и без того голодных пленных и ни за что убивали советских людей, выскивая командиров и комиссаров.

Однако Гетман почувствовал себя менее смело, когда гитлеровцы закрыли лагерь на карантин и оставили его, Гетмана, без поддержки. Особенно «усмиряющее» действие произвела на него смерть предателя-фельдшера, уничтоженного пленными, и бесследное исчезновение другого предателя — переводчика, труп которого немцы так и не смогли найти.

Новый 1942 год советские пленные встретили в тесном кругу под лозунгом сплочения в фашистской неволе. Дружба их крепла день ото дня. К этому времени Гигинейшвили сделался признанным товарищами старшим изолированного на карантин лагеря «каменных бараков». Он отдавал рапорты немцам о количестве живых и умерших, проводил построения для подсчета.

В одной из лагерных команд находились плетельщики, делавшие корзинки, на которые выменивали у немцев хлеб. В этой команде был некто Коренев, избравший своей специальностью не плетение корзинок, а изготовление плетей

немцам и состоявшим под командой Николая Гетмана полицаям. Гигинейшвили не раз стыдил Коренева за этот «промысел», но тот не отказался от своего позорного занятия. И вот, когда немцы «де факто» признали «Николая-грузина» «русским комендантом» карантинного лагеря, Гигинейшвили сразу же после Нового года приказал полицаям построиться. Те ждали праздничного поощрения и пришли подтянутые, с молодецкой выправкой. Сюда же был вызван и Коренев с плетьюми.

Гигинейшвили прошелся по строю полицаяв, подошел к Кореневу и взял из его рук плетку.

— Для кого вы держите плети? — в упор спросил он Коренева. — Кого вы бьете? Голодных, больных советских людей? А знаете вы, как бьет эта плеть? Ты знаешь?!.. Вот, как бьет!..

И наотмашь хлестнул негодяя. Тот закрыл рассеченное лицо руками.

Окруженные тысячной толпой пленных полицаяи поняли, что при малейшей попытке сопротивления толпа разорвет их на куски. С этого дня плети вышли в лагере из употребления.

Через некоторое время после этого события в лагере появились фашистские вербовщики — белоэмигранты-националисты: татары, грузины, армяне, азербайджанцы. Они приехали не в военной форме, а в гражданском платье, в сопровождении немцев, также передетых в штатское.

Гигинейшвили был вызван к ним на «собеседование». Они стали уговаривать его вступить в «национальный» легион, чтобы вместе с Гитлером «освободить» Грузию, которую, мол, угнетают русские коммунисты.

— Я не знаю другой жизни... Я рос в СССР. Когда учился, мне давали стипендию. Я не видел угнетения, и «освободить» мне свою Родину не от кого, — ответил Гигинейшвили.

— Пропадешь тут! — пригрозили ему. — Покорись!

— Лучше умереть, чем братьев своих убивать.

— А у тебя в Красной Армии много братьев? — спросили его.

— Там все мои братья, — смело ответил Гигинейшвили.

Когда его отпустили, Климентий поспешил укрыться в лазарете. Доктор Булатов уложил его у себя под видом больного. Но через три дня гестаповцы явились за ним в лазарет, объявили его здоровым и перевели в лагерную тюрьму, в одиночную камеру.

Его стали вызывать на допросы в гестапо, требуя признания, что он комиссар.

— Я же по-русски почти не могу

говорить! — возражал Климентий. Какой я комиссар?!..

И снова его отводили в темную, сырую одиночку.

Стояла зима. О Гигинейшвили как будто забыли. Только однажды кто-то из писарей шепнул Климентию, что немцы сделали на его карточке пометку: отправить в концлагерь.

Неожиданно Гигинейшвили опять вызвали на допрос.

— Коммунист? Комиссар? — снова услышал он знакомые вопросы. — Признавайся: комиссар?..

Гигинейшвили повторял то, что уже говорил раньше.

Но на этот раз, вместо обычного возвращения в тюрьму, Климентия вдруг повели в баню.

В нетопленном, промерзшем помещении на него, раздетого донага, гестаповец вылил ведро ледяной воды. У Климентия перехватило дыхание.

— Айн! — спокойно произнес гестаповец.

— Цвай! — продолжал он вслед за вторым ведром.

Климентий чувствовал, как леденеет все его существо, стынет мозг, останавливается сердце. Счет «тринадцать» он еще слышал, но затем потерял сознание... Очнулся он уже в своей камере.

Гестаповский фельдфебель, хозяйничавший в тюрьме, пугал Климентия тем, что его расстреляют, но старик-ефрейтор, стороживший камеру, приободрил его:

— Не бойся. Не тронут. На фронте у ваших дела неплохие. Не расстреляют тебя...

* * *

К весне лагерная тюрьма ожила. Ведь для пленных весна — это начало «сезона» побегов. Фашисты все чаще стали приводить в карцеры пойманных беглецов. Гигинейшвили под видом пения песен переговаривался с заключенными из своей одиночки, подавая им советы быть твердыми и ни в чем не признаваться гестаповцам.

Старик-ефрейтор, охранявший камеру, постепенно сблизился с Гигинейшвили, который сумел убедить немца в неминувости разгрома фашистов и обещал, что когда русские повесят гестаповцев, он получит награду за доброе отношение к пленным. С этих пор ефрейтор стал еще лучше относиться к Гигинейшвили и ежедневно рассказывал ему, что слышал по радио. Постепенно он стал поручать Климентию уборку в тюрьме, дележку пищи и даже разрешал иногда заходить к товарищам в соседние камеры.

Много можно рассказать о твердом и мужественном поведении Гигинейшвили в плену, о том, как он заботился о заключенных товарищах, как освободил от кандалов посаженного в карцер военврача I ранга Боборыкина, как устраивал свидания разъединенным в одиночках друзьям, чтобы те могли сговориться перед допросом о единстве показаний.

Так, под предлогом уборки помещения, Климентию Гигинейшвили удалось добраться и до заветной комнаты гестаповского «тряпичника», в которой хранились отнятые у пленных запретные вещи... Здесь, на стене, он увидел советскую санитарную сумку. Она?.. Гигинейшвили отпорол ремешок, которым по краю была обшита сумка. Между подкладкой и стенкой он обнаружил листки — около сотни мелко исписанных страниц. Надо было успеть до утра зашить сумку двойным сапожным швом, чтобы похищение бумаг осталось незамеченным.

На следующий день, идя за обедом, Гигинейшвили спрятал за пазуху записную книжку писателя. Разыскав Злобина, он повел его с собой в уединенный пустой барак и там таинственно извлек припрятанные записи.

— Ваши? — спросил он у потрясенного автора.

И, не слушая слов благодарности, Климентий отправился на кухню — получать обед для тюрьмы.

* * *

В этот теплый апрельский день в советском Комитете ветеранов войны было особенно оживленно илюдно. Здесь собрались бывшие узники фашистских лагерей смерти — участники движения сопротивления лагерей военнопленных Дрезденского округа. Они приехали из разных республик, краев и областей Советского Союза, чтобы после долгих лет разлуки встретиться друг с другом, пожалть дружеские, верные руки, вспомнить тяжелые дни подпольной борьбы в фашистской неволе, почтить память погибших и присоединить свои голоса к общему голосу борцов за мир.

Кто может сказать больше о зверствах фашизма, кто может ненавидеть его острее и глубже, чем эти люди, испытывавшие бесправную участь узников лагерей смерти!..

И вот эти люди встретились вновь. Друзья переходили из одних мужественных и крепких объятий в другие, из других — в третьи. Слышались радостные приветствия, восклицания, у многих на глазах были слезы.

Приехал в Москву и Климентий Илларионович Гигинейшвили.

Я познакомился с ним на квартире С. П. Злобина. В тот вечер в гости к писателю пришли многие его друзья-соратники по антифашистской борьбе. Были здесь бывшие члены бюро подпольной лагерной организации — Николай Гутыря с Полтавщины и ленинградец Никифор Титов, житель Ульяновска, майор в отставке С. М. Аввакумов, который в лагере смерти читал доклады о Ленине и рассказывал о встречах с Ильичом в бытность свою курсантом Кремлевской школы, и медсестра из Тбилиси Лена Хомасуридзе — единственная из девушек 304-го лагеря, решившаяся на побег, но пойманная фашистами, и художник из Сочи А. И. Пахомов, чьи документальные рисунки запечатлели звериный облик фашизма и послужили яркой иллюстрацией к докладам выступавших на встрече товарищей.

До поздней ночи друзья говорили о своей жизни, вспоминали борьбу в плену, и каждый из них ощущал заново и радостно дружескую близость проверенных тяжкими испытаниями верных соратников и товарищей по антифашистской борьбе.

В этот вечер я и сфотографировал Степана Злобина с Климентием Гигинейшвили — одним из тех, о ком расскажет новый роман писателя, с другом, которому он обязан спасением своей записной книжки. Многие страницы из этой книжки почти без изменения входят в окончательный вариант романа «Пропавшие без вести».

Ал. ЛЕСС

Москва.

Коротко об авторах

БАЖАН (Род. в 1904 г.)
Микола (Николай) — украинский поэт,
Платонович лауреат Сталинских премий. Первая книга стихов вышла в 1926 году. За период с 1926 по 1958 г. было издано более двадцати стихов и поэм. В их числе циклы: «Грузинские стихи» и «Узбекские стихи». Микола Бажан является переводчиком на украинский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

ШЕНГЕЛИА (Род. в 1914 г.)
Алеко (Александр) — грузинский поэт.
Петрович Начал печатать свои стихи с 1938 г. Первый сборник стихов А. Шенгелна вышел в свет в 1940 г. Второй сборник — в 1946 г. В 1954 г. стихи и поэмы А. Шенгелна были изданы в переводах на русский язык.

АКУСБА (Род. в 1914 г.)
Шамиль — абхазский писатель. До 1946 года служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. Писать начал с 1956 года. В 1958 г. вышла книга рассказов Ш. Акусба «Взлет».

СУЛАКАУРИ (Род. в 1927 г.)
Арчил Самсонович — грузинский поэт. Первое стихотворение было опубликовано в 1946 г. В 1951 — 1958 гг. было издано несколько сборников поэм и стихов А. Сулакаури как на грузинском, так и в переводах на русский язык. Рассказ «Волны стремятся к берегу» — первое прозаическое произведение А. Сулакаури.

Технический редактор М. Соселня

Подписано к печати 8 июля 1959 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×108^{1/16}.

Заказ № 647

Тираж 4000.

УЭ 02898

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр Руставели, № 42.

4 руб.

6. 224/191

[2]